

СЛАВА БОГУ ЗА ВСЕ. АМИНЬ.

БОРЗНІМ

ВІДПРА

ОЯННЯ

ПЯТОУСТА.

Изданіе
С.П.Б. Духовной Академіи.

НЕ КСНИРОВАТЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНІЙ

СВЯТАГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

W/LTS
6

801-90
5540-8

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.

Слава Богу за все. Аминь.

Св. І. Златоустъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

съ изображеніемъ святаго Іоанна Златоуста и его жизнеописаніемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1895.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 26 февраля 1895 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Никандръ*.

ПРОТИВЪ ІУДЕЕВЪ

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Восемь «словъ противъ іудеевъ» произнесены были св. Іоанномъ Златоустымъ въ Антиохіи въ два приѣма: первыя три—осенью 386, а послѣднія пять—осенью же 387 года. Поводомъ къ ихъ произнесенію послужило то печальное обстоятельство, что многіе христіане—или по старой привычкѣ, или по неразумію и увлеченію—принимали участіе въ совершавшихся мѣстными іудеями праздникахъ и постахъ и посѣщали синагоги. Противъ этого неразумія и направлены слова Златоуста, который выясняетъ въ нихъ, что іудейство уже потеряло свое значеніе и потому соблюденіе его обрядовъ противно волѣ Божіей. Первое слово было произнесено вскорѣ послѣ перваго же слова противъ аномеевъ, напечатаннаго выше на стр. 483. На него именно и дѣлается указаніе въ начальныхъ строкахъ перваго слова.

СЕГОДНЯ хотѣлъ я сообщить вамъ остальное изъ того пред- 843
мета, о которомъ недавно бесѣдовалъ съ вами, и показать
яснѣе, сколь непостижимъ Богъ. Объ этомъ мы много и
долго говорили въ прошедшее воскресенье, когда приводили
свидѣтельства и изъ Исаи, и изъ Давида, и изъ Павла. Первый
взывалъ: *родъ же Его кто исповѣсть* (Иса. lvi, 8)? Второй бла-
годарилъ Бога за Его непостижимость, говоря: *исповѣмся Тебѣ,*
яко страшно удивился еси: чудна дѣла Твоя (Пс. cxxxviii, 14);
и еще: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмogu*
къ нему (ст. 6). А Павелъ, не углубляясь въ изслѣдованіе самой
сущности (Бога), а вникнувъ только въ Его промышленіе, или
лучше—обнявъ малую только часть этого промышленія, открыв-
шуюся въ призваніи язычниковъ, и какъ бы увидѣвъ обширное и
необъятное море, воскликнулъ: *о глубина богатства и премуд-*
рости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣ-
довани путіе Его (Римл. xi, 33). Конечно, достаточно бы и этихъ
свидѣтельствъ для доказательства; но я не удовольствовался про-
роками, не остановился и на апостолахъ, но взшелъ на небо,
показалъ вамъ хоръ ангеловъ, говорящій: *слава въ вышнихъ Богу,*
и на земли миръ, въ человецѣхъ благоволеніе (Лук. ii, 14). Вы

слышали также серафимовъ, со страхомъ и трепетомъ взывающихъ: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣхъ: исполнь вся земля славы Его* (Иса. vi, 3). Призовокупилъ я и херувимовъ, вопіющихъ: *благословенна слава Господня отъ мѣста Его* (Іез. iii, 12).

844 Три свидѣтеля на землѣ *), и три на небѣ **), показываютъ неприступность славы Божіей. Доказательство наконецъ стало несомнѣннымъ; много было рукоплесканій, народъ былъ воодушевленъ, собраніе воспламенялось. А я радовался не тому, что меня хвалили, но тому, что славили моего Владыку; ибо эти рукоплесканія и похвалы доказывали любовь души вашей къ Богу. Какъ любящіе слуги, услышавъ, что кто нибудь хвалить ихъ господина, воспламеняются любовію къ хвалящему, потому что любятъ господина; такъ поступили и вы тогда: громкими рукоплесканіями вы показали великую любовь къ Господу. Хотѣлъ бы я и сегодня заняться тѣми же преніями: если уже враги истины не могутъ насытиться хулами на Благодѣтеля, тѣмъ болѣе мы должны быть ненасытны въ прославленіи Бога всяческихъ. Но что мнѣ дѣлать? Другая, еще болѣе тяжкая, болѣзнь вызываетъ языкъ нашъ къ ея врачеванію,—болѣзнь, поразившая тѣло церкви. Ее-то и должно прежде всего искоренить, а потомъ ужъ позаботиться и о внѣшнихъ; должно прежде излѣчить своихъ, а потомъ заняться и чужими. Какая же это болѣзнь? У жалкихъ и несчастныхъ іудеевъ наступаетъ непрерывный рядъ праздниковъ: трубы, кущи, посты; а многіе изъ тѣхъ, которые считаются нашими и говорятъ о себѣ, будто вѣруютъ по нашему, одни ходятъ смотрѣть на эти праздники, а другіе даже участвуютъ въ праздникахъ и постахъ (іудейскихъ). Этотъ-то злой обычай я и хочу теперь изгнать изъ церкви.

845 Противъ аномеевъ можно поговорить и въ другое время, и отъ замедленія въ этомъ не будетъ никакого вреда: но, если зараженныхъ іудействомъ не уврачуемъ теперь, когда праздники іудеевъ близко и у дверей, то боюсь, чтобы нѣкоторые (изъ христіанъ), по неудержимой привычкѣ и великому невѣжеству, не приняли участія въ этомъ нечестіи; тогда напрасны уже были бы и наши слова объ этомъ. Ибо, если они, ничего не услышавъ отъ насъ сегодня, будутъ поститься съ іудеями; то послѣ того, какъ грѣхъ уже будетъ сдѣланъ, напрасно станемъ мы прилагать и врачевство. Поэтому-то я и спѣшу предупредить (зло). Такъ поступаютъ и врачи: они прежде всего употребляютъ средства противъ сильныхъ и самыхъ острыхъ болѣзней. Притомъ же, настоящее слово (противъ іудеевъ) сродно съ прежнимъ (противъ аномеевъ): какъ

*) т. е. Исаія, Давидъ и Павелъ.

**) Ангелы, серафимы и херувимы.

сродно нечестіе аномеевъ и іудеевъ, такъ и настоящія состязанія наши сродны съ прежними. Аномеи ставятъ въ вину (І. Христу) то же самое, за что обвинили Его іудеи. За что же обвинили они? За то, что (Иисусъ Христосъ) называлъ Бога Своимъ Отцемъ, дѣлая Себя равнымъ Богу (Іоан. v, 18). За это же обвиняютъ Его и аномеи, или вѣрнѣе сказать, не обвиняютъ, но даже совсѣмъ изглаждаютъ самыя слова (І. Христа, Іоан. v, 17) и смыслъ ихъ, если не руками, такъ мыслію.

2. Не удивляйтесь, что іудеевъ я называлъ жалкими. Истинно жалки и несчастны они, намѣренно отринувшіе и бросившіе столько благъ, съ неба пришедшихъ въ ихъ руки. Возсіяло имъ утреннее Солнце правды: они отвергли свѣтъ Его, и сидятъ во тьмѣ, а мы, жившіе во тьмѣ, привлекли къ себѣ свѣтъ и избавились отъ мрака заблужденія. Они были вѣтвями святаго корня, но отломились: мы не принадлежали къ корню, и принесли плодъ благочестія. Они съ малолѣтства читали пророковъ, и распяли Того, о Комъ возвѣщали пророки: мы не слышали божественныхъ глаголовъ, и Тому, о Комъ предсказано въ нихъ, воздали поклоненіе. Вотъ почему жалки они; ибо тогда какъ другіе восхищали и усвоили себѣ блага, имъ (іудеямъ) ниспосланныя, сами они отвергли ихъ. Они, призванные къ усыновленію, ниспали до сродства съ псами, а мы, будучи раньше псами, возмогли, по благодати Божіей, отложить прежнюю неразумность и возвыситься до почести сыновъ (Божіихъ). Изъ чего это видно? *Нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ* (Матѣ. xv, 26); такъ сказалъ Христосъ хананейской женѣ, называя чадами іудеевъ, а псами язычниковъ. Но смотри, какъ послѣ измѣнился порядокъ: тѣ (іудеи) сдѣлались псами, а мы чадами. *Блюдитесь отъ псовъ*, говоритъ объ нихъ Павелъ, *блюдитесь отъ злыхъ дѣлателей, блюдитесь отъ стѣненія*. *Мы бо есмы обрѣзаніе* (Фил. iii, 2. 3). Видишь, какъ бывшіе прежде чадами сдѣлались псами? Хочешь узнать, какъ и мы, бывшіе прежде псами, сдѣлались чадами? *Елицы же пріяша Ею*, говоритъ евангелистъ, *даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. i, 12). Нѣтъ ничего жалче іудеевъ: они всегда идутъ противъ собственнаго спасенія. Когда надлежало соблюдать законъ, они попрали его; а теперь, когда законъ пересталъ дѣйствовать, они упорствуютъ въ томъ, чтобы соблюдать его. Чтѣ можетъ быть жалче тѣхъ людей, которые раздражаютъ Бога, не только преступленіемъ закона, но и соблюденіемъ его? Поэтому, говоритъ (св. Стефанъ), *жестоковѣйшіи, и необръзанніи сердца и ушесы, вы присно Духу Святому противитесь* (Дѣян. vii, 51), 846 не только нарушеніемъ закона, но и неблаговременнымъ желаніемъ соблюдать его. И справедливо онъ называлъ ихъ жестоковѣй-

ними, потому что они не понесли ига Христова, хотя оно было благо и не заключало въ себѣ ничего тяжкаго и изнурительнаго. *Научитесь, говорить (Иисусъ Христосъ), отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*; и еще: *возмите иго Мое на себе: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Матѣ. хі, 29. 30). Однако же они не понесли (этого ига) по своей жестоковѣйности; и не только не понесли, но сокрушили и расторгли его. *Понеже отъ вѣка, сказано, сокрушилъ еси иго твое, разтерзалъ еси узы твоя* (Іер. и, 20; см. в, 5 и Псал. и, 3). Не Павелъ говорить это, но пророкъ вопіеть, разумѣя подъ игомъ и узамъ символы власти (Христовой); ибо (іудей) отвергли владычество Христа, когда говорили: *не имали царя, токмо кесаря* (Іоан. хіх, 15). Ты (іудей) сокрушилъ иго, разорвалъ узы, отторгся отъ царства небеснаго и подчинился человѣческимъ властямъ! А ты (слушатель) смотри, какъ точно пророкъ обозначилъ необузданность іудеевъ; онъ не сказалъ: ты отвергъ иго, но—сокрушилъ иго, а это порокъ животныхъ рьяныхъ, необузданныхъ, не терпящихъ власти. Но отъ чего произошла эта жестоковѣйность? Отъ пресыщенія и пьянства. Кто говорить объ этомъ? Самъ Моисей: *яде Іаковъ, и насытися, и отвержеся возлюбленный* (Втор. хххи, 15). Какъ животные, когда пользуются обильнымъ кормомъ, разжирѣвъ, дѣлаются буйными и неукротимыми, не допускаютъ къ себѣ ни ярма, ни узды, ни руки возничаго; такъ и іудейскій народъ, отъ опьяненія и пресыщенія низвергшись въ крайнее нечестіе, заскакалъ, не взявъ на себя ига Христова, и не повлекъ плуга (евангельскаго) ученія. На это указывая. и другой пророкъ говорилъ: *якоже юница стрѣляломъ стрѣчею, разсвирѣпъ Израиль* (Ос. іv, 16); а другой называетъ народъ іудейскій *телцемъ ненаученнымъ* (Іер. хххі, 18). А такіа животныя, будучи негодны для работы, годны бываютъ для закланія. Это случилось и съ іудеями: сдѣлавъ себя негодными для работы, они стали годными только для закланія. Поэтому и Христосъ сказалъ: *враги Моя оны, иже не восхотѣша Мя, да царь былъ быхъ надъ ними, приведите сѣмо, и изпыцйте предо Мною* (Лук. хіх, 27). Поститесь тебѣ, іудей, надлежало тогда, когда пьянство причиняло тебѣ столько бѣдствій, когда пресыщеніе порождало нечестіе,—тогда, а не теперь, потому что теперь постъ неумѣстенъ и мерзокъ. Кто говорить это? Самъ Исаія, громко зывающій: *не снѣзгаго поста Азъ избрахъ* (Иса. lvi, 5). Почему? Потому что *въ судныхъ и сварныхъ поститесь, и біете пястми смиреннаго* (ст. 4). Если же твой постъ былъ мерзокъ, когда ты билъ подобныхъ тебѣ рабовъ; то пріятенъ ли онъ будетъ тогда, какъ ты убилъ Владыку? Какъ же такъ? Постящемуся должно быть кроткимъ, сокрушеннымъ, смиреннымъ, и не опьянять себя гнѣ-

вомъ: а ты бьешь подобныхъ себѣ рабовъ? Тогда іудеи постились *въ судныхъ и сваргахъ*, а теперь (постятся) въ неумѣренности и крайней неводержности, пляша босыми ногами на площади; по намѣренію они постятся, а по виду пьянствующие! Послушай, какъ пророкъ повелѣваетъ поститься: *освятите*, говоритъ, *постъ*; не сказалъ: шумно празднуйте постъ; *проповѣдите цѣлѣбу, соберите старѣйшины* (Іоил. i, 14). А они, собравъ толпы изнѣженныхъ людей и скопище распутныхъ женщинъ, весь этотъ театръ 847 и актеровъ увлекаютъ въ синагогу; ибо между театромъ и синагогою нѣтъ никакого различія.

3. Знаю, что нѣкоторые сочтутъ меня дерзкимъ за то, что я сказалъ: нѣтъ никакого различія между театромъ и синагогою; а я считаю ихъ дерзкими, если они думаютъ иначе. Если я рѣшаю такъ самъ собою, вини меня; но, если говорю слова пророка, прими рѣшеніе. Знаю, что многіе уважаютъ іудеевъ, и нынѣшніе обряды ихъ считаютъ священными: потому спѣшу исторгнуть съ корнемъ это гибельное мнѣніе. Я сказалъ, что синагога нисколько не лучше театра, и приведу на это свидѣтельство изъ пророка; іудеи, конечно, не больше пророковъ заслуживаютъ вѣроятія. Такъ, что же говорить пророкъ? *Лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ* (Іер. ii, 3). А гдѣ блудница предается блудодѣянію, то мѣсто и есть непотребный домъ. А лучше сказать, синагога есть не только непотребный домъ и театръ, но и вертепъ разбойниковъ и логовище звѣрей: *не вертепъ ли генинъ* (гѣны), говорится, *достояніе мое мнѣ* (Іер. xii, 8 и vii, 11), — вертепъ не просто звѣря, но звѣря нечистаго. И еще: *оставихъ домъ Мой, оставихъ достояніе Мое* (xii, 7); а когда Богъ оставитъ, то какая уже надежда на спасеніе? Когда оставить Богъ, тогда мѣсто то дѣлается жилищемъ демоновъ. Конечно (іудеи) скажутъ, что и они покланяются Богу. Но этого сказать нельзя; никто изъ іудеевъ не покланяется Богу. Кто говорить это? Сынъ Божій. *Аще Отца Моего бысте въдали*, говоритъ Онъ, *и Мене въдали бысте: ни Мене въсте, ни Отца Моего* (Іоан. viii, 19). Какое еще можно привести мнѣ свидѣтельство достовѣрнѣе этого? Итакъ, если они не знаютъ Отца, распяли Сына, отвергли помощь Духа; то кто не можетъ смѣло сказать, что мѣсто то (синагога) есть жилище демоновъ? Тамъ не покланяются Богу, нѣтъ; тамъ мѣсто идолослуженія. А между тѣмъ нѣкоторые (изъ христіанъ) обращаются къ этимъ мѣстамъ, какъ къ священнымъ; и это говорю не по догадкамъ, но по указанію самаго опыта. Ибо за три дня предъ этимъ—повѣрьте, не лгу,—я видѣлъ, что какой-то негодяй и безумецъ, выдающій себя за христіанина (не могу назвать истиннымъ христіаниномъ отважившагося на та-

кой поступокъ) принуждалъ одну почтенную, благородную, скромную и вѣрную женщину войти въ синагогу еврейскую, и тамъ покаяться по спорному между нимъ и ею дѣлу. Такъ какъ эта женщина взывала о помощи и просила остановить такое беззаконное насиліе, говоря, что ей, причастницѣ божественныхъ таинъ, не подобаешь идти въ такое мѣсто; то я, возгорѣвъ и воспламенясь ревностію, всталъ и не дозволилъ влечь ее на такое преступное дѣло, но освободилъ отъ этого нечестиваго принужденія. Потомъ я спросилъ влекшаго, христіанинъ ли онъ? И когда онъ призналъ себя такимъ, я строго выговаривалъ ему, порицая его за безчувственность и крайнее безсмысліе, и говорилъ, что онъ ничѣмъ не лучше осла, если, говоря о себѣ, что покланяется Христу, въ то же время влечетъ кого-нибудь въ вертепы іудеевъ, распявшихъ Его. И долго говорилъ я ему, во-первыхъ, на основаніи Божественныхъ евангелій, что вовсе не должно ни самому клясться, ни другого принуждать къ клятвамъ; потомъ, что не 848 должно принуждать къ клятвѣ не только вѣрную и посвященную (въ таинства христіанскія), но и никого изъ непосвященныхъ. Когда же, поговоривъ много и долго, изгналъ я изъ души его ложную мысль (о важности синагоги); то спросилъ его и о причинѣ, по которой онъ, оставя церковь, влекъ эту женщину въ еврейское сборище. Онъ отвѣчалъ, что многіе сказывали ему, будто клятвы, тамъ даваемыя, особенно страшны. При этихъ словахъ я застеналъ, воспламенился гнѣвомъ, и потомъ засмѣялся. Видя коварство діавола, и то, къ чему успѣлъ онъ склонить людей, я стоналъ; размышляя о безопасности обольщаемыхъ, я воспламенялся гнѣвомъ; а смотря опять на то, каково и какъ велико неразуміе обольщенныхъ, я смѣялся. Объ этомъ я разсказалъ и сообщилъ вамъ потому, что вы безчувственны и неострадательны къ тѣмъ (изъ христіанъ), которые и сами дѣлаютъ и другимъ позволяютъ дѣлать съ собою такія вещи. Видя, что кто-нибудь изъ вашихъ братій впадаетъ въ подобныя беззаконія, вы считаете это чужою бѣдой, а не вашею, и думаете оправдаться предъ обличающими васъ, говоря: а мнѣ какая забота? что у меня общаго съ нимъ?—слова, выказывающія крайнее безчеловѣчіе и сатанинское жестокосердіе! Что говоришь ты? Будучи человѣкомъ, имѣя одну и ту же природу, или даже,—если уже говорить объ общности природы,—имѣя одну главу—Христа, ты осмѣливаешься сказать, что у тебя ничего нѣтъ общаго съ твоими членами? Какъ же ты исповѣдуешь, что Христосъ есть глава церкви? Глава, естественно, соединяетъ всѣ члены, съ точностью направляетъ ихъ другъ ко другу и связываетъ между собою. Если (на самомъ дѣлѣ) у тебя ничего нѣтъ общаго съ твоими членами; то ничего нѣтъ у тебя общаго и съ

твоимъ братомъ, и Христосъ не глава тебѣ. Іудеи пугаютъ васъ, какъ малыхъ дѣтей, а вы не чувствуете этого. Какъ негодные слуги, показывая дѣтямъ страшныя и смѣшныя личины (сами-то по себѣ онѣ не страшны, но только представляются такими по слабости дѣтскаго ума), возбуждаютъ большой смѣхъ; такъ и іудеи пугаютъ только слабыхъ христіанъ своими личинами. Могутъ ли, въ самомъ дѣлѣ, устрашать обряды ихъ, срамныя и постыдныя;— обряды людей, прогнѣвавшихъ Бога, подпавшихъ безчестію и осужденію?

4. Не таковы наши церкви; нѣтъ, онѣ истинно страшны и ужасны. Ибо, гдѣ Богъ, имѣющій власть надъ жизнію и смертію; гдѣ такъ много говорятъ о вѣчныхъ мукахъ, объ огненныхъ рѣкахъ, о ядовитомъ червѣ, о несокрушимыхъ узахъ, о тмѣ кро-
мѣшной,—то мѣсто страшно. А іудеи ничего этого и во снѣ не видятъ, такъ какъ живутъ для чрева, прилѣпились къ настоящему, и по своей похотливости и чрезмѣрной жадности нисколько не лучше свиней и козловъ; только и знаютъ, что ѣсть да пить, драться изъ-за плясуновъ, рѣзаться изъ-за наѣздниковъ. Это ли, скажи мнѣ, заслуживаетъ почтенія и страха? Кто можетъ утверждать это? Отчего же намъ представляется это страшнымъ? Развѣ уже кто скажетъ, что и опозорившіеся слуги, не смѣющіе вымолвить слова и выгнанные изъ господскаго дома, страшны для (слугъ) почетныхъ и пользующихся свободою? Но это—не такъ, нѣтъ. Кор-
чемницы отнюдь не почетнѣе царскихъ палатъ; а синагога без-
честнѣе и всякой корчемницы, потому что служить убѣжищемъ не просто для разбойниковъ и торгашей, но для демоновъ; а вѣр- 849
нѣе сказать, не синагоги только (служать такимъ убѣжищемъ), но и самыя души іудеевъ, что и постараюсь доказать въ концѣ слова. Итакъ, прошу васъ помнить особенно эту бесѣду; потому что мы говоримъ теперь не для того, чтобы показать себя и вызвать рукоплесканія, но чтобы утѣшать ваши души. Ибо какое остается еще намъ извиненіе, когда, при такомъ множествѣ врачей, есть между нами больные? Апостоловъ было (только) двѣнадцать,—и они привлекли всю вселенную; (а у насъ) большая часть города состоитъ изъ христіанъ, и однакожь есть еще больные іудействомъ. Какое же оправданіе намъ—здоровымъ? Конечно, и они, больные, достойны осужденія; но и мы не свободны отъ него, когда небрежемъ о нихъ въ болѣзни; нельзя было бы имъ долго оставаться въ недугѣ, если бы они пользовались особенною попечительностію съ нашей стороны. Поэтому увѣщаваю васъ теперь, чтобы каждый изъ васъ привлекъ брата, хотя бы для этого нужно было сдѣлать принужденіе, употребить силу, причинить непріятность, или вступить въ споръ; все сдѣлай, только бы исхитить его изъ сѣти діавола и

исторгнуть изъ общества христубійцъ. Если бы ты увидѣлъ на площади, что кого нибудь, осужденнаго по справедливому приговору, ведутъ (на смерть), и имѣлъ бы власть вырвать его изъ рукъ палача, скажи мнѣ, не употребилъ ли бы ты всѣхъ средствъ для освобожденія его? А теперь видишь своего брата, незаконно и неправедно влекомаго въ пропасть гибели, не палачемъ, а діаволомъ, и не хочешь вступить въ борьбу, чтобы избавить его отъ такого злодѣйства? Получишь ли же какое снисхожденіе?—Но онъ, скажешь, сильнѣе и могущественнѣе тебя?—Покажи его мнѣ: скорѣе рѣшусь сложить свою голову, нежели дозволю ему вступить въ это священное преддверіе, если онъ будетъ упорствовать и оставаться при томъ же. Чтѣ у тебя (скажу ему) общаго съ свободою ¹⁾, съ вышнимъ Іерусалимомъ? Ты избралъ нижній (Іерусалимъ); съ нимъ и работай: ибо и онъ, по слову апостола, *работаетъ съ чадъ своими* (Гал. iv, 25). Ты постишься съ іудеями? Такъ сними вмѣстѣ съ ними и обувь, ходи по площади босыми ногами, и будь сообщникомъ ихъ позора и срама. Но ты на это не можешь рѣшиться: тебѣ стыдно и позорно. Такъ имѣть одинаковую съ ними внѣшность ты стыдишься, а участвовать въ ихъ нечестіи не стыдишься? Какого же можешь ожидать себѣ снисхожденія, когда ты христіанинъ только на половину? Повѣрьте, скорѣе сложу свою голову, нежели оставлю безъ вниманія кого нибудь изъ такихъ больныхъ, если только увижу; если же не буду знать, то Богъ, конечно, проститъ. Объ этомъ пусть поразмыслитъ и каждый изъ васъ самихъ, и никто пусть не считаетъ этого дѣла маловажнымъ. Развѣ вы не знаете, что діаконъ постоянно возглашаетъ во время совершенія таинствъ: *возлюбите другъ друга* ²⁾? Какъ онъ этимъ обязываетъ васъ къ строгому наблюденію за вашими братьями! Такъ поступай и по отношенію къ этимъ людямъ: когда узнаешь, что кто нибудь іудействуетъ, останови, объяви о немъ, чтобы и тебѣ самому не подвергнуться вмѣстѣ съ нимъ опасности. И въ воинскихъ лагеряхъ, если кто изъ среды воиновъ обличенъ будетъ въ преданности варварамъ и единомыслии съ персами, не только самъ онъ подвергается опасности, но и всякій изъ знавшихъ объ этомъ, но не объявившихъ вождю. А какъ и вы составляете войско Христово, то тщательно разыскивайте и разузнавайте, не вмѣшался ли между 850 вами кто нибудь изъ иноплемениковъ, и объявляйте о немъ, не для того, чтобы мы, подобно тѣмъ (вождямъ), убили его, или ис-

¹⁾ Здѣсь указывается на посл. къ Гал. iv, 22—26, гдѣ Христова церковь или *вышній Іерусалимъ* уподобляется свободной Саррѣ, а іудейская церковь или *нижній, вешній Іерусалимъ*—рабынѣ Агаріи.

²⁾ Επιδεικνύετε ἀλλήλους, равносильно діаконскому возглашенію въ литургіи евр. языкъ: *возлюбимъ другъ друга*, по употребленію въ Св. Писаніи, 1 Кор. xvi, 18.

тизали и наказали, но для того, чтобы намъ избавить его отъ заблужденія и нечестія, и свое дѣло исполнить во всей точности. Если же не хотите этого, и зная (виновнаго), станете скрывать; то будьте увѣрены, что подвергнетесь одинаковому съ нимъ наказанію. И Павелъ подвергаетъ наказанію не только *творящихъ* зло, но и *соизволяющихъ* имъ (Рим. I, 32); и пророкъ одинаково осуждаетъ какъ тѣхъ, кои крадутъ, такъ и тѣхъ, кои бѣгутъ вмѣстѣ съ ними (Псал. хлх, 18); и это справедливо. Кто, зная о злодѣѣ, прикрываетъ его, тотъ даетъ ему поводъ къ большому своеволію, и располагаетъ его дѣлать зло съ большимъ безстрашіемъ.

5. Но надобно опять возвратиться къ больнымъ. Итакъ подумайте, съ кѣмъ имѣютъ общеніе постыжіеся теперь? Съ тѣми, которые кричали: *распи, распи* (Лук. ххп, 21); съ тѣми, которые говорили: *кровь Его на насъ и на чюдѣхъ нашихъ* (Матѣ. ххvii, 23). Осмѣлился ли бы ты подойти къ осужденнымъ за покушеніе на верховную власть и говорить съ ними? Не думаю. Какъ же странно,—съ такимъ стараніемъ избѣгать сдѣлавшихъ зло чело-вѣку, а съ оскорбившими Бога имѣть общеніе, и поклонникамъ Распятаго праздновать вмѣстѣ съ распявшими Его? Это не только глупо, но и крайне безумно. А какъ нѣкоторые считаютъ синагогу мѣстомъ досточтимымъ; то необходимо сказать нѣсколько и противъ нихъ. Почему вы уважаете это мѣсто, тогда какъ его надлежитъ презирать, гнушаться и убѣгать? Въ немъ, скажете, лежитъ законъ и пророческія книги. Что-же изъ этого? Ужели, гдѣ будутъ эти книги, то мѣсто и будетъ свято? Вовсе нѣтъ. А я потому-то особенно и ненавижу синагогу и гнушаюсь ею, что, имѣя пророковъ, (іудей) не вѣрують пророкамъ, читая Писаніе, не принимаютъ свидѣтельствъ его; а это свойственно людямъ, въ высшей степени злобнымъ. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ, что какого нибудь почтеннаго, знаменитаго и славнаго чело-вѣка за-вели въ корчемницу, или въ притонъ разбойниковъ, и стали бы его тамъ поносить, бить и крайне оскорблять, не ужели бы ты сталъ уважать эту корчемницу или вертепъ потому, что тамъ оскорбляемъ былъ этотъ славный и великій мужъ? Не думаю; напро-тивъ по этому-то самому ты почувствовалъ бы особенную нена-висть и отвращеніе (къ этимъ мѣстамъ). Такъ разсуждай и о си-нагогѣ. Іудей ввели туда съ собою пророковъ и Моисея не для того, чтобы почитать, но чтобы оскорблять и безчестить ихъ. Ибо, когда они говорятъ, будто (пророки и Моисей) не знали Христа и ничего не сказали о Его пришествіи, то какое же еще можетъ быть большее оскорбленіе для этихъ святыхъ, какъ не обвиненіе ихъ въ томъ, будто они не знаютъ своего Владыку и участвуютъ въ нечестіи іудеевъ? Значитъ, поѣтому-то больше и слѣдуетъ не-

навидѣть ихъ, вмѣстѣ съ синагогою, что они оскорбляютъ святыхъ тѣхъ. Но чтѣ говорить о книгахъ и мѣстахъ? Во время гоненій палачи держатъ въ рукахъ у себя тѣла мучениковъ, терзаютъ, поражаютъ бичами: такъ ужели ихъ руки стали святы отъ того, что держали тѣла святыхъ? Нисколько. Если же руки, державшія тѣла святыхъ, скверны по тому самому, что держали беззаконно; то тѣ, которые имѣютъ у себя Писанія святыхъ и оскорбляютъ ихъ столько же, какъ и палачи тѣла мучениковъ, ужели поэтому будутъ заслуживать уваженіе? Не крайне ли было бы это безумно? Если беззаконное держаніе тѣлъ (святыхъ) не только не освящаетъ, но дѣлаетъ еще болѣе скверными держащихъ: тѣмъ болѣе чтеніе Писаній (пророческихъ) безъ вѣры не можетъ принести пользы читающимъ. Такъ это именно настроеніе, съ какимъ іудеи держатъ у себя (священныя) книги, обличаетъ ихъ тѣмъ въ болѣемъ нечестіи. Не имѣя пророковъ, они не заслуживали бы такого осужденія; не читая книгъ, не были бы такъ нечисты и мерзки. Теперь же они не заслуживаютъ никакого снисхожденія; потому что, имѣя проповѣдниковъ истины, питаютъ враждебное настроеніе и къ самимъ проповѣдникамъ и къ истинѣ. Слѣдовательно, поэтому-то они особенно мерзки и нечисты, что, имѣя пророковъ, пользуются ими съ враждебнымъ настроеніемъ. Поэтому умоляю васъ бѣгать и уклоняться ихъ собраній: (иначе произойдетъ) не малый вредъ для немощныхъ братій и не малый поводъ къ гордости для іудеевъ. Когда они увидятъ, что вы, поклонники распятаго ими Христа, выполняете и почитаете ихъ (обряды); то какъ имъ не подумать, что всѣ обряды ихъ прекрасны, а наши ничего не стоятъ, такъ какъ вы, почитая и соблюдая эти послѣдніе, въ то же время бѣжите къ уничижающимъ ихъ? *Аще кто видитъ тя*, говоритъ апостолъ, *имуща разумъ, въ требищи возлежаща, не совѣсть ли его, немощна сущи, созиждетъся* (расположится) *идоложертвенная ясти* (1 Кор. viii, 10)? И я говорю: если кто увидитъ, что ты, имѣя знаніе, уходишь въ синагогу и смотришь на (праздникъ) трубъ, немощная совѣсть его не расположится ли къ почитанію іудейскихъ обычаевъ? Падающій наказывается не за свое только паденіе, но и за то, что роняетъ другихъ; равно какъ и устоявшій не только награждается за свое мужество, но заслуживаетъ уваженія и за то, что и въ другихъ возбуждаетъ ревность къ тому же. Итакъ, избѣгайте и собраній, и мѣстъ, гдѣ бывають іудеи; и никто да не питаетъ уваженія къ синагогѣ изъ-за (священныхъ) книгъ, но изъ-за нихъ-то пусть ненавидитъ ее и гнушается ею, потому что іудеи оскорбляютъ святыхъ, не вѣря ихъ словамъ и представляя ихъ повинными въ крайнемъ нечестіи.

6. И чтобы вы убѣдились, что книги не придаютъ святости

мѣсту, но что душевное настроеніе собирающихся въ немъ оскверняетъ его, расскажу вамъ одну древнюю исторію. Птоломей Филадельфъ, собирая отовсюду книги и узнавъ, что у іудеевъ есть Писанія, преподающія ученіе о Богѣ и о наилучшемъ устройствѣ жизни, вызвалъ изъ Іудеи мужей и чрезъ нихъ перевелъ эти Писанія, и положилъ ихъ въ храмъ Сераписа (онъ былъ язычникъ), гдѣ и доселѣ находится этотъ переводъ пророческихъ книгъ. Что же? Ужели храмъ Сераписа изъ-за этихъ книгъ сталъ святъ? Нѣтъ; сами онѣ святы, но мѣсту не сообщаютъ святости, вслѣдствіе нечистоты собирающихся въ немъ. Такъ надобно судить и 852 о синагогѣ. Если тамъ не стоитъ идолъ, зато живутъ демоны. И это говорю не о здѣшней только синагогѣ, но и о той, которая въ Дафнѣ: тамъ пропасть, называемая пропастью Матроны, еще болѣе пагубная. Слышалъ я, что многіе изъ вѣрующихъ ходятъ туда и спятъ подлѣ этого мѣста. Но нѣтъ, я никогда не назову такихъ людей вѣрующими: для меня одинаково нечисто всякое капище какъ Матроны, такъ и Аполлона. Если же кто обвинитъ меня (за эти слова) въ дерзости, и я въ свою очередь обвиню того въ крайнемъ безуміи. Ибо скажи мнѣ: не нечестиво ли то мѣсто, гдѣ живутъ демоны, если даже и не стоитъ тамъ идолъ? (А мѣсто), гдѣ собираются христуобійцы, гдѣ преслѣдуютъ крестъ, гдѣ хулятъ Бога, не знаютъ Отца, поносятъ Сына, отвергаютъ благодать Духа, гдѣ еще находятся и самые демоны,—такое мѣсто не болѣе ли пагубно? Ибо тамъ (въ языческомъ капищѣ) нечестіе явно и очевидно, и не такъ легко привлечетъ или обольститъ человека умнаго и здравомыслящаго; но здѣсь (въ синагогѣ іудеи), говорящіе о себѣ, что поклоняются Богу, отвращаются идоловъ, имѣютъ и почитаютъ пророковъ, этими словами устраиваютъ только болѣшую приманку и ввергаютъ въ свои сѣти людей простыхъ и неразумныхъ, по ихъ неосторожности. Значитъ, нечестіе какъ у іудеевъ, такъ и у язычниковъ, одинаково; но обольщеніе у первыхъ дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, потому что у нихъ не виденъ ложный жертвенникъ, на которомъ они закаляютъ не овецъ и тельцовъ, а человѣческія души. Словомъ: если ты уважаешь все іудейское, то что у тебя общаго съ нами? Если іудейское важно и достойно почтенія, значитъ, наше ложно; но если наше истинно, а оно и въ самомъ дѣлѣ истинно, то іудейское исполнено обмана. Говорю не о Писаніяхъ, нѣтъ; онѣ привели меня ко Христу; но (говорю) о нечестіи и нынѣшнемъ безуміи іудеевъ. Но пора уже показать, что тамъ (въ синагогѣ) живутъ и демоны, и не только въ этомъ мѣстѣ, но и въ самыхъ душахъ іудеевъ. *Егда же нечистый духъ, сказалъ (Иисусъ Христосъ), изыдетъ отъ человека, переходитъ сквозь безводная мѣста, ища покоя: и не обрѣ-*

тая многолетъ: возвращуся въ домъ мой, отнюду же изыдохъ. И приидеъ, обрящетъ празднъ, пометнъ и украшенъ. Тогда идетъ и поиметъ съ собою семь иныхъ духовъ, лютѣйшихъ себе, и вшедше, живутъ ту: и будутъ послѣдняя челоуку тому горша первыхъ. Тако будетъ и роду сему лукавому (Лук. хі, 24; Матѳ. хіі, 43—45). Видишь, что демоны живутъ въ душахъ ихъ, и нынѣшніе—еще лютѣе прежнихъ. И очень справедливо: потому что іудеи тогда оскорбляли пророковъ, а теперь ругаются надъ самимъ Владыкою пророковъ. Такъ вы собираетесь въ одно мѣсто съ людьми, одержимыми демонами, имѣющими въ себѣ столько нечистыхъ духовъ, воспитанными въ смертоубійствахъ и—не ужасаетесь? Слѣдуетъ ли даже обмѣниваться съ ними привѣтствіями и дѣлиться простыми словами? Напротивъ, не должно ли отвращаться ихъ, какъ всеобщей заразы и язвы для всей вселенной? Какого зла они не сдѣлали? Не всѣ ли пророки употребляли множество длинныхъ рѣчей на обличеніе ихъ? Какого злодѣйства, какого беззаконія не затмили они своими гнусными убійствами? Они закалали въ жертву демонамъ своихъ сыновей и дочерей, не познали самой природы, забыли муки дѣторожденія, пренебрегали воспитаніемъ дѣтей, ниспровергли до основанія законы родства, стали свирѣпѣе всѣхъ звѣрей. И звѣри часто жертвуютъ и жизнію и пренебрегаютъ собственною безопасностью для защиты своихъ дѣтенышей; а эти, безъ всякой необходимости, собственными руками закалали свои порожденія, чтобы угодить врагамъ нашей жизни, непріязненнымъ демонамъ. Чему прежде изумляться въ нихъ? Нечестію ли, или жестокости и безчеловѣчію? Тому ли, что они закалали своихъ сыновей, или тому, что закалали ихъ въ жертву демонамъ? А похотливостію не превзошли ли они самыхъ похотливыхъ животныхъ? Послушай, что пророкъ говоритъ о ихъ невоздержности: *кони же-чонестовѣи сотворишася, кійждо къ женѣ искреннаго своего ржанше* (Іер. v, 8); не сказалъ: каждый питалъ похоть къ женѣ ближняго; нѣтъ, съ особенною силою выразилъ ихъ неистовую похоть ржаніемъ (извѣстныхъ) животныхъ.

7. О чемъ еще сказать вамъ? О хищеніяхъ, о лихоимствѣ, о притѣсненіи бѣдныхъ, о кражахъ, о корчемничествѣ? Но для разсказа объ этомъ не достанетъ и цѣлаго дня. Но праздники ихъ, скажете, имѣютъ въ себѣ что-то важное и великое!—И ихъ сдѣлали они нечистыми. Послушай пророковъ, или лучше, послушай самого Бога, какое сильное отвращеніе показываетъ Онъ къ нимъ: *возненавидѣхъ и отвергъхъ праздники ваши* (Амос. v, 21). Богъ ненавидитъ ихъ, а ты принимаешь въ нихъ участіе? Не сказано, (что ненавидитъ) такой-то и такой-то праздникъ, но вообще всѣ. Хочешь знать, что Богъ ненавидитъ (іудейское) служеніе Ему

посредствомъ тимпановъ, цитръ, псалтирей и другихъ инструментовъ? *Отстави отъ Мене*, сказалъ Онъ, *гласъ пѣсней твоихъ и пѣснь органовъ твоихъ не послушаю* (ст. 23). Богъ говоритъ: *отстави отъ Мене*, а ты идешь слушать трубы? Но не мерзки ли самыя жертвы ихъ и приношенія? *И еще принесете Ми семидаль, асуе: кадило, мерзость Ми есть* (Иса. і, 13). Кадило ихъ—мерзость, а мѣсто—не мерзость? И когда же мерзость? Прежде, чѣмъ они совершили самое главное злодѣяніе,—прежде Креста, прежде христуобійства. Такъ не гораздо ли болѣе (мерзко ихъ кадило) теперь? Что можетъ быть благовоніе кадила? Но Богъ судить о приношеніяхъ, обращалъ вниманіе не на свойство даровъ, а на расположеніе приносящихъ. *Призрѣ на Авеля и потомъ уже на дары его*; увидѣлъ Каина, и потомъ отвратился отъ жертвъ его. *На Каина*, сказано, *и на жертвы его не внятъ* (Быт. iv, 4. 5). Ной принесъ въ жертву Богу овецъ, тельцовъ и птицъ, *и обоня Господь*, говоритъ Писаніе, *воню благоуханія* (Быт. viii, 21), то есть, принявъ принесенное. У Бога конечно нѣтъ ноздрей: Божество—бестѣлесно. Съ жертвенника возноситсяверху запахъ и дымъ отъ сжигаемыхъ тѣлъ, а зловоніе этого запаха ничего не можетъ быть; однакожъ, чтобы ты зналъ, что Богъ то принимаетъ жертвы, то отвращается ихъ, смотря по расположенію духа приносящихъ, (Писаніе) называетъ этотъ запахъ и дымъ воню благоуханія, а кадило—мерзостію потому, что душа возносящихъ его исполнена великаго зловонія. Хочешь ли знать, что Богъ отвращается, вмѣстѣ съ жертвами, органами, праздниками, оміамомъ, и отъ храма, изъ-за людей, которые собираются въ немъ? Лучшее всего Онъ показалъ это на дѣлѣ, когда въ извѣстное время предалъ (храмъ іудейскій) въ руки варваровъ, а потомъ и совершенно разрушилъ. Впрочемъ, и до разрушенія, Онъ взываетъ и говоритъ чрезъ пророка: *не надѣйтесь на себе въ словесехъ живыхъ, понеже весьма не употребуютъ васъ, глаголюще: храмъ Гос-* 854 *подень, храмъ Господень есть* (Іерем. vii, 4). Не храмъ, говоритъ Онъ, освящаетъ собирающихся въ немъ, но собирающіеся дѣлаютъ его святымъ. Если же храмъ не приносилъ пользы тогда, когда въ немъ находились херувимы и кивотъ; тѣмъ менѣе онъ принесетъ пользы, когда все это уничтожено, когда Богъ совершенно отвратился отъ него, и когда открылось еще больше причинъ для такого отвращенія. Какъ же глупо и безумно праздновать вмѣстѣ съ людьми, покрытыми безчестіемъ, оставленными Богомъ, и раздражавшими Господа? Если бы кто убилъ твоего сына, скажи мнѣ, ужели ты могъ бы смотрѣть на такого человѣка, слушать его разговоръ? Не избѣгалъ ли бы ты его, какъ злого демона, какъ самого діавола? Іудеи умертвили Сына твоего

Владыки; а ты осмѣливаешься сходиться съ ними въ одномъ и томъ же мѣстѣ? Умерщвленный (Исусъ Христосъ) почтилъ тебя такъ, что сдѣлалъ Своимъ братомъ и сонаслѣдникомъ; а ты столь безславишь Его, что уважаешь убійцъ и распинателей Его, и угождаешь имъ участіемъ въ ихъ праздникахъ, ходишь въ скверныя мѣста ихъ собраний, вступаешь въ нечистыя преддверія и участвуешь въ бѣсовской трапезѣ? Такъ называть постъ іудеевъ долженъ я послѣ того, какъ они совершили богоубійство. И какъ же не домонамъ служить тѣ, которые дѣлають противное Богу? Но ты ищешь у демоновъ исцѣленія? Если демоны уже свиней загнали въ море, когда Христосъ дозволилъ имъ войти въ нихъ; то пощаждать ли человѣческое тѣло? О, если бы они не убивали человѣка, если бы не строили козней (противъ него)! Они изгнали его изъ рая, лишили вышней почести: будутъ ли же врачевать его тѣло? Это—насмѣшка и басни. Демоны умѣють только строить козни и вредить, а не врачевать. Они не щадятъ души: ужели, скажи мнѣ, пощаждать тѣло? Стараются извергнуть (человѣка) изъ царства: такъ захотятъ ли избавить его отъ болѣзни? Развѣ ты не слышалъ, какъ пророкъ, или вѣрнѣе—самъ Богъ чрезъ пророка говорить, что они не могутъ сдѣлать ни добра, ни зла? Но если бы они даже и могли, и хотѣли врачевать,—что впрочемъ невозможно,—тебѣ однакъ же не слѣдуетъ изъ-за малой и скоропреходящей пользы навлекать на себя безконечную и вѣчную погибель. Ужели хочешь уврачевать тѣло, чтобы погубить душу? Не хороша твоя прибыль: просишь своего зложелателя объ уврачеваніи (тѣла), и раздражаешь Бога, сотворившаго тѣло! Не легко ли же какому-нибудь нечестивому человѣку, своимъ врачебнымъ искусствомъ, увлечь тебя къ поклоненію языческимъ богамъ? И язычники своимъ искусствомъ часто выдѣчивали отъ многихъ болѣзней и становляли здоровье недужныхъ. Что же? Неужели поэтому должно принимать участіе въ ихъ нечестіи? Нѣтъ. Послушай, что Моисей говорить іудеямъ: *еще же возстанетъ въ тебѣ пророкъ, или видяй сонѣ, и дастъ тебѣ знаменіе или чудо, и придетъ тебѣ знаменіе или чудо, еже рече къ тебѣ, глаголя: идемъ, да послужимъ богамъ инымъ, иже не въстѣ: да не послушаете глаголь пророка того, или видящаго сонъ той* (Втор. хш, 1—3). Эти слова означаютъ вотъ что: если явится какой-нибудь пророкъ и сотворитъ чудо, напр. воскреситъ мертваго, или очиститъ прокаженного, или исцѣлитъ разслабленнаго, и, по совершеніи чуда, будетъ склонять тебя къ нечестію; не вѣрь ему изъ-за совершеннаго имъ чуда. Почему? *Яко искушаетъ Господь Богъ твой васъ, еже уведѣти, еще любите Господа Бога вашего всѣмъ сердцемъ вашимъ, и* 855 *всю душою вашею* (ст. 3). Отсюда видно, что демоны не исцѣляютъ.

Если же иногда, по попущенію Божію, и сдѣлають они какое исцѣленіе, какъ и люди; то такое попущеніе бываетъ для твоего испытанія, не потому, чтобы Богъ не зналъ (тебя), но чтобы ты научился не принимать отъ демоновъ и исцѣленія. И что говорить объ излѣченіи тѣла? Если бы кто нибудь грозилъ тебѣ геенною, чтобы принудить тебя отречься отъ Христа: не соглашайся; еслибы обѣщаль царство, только бы отвлечь тебя отъ единороднаго Сына Божія: отвратись и возненавидь его, будь ученикомъ Павла, поревнуй тѣмъ словамъ, которыя громко произнесла эта блаженная и доблестная душа: *извѣстися бо, говорилъ онъ, яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможна насъ разлучити отъ любви Божіей, яже о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ* (Римл. viii, 38. 39). Его не могли отлучить отъ любви Божіей ни ангелы, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни другая какая нибудь тварь: а тебя отлучаетъ врачеваніе тѣла? Какое же будетъ намъ извиненіе? Христосъ долженъ быть для насъ страшнѣе и геенны, возжелѣннѣе и царства. Пусть будемъ мы больны: лучше остаться больнымъ, нежели, для освобожденія отъ болѣзни, впасть въ нечестіе. Демонъ, если и уврачуеъ, больше повредить, нежели принесетъ пользы: доставитъ пользу тѣлу, которое, спустя немного, непременно умретъ и сгніетъ; а повредитъ онъ безсмертной душѣ. Какъ похитители людей предлагая маленькимъ дѣтямъ лакомства, пирожки, игорныя кости и другое, тому подобное, и чрезъ это приманивая ихъ къ себѣ, часто лишаютъ ихъ свободы и самой жизни; такъ и демоны, обѣщая человѣку уврачевать тѣло, совершенно губятъ спасеніе души его. Но мы не потерпимъ этого, возлюбленные; напротивъ, всячески стараемся избѣгать нечестія. Не могъ ли Іовъ, согласно убѣжденію жены, произнести хулу на Бога и освободиться отъ постигшаго его несчастія? *Рцы*, говорила она, *глаголь нѣкій ко Господу, и умри* (Іов. ii, 9). Но онъ рѣшился лучше страдать и мучиться, и перетерпѣть невыносимый тотъ ударъ, нежели произнести хулу на Бога и избавиться отъ тяготѣвшихъ на немъ бѣдствій. Поревнуй ему и ты; пусть демонъ тысячу разъ обѣщаетъ избавить тебя отъ постигшихъ тебя золъ: не склоняйся, не уступай, какъ и тотъ праведникъ не послушался жены; нѣтъ, рѣшись лучше перенести болѣзнь, нежели потерять вѣру и спасеніе своей души. Богъ часто попускаетъ тебѣ впасть въ болѣзнь не потому, чтобы Онъ оставилъ тебя, но съ тѣмъ, чтобы болѣе прославить тебя. Итакъ, будь терпѣливъ, чтобы и тебѣ услышать: *мниши ли Милосердїе тебе сотворша, развѣ да явишия правдивѣ* (Іов. xli, 3)?

8. Можно бы сказать и больше этого, но, чтобы не затруднить

вамъ памятованіе о сказанномъ, я здѣсь окончу свою бесѣду словами Моисея: *засвидѣтельствую вамъ днесь небомъ и землю* (Втор. xxx, 19), что, если кто изъ васъ, здѣсь ли находящихся или отсутствующихъ, отправится смотрѣть трубы (іудейскія), или пойдетъ въ синагогу, или взойдетъ въ храмъ Матроны, или будетъ участвовать въ постѣ и субботахъ, или совершать другой какой нибудь малый или великій іудейскій обрядъ, я чистъ отъ крови всѣхъ васъ. Эти бесѣды предстанутъ и мнѣ, и вамъ, въ день Господа нашего Іисуса Христа. Если вы послушаете, онѣ доставятъ вамъ великое дерзновеніе; а если не послушаете и прикроете кого изъ отваживающихся на такія дѣла, они противостанутъ вамъ, какъ строгіе обличители. Я не упустилъ *сказать вамъ всю волю Божию* (Дѣян. x, 27), напротивъ, еще отдалъ *сребро торжникомъ* (Мат. xxv, 27): вамъ уже предоставляется умножить данное и плоды отъ слуханія (бесѣды) употребить на спасеніе вашихъ братій. Но, скажетъ кто нибудь, тяжело и непріятно объявлять о виновныхъ въ этомъ (участіи въ іудейскихъ обрядахъ)?—Нѣтъ, тяжело и непріятно молчать объ этомъ: потому что такое молчаніе и для васъ, которые скрываете, и для тѣхъ, которыхъ скрываете, гибельно тѣмъ, что вооружаетъ противъ васъ Бога. Не гораздо ли лучше досадить подобнымъ намъ рабамъ, лишь бы пріобрѣсть спасеніе, нежели раздражать противъ себя Господа? Ближній, хотя теперь и понегодуетъ, не можетъ однако же сдѣлать тебѣ никакого вреда, а впослѣдствіи будетъ еще благодаренъ тебѣ за врачевство; но Богъ, если ты умолчишь и и скроешь, въ угодность твоему ближнему, для него гибельную,—подвергнетъ тебя самому тяжкому наказанію. Значить, молчаніемъ ты и Бога вооружишь противъ себя, и брату повредишь; а объявленіемъ и открытіемъ (виновнаго) и Бога умилиставишь къ себѣ, и брату принесешь пользу, и сдѣлаешь его самымъ пламеннымъ другомъ, когда онъ на опытѣ узнаетъ твое благодареніе. Итакъ не думайте, будто вы угождаете вашимъ братьямъ, когда, увидя, что они дѣлаютъ что-либо дурное, не обличаете ихъ со всею строгостію. Если у тебя пропадетъ одежда, не одинаково ли считаешь своимъ врагомъ какъ укравшаго, такъ и того, кто знаетъ вора и не объявляетъ о немъ? Общая мать наша (церковь) потеряла не одежду, но брата: укравъ его діаволъ, и держитъ теперь въ іудействѣ. Ты знаешь укравшаго, знаешь украденнаго; видишь, что я, зажегши, какъ бы свѣтильникъ, слово ученія, вездѣ ищу (украденнаго) съ плачемъ, и стоишь въ молчаніи, и не объявляешь? Какого же ожидаешь ты себѣ снисхожденія? Церковь не сочтетъ ли тебя величайшимъ врагомъ своимъ, не признаетъ ли супостатомъ и измѣнникомъ? Но не дай Богъ, чтобы кто-либо изъ

слушающихъ это наставленіе дошелъ когда до такого грѣха, чтобы т. е. предалъ брата, за котораго Христосъ умеръ. Христосъ пролилъ за него кровь Свою; а ты не хочешь и слова сказать? Не (дѣлайте этого), прошу; но, вышедши отсель, тотчасъ послѣдите на эту ловлю, и каждый изъ васъ пусть приведетъ ко мнѣ одного изъ такихъ больныхъ. Но лучше бы, если бы и не нашлось столько больныхъ: такъ пусть двое или трое, или даже десять или двадцать изъ васъ, приведутъ ко мнѣ одного, чтобы я, увидѣвъ пойманную въ сѣти добычу, предложилъ вамъ въ тотъ день обильнѣйшую трапезу. Ибо, если увижу, что нынѣшній совѣтъ мой приведенъ будетъ въ дѣло, съ бѣлымъ усердіемъ примусь за врачеваніе больныхъ, и великая будетъ польза какъ вамъ, такъ и имъ. Не полѣнитесь же, но всѣ безъ изъятія, со всѣмъ усердіемъ, ловите такихъ больныхъ, женщины женщинъ, мужчины мужчинъ, рабы рабовъ, свободные свободныхъ, дѣти дѣтей, и поймавъ, приходите въ слѣдующее собраніе, чтобы и отъ насъ получить вамъ похвалу, и, прежде еще нашихъ похвалъ, заслужить отъ Бога награду, великую и неизреченную, которая гораздо превосходитъ труды подвизающихся въ добрѣ. Чего да удостоимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ

«Противъ тѣхъ, которые содержатъ іудейскій постъ, и противъ самихъ іудеевъ. Сказано за пять дней до ихъ поста, послѣ того, какъ уже было произнесено другое (ἄλλο) слово».

УЖЕ при дверяхъ беззаконный и нечистый постъ іудейскій. 857 Не удивляйтесь, что я назвалъ этотъ постъ нечистымъ: что дѣлается противъ воли Божіей, то сквернѣ всего, будетъ ли то жертва, или постъ. Итакъ, чрезъ пять дней уже наступитъ беззаконный постъ іудеевъ; а я за десять дней, или и больше, сдѣлалъ вамъ предварительное увѣщаніе, чтобы предохранить отъ опасности вашихъ братьевъ. Но никто не обвиняя насъ въ неблаговременности слова, что мы предложили его за столько дней. Вѣдь, и тогда, какъ опасаются горячки, или другой какой болѣзни, предварительно стараются многими лѣкарствами предохранить тѣло челоуѣка, угрожаемаго болѣзнію, и прежде, чѣмъ она

придѣть на самомъ дѣлѣ, спѣшатъ избавить его отъ угрожающихъ бѣдъ. Такъ и мы, видя, что угрожаетъ самая тяжкая болѣзнь, заранѣе и задолго впередъ объявили о ней, чтобы употреблены были вспомогательныя средства прежде, чѣмъ зло постигнетъ насъ на дѣлѣ. Я не отложилъ увѣщанія до наступленія самыхъ дней поста, чтобы тогда краткость времени не помѣшала вамъ ловить вашихъ братьевъ, но чтобы вы, пользуясь большимъ промежуткомъ времени, могли съ полною свободою отыскать и излѣчить страждущихъ этою болѣзнію. Такъ поступаютъ и тѣ, которые хотятъ справлять бракъ и готовятъ великолѣпный обѣдъ: они, не въ самые дни (праздника), но задолго прежде сговариваются съ рыбаками и птицеловами, чтобы послѣ, когда времени будетъ уже мало, имъ не встрѣтить какой помѣхи къ приготовленію пиршества. Такъ и мы, намѣреваясь предложить вамъ трапезу (бесѣду) о безуміи іудеевъ, напередъ сговорились съ вами—ловцами, чтобы вы поймали въ сѣти слабѣйшихъ братьевъ вашихъ и привели ихъ послушать наши слова. Тѣ изъ васъ, которые уже поймали и держатъ крѣпко въ сѣтяхъ, пусть перевяжутъ (пойманныхъ) словомъ увѣщанія; а которые еще не наловили этой прекрасной добычи, имѣютъ довольно времени за эти пять дней, чтобы справиться съ ловомъ. Раскинемъ же сѣти ученія, станемъ кругомъ, какъ ловчіе псы, и будемъ отовсюду сгонять ихъ въ предѣлы церкви. А если угодно, выведемъ на нихъ, какъ какого-нибудь превосходнаго ловчаго, блаженнаго Павла, который вопіетъ и говоритъ: *се азъ, Павелъ, глаголю вамъ, яко, аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. v, 2). Многія изъ дикихъ и неукротимыхъ животныхъ, скрывающихся въ лѣсу, услышавъ голосъ охотника, отъ страха высказываютъ, и гонимыя силою этого голоса, противъ воли понуждаемыя сильнымъ крикомъ, попадаютъ въ самыя тенета. Такъ и ваши братія, скрывающіеся въ іудействѣ какъ бы въ какомъ лѣсу, если услышатъ голосъ Павла, я увѣренъ, легко попадутъ въ сѣти спасенія, и совершенно отринуть іудейское заблужденіе. Ибо и говоритъ не Павелъ, но Христосъ, движущій его душею. Значить, когда услышишь, что тотъ взываетъ и говоритъ: *се азъ, Павелъ, глаголю вамъ, яко, аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ*, представляй, что это только голосъ Павла, а мысль и ученіе—Христа, Который внутренне наставляетъ его. Но, можетъ быть, кто скажетъ: ужели обрѣзаніе такъ вредно, что при немъ бесполезно все домостроительство Христово? Точно, обрѣзаніе такъ вредно не само по себѣ, а по неразумію (обрѣзывающихся). Было нѣкогда время, когда законъ былъ полезенъ и необходимъ; но теперъ онъ прешелъ и остается безъ дѣйствія. Поэтому, если ты примешь его не во-время, онъ сдѣлаетъ для тебя

безполезнымъ даръ Божій. Потому-то и *Христосъ васъ ничтоже пользуется*,—что вы не хотите придти (къ Нему). Если бы кто, за прелюбодѣяніе и (другіе) гнуснѣйшіе пороки, заключенъ былъ въ темницу, а потомъ, когда уже надлежало бы произвести судъ и произнести ему обвинительный приговоръ, пришло отъ царя письмо объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ въ темницѣ, безъ всякаго допроса и изслѣдованія; между тѣмъ тотъ (человѣкъ), не захотѣвъ принять (царской) милости, сталъ бы настаивать на томъ, чтобы его подвергли допросамъ и розыскамъ; то онъ, конечно, уже не можетъ воспользоваться этою милостію: предавъ самъ себя суду, розыску и приговору, онъ добровольно лишилъ себя царской милости. Тоже случилось и съ іудеями. Смотрите: все человѣчество уличено въ самыхъ гнусныхъ порокахъ. *Вси согрѣшиша*, говоритъ апостолъ (Римл. v, 12), и заключены были подъ провлятіемъ грѣха, какъ бы въ темницѣ; надлежало уже произнести приговоръ надъ ними, какъ пришло съ небесъ посланіе Царя, или лучше—пришелъ самъ Царь и освободилъ всѣхъ отъ узъ грѣха, не произведя ни изслѣдованія, ни допросовъ.

2. Посему всѣ, прибѣгающіе (къ Спасителю), пользуются даромъ и спасаются благодатію; а тѣ, которые хотятъ оправдаться закономъ, лишаются и благодати. Стараясь спастись собственными силами, они не могутъ и воспользоваться царскимъ человеколюбіемъ, и привлекаютъ на себя проклятіе закона, *заче не оправдится отъ дѣлъ закона всяка плоть* (Гал. ii, 16). Посему-то апостолъ и говоритъ: *еще обрѣзаетея, Христосъ васъ ничтоже пользуется* (v, 2); ибо усиливающійся спастись дѣлами закона не имѣетъ никакого общенія съ благодатію. То же самое разумѣлъ Павелъ, когда говорилъ: *еще ли по благодати, то не отъ дѣлъ: заче благодать уже не бываетъ благодать. Еще ли отъ дѣлъ, кому нѣсть благодать: заче дѣло уже нѣсть дѣло* (Римл. xi, 6). И опять: *еще бо закономъ правда, убо Христосъ туне умре* (Гал. ii, 21). И еще: *упразднистесе отъ Христа, иже закономъ оправдастесе: отъ благодати отпадоште* (v, 4). Ты умеръ для закона, сдѣлался мертвымъ, и уже не находишься подъ игомъ и неволею его. Къ чему же все и напрасно усиливаешься беспокоить самъ себя? Но 859 для чего Павелъ поставилъ здѣсь свое имя, и не сказалъ просто: *се азъ глаголю вамъ*? Онъ хотѣлъ напомнить галатамъ о той ревности, какую самъ прежде показалъ въ пользу іудейства. Если бы я былъ изъ язычниковъ, говоритъ онъ, и не зналъ іудейства; то иной, можетъ быть, сказалъ бы, что я потому изгоняю обрѣзаніе изъ церковныхъ догматовъ, что не знаю силы его, такъ какъ самъ не жилъ въ іудействѣ. Вотъ для чего онъ поставилъ свое имя,—чтобы напомнить имъ о томъ, что сдѣлалъ онъ для закона. Какъ

бы такъ говорить онъ: это дѣлаю не по враждѣ къ обрѣзанію, но по знанію истины; это говорю я, Павелъ, тотъ Павелъ, который *обрѣзанъ осмодневно, отъ рода Израилева, колѣна Веніаминова, еврейскъ отъ еврей, по закону фарисей, по ревности юнихъ церковь* (Фил. III, 5, 6); *въ дома входя, и влача мужи и жены, предающъ въ темницу* (Дѣян. VIII, 3); все это можетъ убѣдить самыхъ безразсудныхъ, что я постановилъ этотъ законъ (объ упраздненіи обрѣзанія), не по враждѣ какой, или по незнанію іудейства, но по знанію высочайшей Христовой истины. *Свидѣтельствую же наки, говоритъ онъ, всякому челоѣтку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити* (Гал. V, 3). Для чего не сказалъ: *возвѣщаю же, или заповѣдую же, или говорю же, но: свидѣтельствую?* Для того, чтобы этимъ выраженіемъ напомнить намъ о будущемъ судѣ; ибо, гдѣ свидѣтели, тамъ судъ и приговоръ. Такъ онъ устрашаетъ слушателя, напоминая ему о царскомъ престолѣ, и показывая, что эти слова будутъ ему свидѣтелями въ тотъ день, когда каждый долженъ будетъ дать отчетъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ, что сказалъ, и что слышалъ. Эти (слова апостола) слышали нѣкогда галаты, а теперь пусть послушаютъ и страждущіе болѣзнію галатовъ; если ихъ и нѣтъ здѣсь, пусть отъ васъ услышатъ, какъ Павелъ взываетъ и говоритъ: *свидѣтельствую же всякому челоѣтку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити*. Не говори мнѣ, что обрѣзаніе составляетъ только одну заповѣдь: эта одна заповѣдь налагаетъ на тебя все иго закона. Если ты хотя частію подчиняешь себя владычеству закона, то необходимо долженъ повиноваться и прочимъ повелѣніямъ его; если же не исполняешь ихъ, то по всей необходимости подлежишь наказанію и навлекаешь на себя проклятіе. Когда воробей попадаетъ въ тенета, то, хоть у него запутывается только нога, однако и все остальное тѣло находится въ плѣну. Подобно этому, и исполняющій одну заповѣдь закона, объ обрѣзаніи ли то, или о постѣ, изъ-за этой одной заповѣди отдалъ всего себя во власть закона, и не въ состояніи уже освободиться отъ нея, пока имѣетъ желаніе повиноваться ему, хотя отчасти. Мы говоримъ это не съ тѣмъ, чтобы обвинять законъ, нѣтъ; но чтобы показать преизобильное богатство благодати Христовой. Законъ не противорѣчитъ Христу; да и какъ это можетъ быть, когда онъ данъ Имъ и къ Нему руководить? Но говорить обо всемъ этомъ мы вынуждаемся неумѣстною ревностію тѣхъ, которые пользуются закономъ не такъ, какъ должно. Они-то и оскорбляютъ законъ, когда тѣ повелѣваютъ отстать отъ него и приступить ко Христу, тѣ снова держатся его. Согласенъ и я, и никогда не буду отрицать, что законъ принесть очень много пользы нашему роду; но ты, держась его не во-время, не даешь

(вполнѣ) обнаружиться его великой пользѣ. Какъ для воспитателя самою великою похвалою бываетъ то, что воспитанный имъ юноша 860 уже не имѣетъ нужды въ его надзорѣ для сохраненія цѣломудрія, потому что уже довольно укрѣпился въ этой добродѣтели; такъ и для закона величайшею похвалою является то, что мы уже не имѣемъ нужды въ его помощи. Ибо этимъ-то самымъ мы и обязаны закону, что душа наша сдѣлалась довольно способною къ принятію высшаго любомудрія. Значить, кто доселѣ остается при законѣ и ничего не можетъ видѣть больше того, что тамъ написано, тотъ не получилъ отъ него большой пользы; а я, который оставилъ его и возвысился до высочайшихъ догматовъ Христовыхъ, могу восхвалять его особенно за то, что онъ сдѣлалъ меня способнымъ возвыситься надъ мелочностью написаннаго въ немъ и взойти на высоту ученія, преподаннаго намъ Христомъ. Законъ много принесъ пользы нашей природѣ, если только приблизилъ насъ ко Христу; а если нѣтъ, то повредилъ еще тѣмъ, что, привязавъ насъ къ меньшему, лишилъ большаго и доселѣ держитъ въ безчисленныхъ грѣховныхъ ранахъ. Ибо, если изъ двухъ врачей, изъ которыхъ одинъ слабѣе, а другой сильнѣе (въ своемъ искусствѣ), одинъ приложить къ ранамъ лѣкарства и не въ состояніи будетъ освободить больного отъ боли, возбужденной ими ¹⁾...

З.....братъ твой..... *остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда, пришедъ, принеси даръ твой* (Матѣ. v, 24). Не сказалъ: оставь жертву и уйди; но: оставь даръ пока не принесеннымъ, и ступай, примирился съ братомъ твоимъ. Впрочемъ Онъ сказалъ такъ не только здѣсь, но еще и въ другомъ мѣстѣ. Такъ, если кто имѣетъ жену невѣрную, то есть, язычницу, то не принуждается прогонять ее. *Аще который братъ, говоритъ апостоль, жену имать невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея* (1 Кор. vii, 12); а если—распутную и прелюбодѣйцу, то ему не возбраняется прогнать ее: *яко всякъ, говоритъ Іисусъ Христосъ, отпущая жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѣ. v, 32). Слѣдовательно, за любодѣяніе можно отпускать жену. Видишь человеколюбіе и попечительность Божію? Если, говоритъ, жена твоя язычница, не прогоняй; а если прелюбодѣйца, то не возбраняю сдѣлать это. Если она, говоритъ, оскорбитъ Меня, не прогоняй, а если обезчеститъ тебя, никто не мѣшаетъ прогнать. Такой-то Богъ удостоилъ насъ чести; а мы неужели не почтимъ Его и столько же (сколько Онъ почтилъ насъ) но дозволимъ своимъ женамъ оскорблять Его, зная притомъ, что

¹⁾ Здѣсь недостаетъ окончанія, а въ слѣдующемъ отдѣленіи начала.

насъ постигнетъ величайшее мученіе и казнь, если пренебрежемъ спасеніемъ женъ? Для того-то Онъ и сдѣлалъ тебя главою жены, для того-то и Павелъ повелѣлъ: *аще ли чесому научитися хотятъ (жены), въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (1 Кор. хiv, 35), чтобы ты, какъ учитель, попечитель и предстоятель, возбуждалъ ее къ благочестію. А вы, когда время собранія призываетъ въ церковь, не пробуждаете (женъ) отъ безпечности; когда же діаволь зоветь ихъ къ трубамъ и онѣ съ готовностію повинуются ему, не останавливаете ихъ, но равнодушно смотрите, какъ онѣ увлекаются къ преступному нечестію и предаются невоздержности.

861 Ибо туда, обыкновенно, собираются и любодѣйцы, и изнѣженные мужчины, и цѣлая толпа плясунѣвъ. И что говорить о совершающихся тамъ прелюбодѣянiяхъ? Ужели ты не боишься того, что жена твоя возвратится оттуда съ діаволомъ въ душѣ? Развѣ ты не слышалъ, какъ ясно показало намъ предыдущее слово, что демоны обитаютъ и въ душахъ іудеевъ, и въ мѣстахъ, гдѣ они собираются? Какъ же осмѣливаешься ты, скажи мнѣ, послѣ пляски съ демонами снова идти въ апостольское собраніе? Какъ не страшиться приступать къ священной трапезѣ, участвовать въ ней и приобщаться драгоцѣнной крови послѣ того, какъ ты ходилъ къ пролившимъ кровь Христа и имѣлъ съ ними общеніе? Тебя не ужасаютъ, не приводятъ въ страхъ такіа преступленія? Или ты не благоговѣешь предъ самой этою трапезой? Все, что сказалъ я вамъ, вы передайте имъ ¹⁾, а они пусть передадутъ своимъ женамъ: *созидайте кiйждо ближняго* (1 Сол. v, 11). Если страждущій этою болѣзнію (іудействомъ) будетъ оглашенный, то да извержется изъ преддверія; если вѣрный и посвященный, да будетъ отлученъ отъ священной трапезы. Ибо не всѣ грѣхи требуютъ только увѣщанія и совѣта; нѣтъ, есть и такіе, которые исправляются рѣшительнымъ и самымъ быстрымъ пресѣченіемъ. Какъ болѣе легкія раны уступаютъ слабѣйшимъ лѣкарствамъ, а загнившія, неизлѣчимыя и губящія все тѣло требуютъ острія желѣзнаго и огня; такъ и изъ грѣховъ, одни имѣютъ нужду въ продолжительномъ увѣщаніи, а другіе—въ строгихъ обличеніяхъ. Потому и Павелъ велѣлъ не увѣщавать только, но и строго обличать, говоря такъ: *ея же ради вины обличай ихъ нещадно* (Тит. i, 13). Обличимъ же ихъ теперь нещадно, чтобы они, устыдившись нашихъ словъ и осудивъ сами себя, не заражались болѣе беззаконнымъ (іудейскимъ) постомъ. Для того и я, оставивъ наконецъ увѣщаніе, свидѣтельствую и провозглашаю: *аще кто не любитъ Господа Иисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. хvi, 22). А чѣмъ болѣе

¹⁾ т. е. склоннымъ къ іудейству

можетъ кто-либо доказать, что онъ не любитъ Господа, какъ не тѣмъ, когда участвуетъ въ праздниѣхъ (іудеевъ), убившихъ Его? Таковыхъ не я предать анаѣмъ, а Павелъ; или даже и не Павелъ, а Христосъ, говорящій чрезъ Павла и выше сказавшій, что *иже закономъ оправдается, отъ благодати отпадетъ* (Гал. v, 4). Скажите имъ эти слова, прочтите этотъ приговоръ, и, со всею заботливостію спасши ихъ и исхитивъ изъ челюстей діавола, приведите къ намъ въ день поста, чтобы мы, отдавъ вамъ остальное изъ обѣщаннаго, единодушно и одними устами съ нашими братіями, прославили Бога и Отца Господа Іисуса Христа, потому что Ему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

«Къ тѣмъ, которые по прежнему постятся въ пасху». Слово это какъ показываетъ самое начало, произнесено послѣ второго, или даже и третьего, слова противъ анаѣмеевъ.

О ПЯТЬ крайняя и настоятельная нужда, прервавъ порядоѣ 862
прежнихъ бесѣдъ, заставляетъ насъ сегодня говорить о ней самой и отвлекаетъ отъ преній съ еретиками. Мы намѣрены были побесѣдовать съ вашей любовію опять о славѣ Единороднаго, но нелѣзное упорство желающихъ по прежнему поститься въ пасху вынуждаетъ насъ все нынѣшнее поученіе употребить на ихъ врачеваніе. И хорошій пастухъ, не только отгоняетъ волковъ (отъ своего стада), но и со всею заботливостію лечитъ заболѣвшихъ овецъ: ибо какая польза, когда овцы, хоть и избѣгаютъ пасти звѣрей, за то истребляются болѣзнію? Такъ и наилучшій военачальникъ, не только отражаетъ замыслы (внѣшнихъ) враговъ, но еще прежде этого умиряетъ волнующій городъ, зная, что внѣшняя побѣда не принесетъ никакой пользы, пока будетъ продолжаться внутренняя, междоусобная война. А чтобы тебѣ увѣриться, что нѣтъ ничего гибельнѣе (внутренняго) раздора и несогласія, послушай, что говоритъ Христосъ: *всякое царство, раздѣлившееся на ся, запустѣетъ* (Матѣ. хii, 25). Что, кажется, могущественнѣе государства, у котораго есть и денежные доходы, и оружіе, и стѣны, и крѣпости, и огромное войско, и конница, и безчисленное множество другихъ средствъ, увеличивающихъ его силу? Однакожъ, если въ немъ возникнетъ междоусобіе, вся эта сила сокрушается: ибо ничто такъ не ослабляетъ (общества), какъ ссоры и распри, и напротивъ, ничто столько не усиливаетъ и не укрѣпляетъ, какъ

любовь и согласіе. Сознавая это, и Соломонъ говорилъ: *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же, якоже основанное царство* (Притч. хviii, 19). Видишь, какъ сильно единодушіе, и какъ губителенъ раздоръ? Царство, раздираемое междоусобіемъ, гибнетъ; а два человѣка, соединившіеся и тѣсно связанные между собою,—непоколебимѣе всякой стѣны. Знаю, что у насъ, по милости Божіей, болѣшая часть стада свободна отъ этой болѣзни; однако поэтому не должно еще пренебрегать врачеваніемъ. Еслибы даже больныхъ было только десять человѣкъ, или пять, или два, или только одинъ, и тогда не надлежало бы оставлять его безъ вниманія; пусть онъ и одинъ, притомъ незначительный и презрѣнный человѣкъ, однако и онъ братъ, за котораго Христосъ умеръ. О малыхъ-то и Христосъ заботится много. *Иже аще соблазнитъ, говоритъ Онъ, единого малыхъ сихъ върующихся въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстныя* (Матѣ. хviii, 6). И опять: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (ххv, 45). И еще: *нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (хviii, 14). Какъ же будетъ безразсудно, если мы вознерадимъ о малыхъ, когда Христосъ столько заботится о нихъ? Не о томъ говори, что онъ (больной) одинъ, но о томъ, что одинъ, оставленный безъ вниманія, передаетъ свою болѣзнь и прочимъ. *Малъ квасъ, говоритъ апостолъ, все смѣшеніе кваситъ* (Гал. v, 9). Это-то и губить и разстраиваетъ все, что мы пренебрегаемъ малымъ; отъ того-то и (малыя) раны дѣлаются большими, точно также, какъ большія легко сдѣлаются малымя,

863 если о нихъ позаботятся надлежащимъ образомъ. Такъ вотъ что мы напередъ скажемъ имъ ¹⁾: ничего нѣтъ хуже, какъ раздоръ и брань, какъ расторгать церковь и раздирать на многія части хитонъ, котораго не осмѣлились разорвать и разбойники. Не довольно ли другихъ ересей? Нѣтъ, мы еще разсѣчемъ сами себя! Развѣ не слышишь, что говоритъ Павелъ: *аще же другъ друга угрызаете и стыдаете, блюдитесь, да не другъ отъ друга истреблены будете* (Гал. v, 15)? Ходишь ты внѣ стада, и не боишься, скажи мнѣ, льва, который бродитъ около (стада)? *Зане суностатъ вашъ діаволъ, говоритъ апостолъ, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кою поглотити* (1 Петр. v, 8). Смотри мудрость пастыря: не пустилъ (звѣря) въ самую средину овецъ, чтобы не перепугать стада: не прогналъ его и далеко, чтобы опасеніемъ звѣря заставить всѣхъ (овецъ) собраться вмѣстѣ. Не боишься ты Отца? Побойся врага: если отдѣлишься отъ стада, онъ, навѣрно, схватитъ тебя. Христосъ могъ бы прогнать его и далеко, но позволилъ ему рыкать около

¹⁾ Христіанамъ, дергающимся іудейства.

(стада), чтобы заставить тебя быть бодрымъ и заботливымъ, и постоянно прибѣгать къ матери (церкви), чтобы находящіеся въ стадѣ, слыша голосъ его, больше соединялись между собою и прибѣгали другъ къ другу. Такъ поступаютъ и сердобольныя матери: когда дѣти расплачутся, онѣ грозятъ бросить ихъ на съѣденіе волкамъ, не съ тѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ бросить, но чтобы дѣти перестали плакать. Такъ Христосъ все сдѣлалъ, чтобы мы жили въ мирѣ и согласіи другъ съ другомъ.

2. Поэтому и Павелъ, хотя могъ обличать коринѳяны во многихъ и важныхъ (грѣхахъ), но прежде всего обличаетъ ихъ въ раздорахъ. Такъ, онъ могъ бы осудить ихъ и за блудъ, и за гордость, и за языческія судилища, и за пиршества въ идольскихъ капищахъ, и за то, что жены ихъ не покрывали своихъ головъ, а мужчины покрывали; кромѣ этого, за презрѣніе къ бѣднымъ, за превозношеніе дарованіями и (за сомнѣніе) касательно воскресенія мертвыхъ; но, такъ какъ могъ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, обличить ихъ еще за раздоръ и несогласіе между собою, то, оставляя всѣ прочіе пороки, напередъ исправляетъ этотъ послѣдній. И если я не затрудню васъ, то докажу самыми словами Павла, что это дѣйствительно такъ. Такъ, что они блудодѣйствовали, объ этомъ послушай, что говоритъ онъ: *отнюдѣ слышится въ васъ блужденіе* (1 Кор. v, 1). Что они были горды и надменны: *яко не врядуицу ми къ вамъ, разгордишася ныици* (iv, 18). Что судились у язычниковъ: *сметѣ ли кто отъ васъ, вещь имѣя ко иному, судитися отъ неправедныхъ* (vi, 1)? Что ѣли идоложертвенное: *не можете трапезѣ Господней причащаться и трапезѣ бѣсовстѣй* (x, 21). Послушай, какъ онъ укоряетъ ихъ и за то, что женщины у нихъ не покрывались, а мужчины напротивъ: *всякъ мужъ, молитву дѣя или пророчествуяи покрываю главою, срамляетъ главу свою. И всяка жена, молитву дѣлющая или пророчествующая откровенною главою, срамляетъ главу свою* (xi, 4, 5). А что они презирали бѣдныхъ, и это ясно показалъ апостолъ словами: *овѣ убо алчѣтъ, овѣ же упивается* (ст. 21); и еще: *или о церкви Божіей не радите, и срамляете не имущия* (ст. 22)? Такъ какъ всѣ они помогались бѣльшихъ дарованій духовныхъ, и никто не хотѣлъ принимать меньшихъ, то онъ говоритъ: *еда вси апостоли; еда вси пророци* (xii, 29)? А что они сомнѣвались касательно воскресенія мертвыхъ, и объ этомъ говоритъ: *но речѣтъ нѣкто: како востанутъ мертви? коимъ же тѣломъ придутъ* (xv, 35)? Но не смотря на то, что могъ онъ обличить ихъ въ столь многомъ, (апостолъ) ни о чемъ не сказалъ имъ прежде, какъ о несогласіи и раздорѣ; лишь только началъ посланіе, уже и говоритъ такъ: *молю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожеде благо-*

лете вси, и да не будутъ въ васъ распри (1 Кор. I, 10). Онъ зналъ, очень хорошо зналъ, что это не терпѣло отлагательства. Блудникъ, и гордецъ, и зараженный другимъ какимъ нибудь порокомъ, очень скоро отстанетъ отъ него и исцѣлится, если всегда будетъ ходить въ церковь и постоянно слушать поученія; но кто прервалъ связь съ этимъ собраніемъ, уклонился отъ отеческаго наставленія и убѣжалъ изъ врачевницы, тотъ, хотя и кажется здоровымъ, скоро подвергнется болѣзни. Какъ искусный врачъ прежде прекращаетъ горячку и потомъ залѣчиваетъ раны и вереды, такъ поступилъ и Павелъ; уничтоживъ напередъ раздоръ, онъ потомъ началъ уже врачевать и раны каждого члена. Поэтому, прежде всего онъ говоритъ о томъ, чтобы (коринѳяне) не ссорились между собою, не выбирали сами себѣ начальниковъ, и не разсѣкали тѣла Христова на многія части. Впрочемъ, онъ говорилъ это не имъ только, но и тѣмъ, которые послѣ нихъ страдаютъ тою же болѣзнію; такихъ людей и я хотѣлъ бы спросить, что значитъ пасха? Что такое сорокостница? Что такое іудейская пасха и что наша? Почему та ежегодно бываетъ только однажды, а эта совершается въ каждое собраніе ¹⁾? Что такое опрѣснови? (Хотѣлъ бы спросить еще) и о многомъ другомъ, что только относится къ этому же самому предмету. И тогда вы хорошо бы узнали, какъ неразумно упорство тѣхъ, которые и не могутъ дать отчета въ своихъ поступкахъ, и не учатся у другихъ, какъ будто они умнѣе всѣхъ. А это-то и заслуживаетъ крайняго осужденія, когда они и сами не знаютъ дѣла, и приказаній не слушаютъ, но дѣйствуя безъ разсужденія, по глупой привычкѣ, стремятся въ бездну и пропасти.

3. Какъ же они умничаютъ, когда мы такъ возражаемъ имъ? Вы сами, говорятъ они, не такъ ли постились прежде ²⁾? Не твое дѣло говорить объ этомъ мнѣ, а я въ правѣ сказать тебѣ, что и мы прежде постились въ это же время, однако общее согласіе предпочли совпаденію временъ. Что Павелъ говорилъ галатамъ, то и я говорю вамъ: *будьте, якоже азъ: зане и азъ, якоже вы* (Гал. IV, 12). Что это значитъ? Онъ убѣждалъ ихъ отстать отъ обрѣзанія, оставить субботы, и дни, и всѣ другіе обряды, предписываемые закономъ. Потомъ, замѣтивъ ихъ боязнь и опасеніе, какъ бы имъ за нарушеніе закона не подвергнуться отвѣту и наказанію, онъ ободряетъ ихъ собственнымъ примѣромъ, говоря: *будьте, якоже азъ: зане и азъ, якоже вы*. Развѣ я, говоритъ онъ, пришелъ

¹⁾ Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ этого слова св. Златоустъ подъ пасхою христіанскою разумѣетъ таинство евхаристіи.

²⁾ т. е. вмѣстѣ съ іудеями, до опредѣленія Никейскаго собора о празднованіи христіанской Пасхи не въ одно время съ іудейскою.

отъ язычниковъ? Развѣ я не знаю подзаконной жизни и того наказанія, которое ожидаетъ нарушителей закона? *Евреинъ отъ еврей, по закону фарисей, по ревности юныхъ церковь Божию, по правдѣ законной бывъ непороченъ. Но яже мы бяху приобритенія, сія вѣрныхъ Христа ради тщету* (Фил. III, 5—7), то есть рѣшительно отсталъ отъ нихъ. Итакъ будьте, какъ и я; потому что и я былъ, какъ вы. И что говорю я о себѣ? Болѣе трехъ сотъ отцевъ, собравшихъ въ Виѣнской странѣ, постановили это ¹⁾, и ты безчестишь всѣхъ ихъ? Одно изъ двухъ: ты обвиняешь ихъ или въ невѣжествѣ, будто бы они не знали хорошо (того, что учреждали), или въ робости, будто бы они, хотъ и зная, лицемѣрили и измѣнили истинѣ. Это необходимо слѣдуетъ, коль скоро ты не исполняешь ихъ постановленія. Но что они обнаружили тогда и великую мудрость и мужество, это показываютъ всѣ дѣянія (собора). О мудрости ихъ свидѣтельствуетъ изложенная тогда вѣра, которая заградила уста еретиковъ и, какъ непоколебимая стѣна, отразила всѣ козни ихъ; а о мужествѣ—только что окончившееся гоненіе и несогласіе въ церквахъ. Какъ храбрые воины, воздвигшіе безчисленное множество трофеевъ и покрытые многими ранами, пришли тогда со всѣхъ сторонъ предстоятели церквей,нося на себѣ раны Христовы и свидѣтельствуя о множествѣ мученій, которыя претерпѣли они за исповѣданіе вѣры. Одни изъ нихъ могли разсказать о рудокопныхъ и претерпѣнныхъ ими тамъ страданіяхъ; другіе о лишеніи всего имущества, иные о голодѣ, а иные о частыхъ бичеваніяхъ. Одни могли указать на истерзанныя ребра; другіе на избитую спину, иные на исторгнутые глаза или на другую какую-нибудь часть тѣла, которой лишились они за Христа. Изъ такихъ-то подвижниковъ состоялъ тогда весь соборъ; они-то, вмѣстѣ съ изложеніемъ вѣры, постановили и то, чтобы праздникъ (пасхи христіане) совершали всѣ вмѣстѣ и согласно. Итакъ, могли ли эти мужи, не измѣнившіе вѣрѣ въ столь тяжкія времена, лицемѣрить въ назначеніи извѣстныхъ дней (поста и пасхи)? Смотри, что ты дѣлаешь, когда осуждаешь столь многихъ отцевъ, такъ мужественныхъ и мудрыхъ. Если фарисей, осудивъ мытаря, потерялъ все, что было у него добраго; то какое извиненіе, какое оправданіе будешь имѣть ты, когда возстаешь противъ столь многихъ боголюбивыхъ учителей, и притомъ несправедливо и совершенно неосновательно? Развѣ ты не слышалъ, что говоритъ самъ Христосъ: *идѣже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреда ихъ* (Матѣ. XVIII, 20)?

¹⁾ т. е. касательно празднованія христіанской Пасхи не въ одно время съ іудейскою. Разумѣется первый вселенскій соборъ въ 325 г. по Р. Х.

Если же Христосъ находится посреди двухъ или трехъ, тѣмъ болѣе Онъ находился, все опредѣляя и постановляя тамъ, гдѣ было болѣе трехъ сотъ. А ты обвиняешь не только ихъ, но и всю вселенную; потому что и она одобрила ихъ опредѣленіе. Или думаешь, что іудеи умнѣе отцевъ, собравшихся со всей вселенной; іудеи, которые лишились всего отечественнаго устройства и ни одного праздника не совершаютъ (по надлежащему)? Что у нихъ нѣтъ ни опрѣсноковъ, ни пасхи (многіе, какъ слышу я, говорятъ и то, что пасха (христіанская) должна быть съ опрѣсноками),— что у нихъ нѣтъ опрѣсноковъ, выслушай объ этомъ слова законодателя (Моисея): *не возмогеша жрети пасхи ни въ единомъ* 366 *отъ градовъ твоихъ, аже Господь Богъ твой дастъ тебѣ: но токмо на мѣсть, еже изберетъ Господь Богъ твой, призывать имя Его* ту (Втор. хvi, 5. 6), разумѣя здѣсь Іерусалимъ. Видишь, какъ Богъ, привязавъ этотъ праздникъ къ одному городу, въ послѣдствіи разрушилъ и самый городъ, чтобы и по неволѣ отклонить ихъ отъ прежняго порядка жизни? Всякому извѣстно, что Богъ предвидѣлъ будущее. Для чего же Онъ собралъ ихъ туда со всей вселенной, если предвидѣлъ, что этотъ городъ погибнетъ? Не ясно ли, что Онъ хотѣлъ отмѣнить и самый праздникъ? Богъ отмѣнилъ его, а ты послѣдуешь іудеямъ, о которыхъ пророкъ говоритъ: *и кто слызъ, развѣ раби Мои; и глуси, развѣ владычющии ими* (Иса. хlii, 19)? Въ самомъ дѣлѣ, къ кому не были они неблагодарны и безчувственны? Къ апостоламъ ли, къ пророкамъ ли, къ учителямъ ли своимъ? Но что и говорить объ учителяхъ и пророкахъ, когда они убивали даже дѣтей своихъ! Они, вѣдь, закалали въ жертву демонамъ своихъ сыновей и дочерей (Пс. cv, 37). Они не познали самой природы, и усердствовали соблюдать дни? Попрали родство, забыли дѣтей, забыли самого Бога, создавшаго ихъ: *Бога рождающаго тя*, говоритъ Моисей, *оставилъ еси, и забы Бога питающаго тя* (Втор. xxxii, 18); оставили Бога, и—усердствовали соблюдать праздники? Кто бы могъ сказать это? И Христосъ праздновалъ съ (іудеями) пасху, не для того, чтобы мы праздновали ее съ ними, но чтобы посредствомъ тѣни ввести истину. Онъ и обрѣзанію подвергся, и наблюдалъ субботы, и совершалъ ихъ праздники, и вкушалъ опрѣсноки, и все это дѣлалъ въ Іерусалимѣ; но мы ни къ чему этому не обязаны; напротивъ, Павелъ взываетъ къ намъ: *аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. v, 2). И опять объ опрѣснокахъ: *тѣмже да празднуемъ, не въ квасъ вѣсть, ни въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасныхъ чистоты и истины* (1 Кор. v, 8). Наши опрѣсноки состоятъ не въ замѣшанной мукѣ, но въ безукоризненномъ поведеніи и добродѣтельной жизни.

4. Для чего же Христосъ совершилъ тогда (пасху)? Такъ какъ древняя пасха была образомъ будущей, а за образомъ надлежало слѣдовать истинѣ; то Христосъ, напередъ показавъ тѣнь, потомъ предложилъ на трапезѣ и истину. А съ появленіемъ истины, тѣнь уже скрывается и дѣлается неумѣстною. Итакъ не представляй мнѣ этого въ возраженіе, а докажи, что Христосъ повелѣлъ дѣлать это и намъ. Я, напротивъ, докажу, что Онъ не только не повелѣлъ намъ наблюдать дней (Моисеева закона), но и освободилъ насъ отъ этой необходимости. Послушай, что говоритъ Павелъ; а когда назову Павла, разумѣю Христа, потому что Онъ движетъ душею Павла. Такъ что же говоритъ онъ? *Дни смятаете и мѣсяцы, и времена, и лѣта. Боюсь отъ васъ, еда како все трудихся въ васъ* (Гал. iv, 10. 11). И опять: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пьете, смерть Господню възвѣщаете* (1 Кор. xi, 26). А словомъ: *елижды* (всякій разъ) апостолъ отдалъ на волю (христіанину, когда) приступать (къ таинству евхаристіи), и такимъ образомъ вовсе освободилъ его отъ наблюденія временъ. Вѣдь пасха и четырехдесятница не одно и тоже; но иное—пасха, иное—четырехдесятница. Четырехдесятница въ каждый годъ бываетъ однажды, а пасха (евхаристія) трижды въ недѣлю, а иногда и четырежды, и даже столько разъ, сколько мы захотимъ; потому что (наша) пасха—не постъ, а приношеніе и жертва, совершающаяся всякій разъ, какъ бываетъ собраніе (литургія). А что (наша) пасха въ этомъ и состоитъ, послушай словъ Павла: *пасха наша за ны пожренъ бысть, Христосъ* (1 Кор. v, 7); и: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пьете, смерть Господню възвѣщаете* (1 Кор. xi, 26). Значить, всякій разъ, какъ ты приступаешь (къ приобщенію св. таинъ) съ чистою совѣстію, ты совершаешь пасху,—не тогда, т. е. когда постишься, но—когда участвуешь въ этой жертвѣ. *Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пьете, смерть Господню възвѣщаете*; а возвѣщеніе смерти Господней и есть пасха. И сегодняшнее приношеніе, и то, которое совершено вчера, и совершается каждодневно, одинаково съ тѣмъ, которое совершилось тогда въ субботній день; и то нисколько не священнѣе этого, и это не ниже того, но и то и другое—одинаково, равно страшно и спасительно. Для чего же, скажете, мы постимся въ эти сорокъ дней? Въ древности многіе приступали къ св. тайнамъ, безъ разбора и какъ случилось, особенно въ то время, когда Христосъ преподавалъ ихъ. Замѣтивъ вредъ, какой происходитъ отъ небрежнаго приступленія, отцы, собравшись вмѣстѣ, назначили сорокъ дней поста для молитвъ, слушанія слова Божія, и церковныхъ собраній, дабы всѣ мы, тщательно очистивъ себя въ эти дни молитвами, милостынею, постомъ, все-

нощными бдѣніями, слезами, исповѣдью, и всѣми другими средствами, приступали такимъ образомъ съ чистою совѣстію, сколько намъ это возможно. И что они сдѣлали великое дѣло, когда, по такой снисходительности, установили у насъ обычай поститься, это видно изъ слѣдующаго. Вотъ, мы въ теченіе всего года не перестаемъ взывать и проповѣдывать о постѣ, и—никто не внимаетъ словамъ нашимъ; но лишь настанетъ время четырехдесятины, тогда, хотя бы никто не убѣждалъ и не совѣтовалъ, и самый лѣнливый пробуждается, потому что получаетъ совѣтъ и убѣжденіе отъ самаго времени. Итакъ, если іудей и еллинъ спросятъ тебя: для чего постишься? не говори, что для пасхи или креста: этимъ ты дашь ему сильное оружіе противъ тебя. Нѣтъ, мы постимся не для пасхи и не для креста, но ради своихъ прегрѣшеній, потому что намѣреваемся приступити къ тайнамъ; пасха же есть предметъ не поста и плача, но веселія и радости. Ибо крестъ изгладилъ грѣхъ, сдѣлался очищеніемъ всего міра, примиреніемъ долговременной вражды; отверзъ врата небесныя, людей ненавистныхъ (Богу) сдѣлалъ друзьями, возвелъ наше естество на небо, и посадилъ одесную Престола, доставилъ намъ и другія безчисленныя блага. Итакъ, изъ-за всего этого должно не плакать и сокрушаться, а веселиться и радоваться. Поэтому и Павелъ говоритъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. vi, 14). И опять: *составляетъ же свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ, Христосъ за ны умре* (Римл. v, 8). И Іоаннъ вотъ что говоритъ: *такъ бо возлюби Богъ міръ* (Іоан. iii, 16). Какъ, скажи? Умолчавъ обо всемъ прочемъ, онъ указалъ на крестъ. Ибо сказавъ: *такъ бо возлюби Богъ міръ*, прибавилъ: *яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть на распятіе, да всякъ вѣрующій въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*. Итакъ, если крестъ есть предметъ любви и похвалы, то не будемъ говорить, что мы изъ-за него плачемъ: нѣтъ, мы плачемъ не изъ-за него, но изъ-за своихъ прегрѣшеній. Вотъ почему мы постимся.

5. Только оглашенный никогда не совершаетъ пасхи, хотя и постится ежегодно, потому что онъ не участвуетъ въ приношеніи (евхаристіи); между тѣмъ какъ и непостоящійся, но приступающій съ чистою совѣстію, совершаетъ пасху, сегодня ли, завтра ли, или вообще всякій разъ, когда онъ участвуетъ въ приобщеніи. Ибо достойное причащеніе зависитъ не отъ наблюденія времени, но отъ чистой совѣсти. А мы дѣлаемъ напротивъ: сердца не очищаемъ, но, если только приступимъ въ (субботній) день, то уже и думаемъ, что совершаемъ пасху, хотя бы и обременены были безчисленными грѣхами. Но это не такъ.

нѣтъ; напротивъ, если ты приступишь и въ субботу съ лукавою совѣстію, то все-таки не получишь пріобщенія, и уйдешь, не совершивъ пасхи; и наоборотъ, если и сегодня пріобщишься, загладивъ грѣхи свои, то въ точности совершишь пасху. Итакъ, эту-то точность и тщательность вы должны бы показывать не въ наблюденія временъ, но въ приступленія (къ причащенію). И, какъ вы теперь готовы лучше перенести все, нежели перемѣнить обычай, такъ надлежало бы вамъ пренебречь этимъ обычаемъ и рѣшиться все претерпѣть и сдѣлать, только бы не приступать (къ пріобщенію) во грѣхахъ. А что Богъ не обращаетъ вниманія на такое наблюденіе временъ, послушай, какъ Онъ судитъ: *взлѣкахся бо, говоритъ Онъ, и дасте Ми ясти: возжадахся и напоистъ Мя: нагъ и одѣясте Мя* (Матѳ. ххѳ, 35. 36); а стоящихъ ошуюю укоряетъ за противное этому. И опять, когда приведенъ былъ иной рабъ, (Богъ) наказываетъ его на злопамятство: *рабе лукавый, весь должнъ онъ отпустихъ тебѣ: не подобаше ли и тебѣ помиловати клеветѣ твоего, якоже и Азъ тя помиловахъ* (Матѳ. хѳѳ, 32. 33)? Онъ не впустилъ также юродивыхъ дѣвъ въ чертогъ жениха за то, что у нихъ не было едеи въ свѣтильникахъ; а одного осудилъ за то, что онъ вошелъ не въ брачномъ одѣяніи, но въ нечистыхъ одеждахъ, то есть, оскверненный прелюбодѣянiемъ и нечистотою; напротивъ, никто никогда не былъ наказанъ и осужденъ за то, что совершалъ пасху въ такой-то и такой-то мѣсяцъ. И что говорить о насъ, которые освобождены отъ всякой такого рода необходимости, и живемъ горѣ—на небесахъ, гдѣ нѣтъ ни мѣсяцевъ, ни солнца, ни луны, ни годичнаго круговращенія? Кто захочетъ тщательно вникнуть въ дѣло, тотъ увидитъ, что сами іудеи не много обращаютъ вниманія на время, но выше его ставятъ мѣсто—Іерусалимъ. Ибо когда люди, пришедши къ Моисею, говорили: *мы нечисти есмы о души чловѣчи: еда убо лишимся принести даръ Господу* (Числ. іх, 7): *станите ту, сказалъ имъ Моисей, да услышу, что повелитъ Господь о васъ* (Числ. іх, 9). Потомъ, вознеся жертву, далъ имъ законъ, предписывающій, что *иже аще будетъ нечистъ о души чловѣчи, или на пути далече, и не можетъ сотворити въ первый мѣсяцъ пасху, да сотворитъ во второй* (ст. 10). Такимъ образомъ даже у іудеевъ допускается нарушеніе опредѣленнаго времени, только бы пасха совершалась въ Іерусалимѣ; а ты не предпочитаешь времени единеніе съ церковію, но, чтобы наблюсти дни, оскорбляешь общую нашу мать и разсѣкаешь святое собраніе? Какъ же можешь ты заслужить прощеніе, когда безъ всякой причины рѣшаешься на такой грѣхъ? И что говорить объ іудеяхъ? Вѣдь и мы, сколько бы ни желали, ни старались, никакъ однако же не можемъ наблюсти тотъ день,

въ который Христосъ распятъ: это видно изъ слѣдующаго. Если бы іудеи и не согрѣшили, и не сдѣлались неблагодарными, безчувственными, небрежными и презрителями; если бы они и не потеряли отечественнаго устройства, но вполне сохраняли бы его доселѣ: и тогда невозможно было бы намъ, послѣдуя имъ, соблюсти тотъ день, въ который Христосъ былъ распятъ и совершилъ пасху. А какъ это, я и скажу теперь. Когда Христосъ былъ распятъ, тогда былъ первый день опрѣсноковъ и пятокъ; но пятокъ и первый день опрѣсноковъ не всегда могутъ совпадать. Вотъ, напр., въ настоящемъ году первый день опрѣсноковъ совпадаетъ съ воскресеньемъ: поэтому надлежало бы поститься всю недѣлю, и намъ, когда уже пройдутъ и страсти, и настанетъ крестъ (распятіе Христова) и воскресеніе, пришлось бы все еще поститься. И часто случалось, что постъ (іудейскій) продолжался послѣ креста, послѣ воскресенія, пока не кончится недѣля. Такимъ образомъ никакъ нельзя соблюсти время.

6. Не будемъ же спорить и говорить: я столько лѣтъ наблюдалъ (іудейскій) постъ, и теперь ли перемѣнить мнѣ обычай? Поэтому-то самому и перемѣни: столько времени ты отдѣлялся отъ церкви, возвратись же наконецъ къ матери. Вѣдь никто не говоритъ: такъ какъ я столько времени былъ во враждѣ, то теперь стыдно мнѣ помириться. Стыдно коснѣть въ неразумной настойчивости, а не перемѣняться на лучшее. То-то и погубило іудеевъ, что они, стараясь всегда соблюдать древній обычай, дошли до нечестія. И что говорить о постѣ и соблюденіи дней? Павелъ строго соблюдалъ законъ, много подъялъ трудовъ, много совершилъ путешествій, много перенесъ и другихъ бѣдствій, и точною въ исполненіи обрядовъ іудейскихъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ; однако, и по достиженіи высшаго совершенства въ (іудейской) жизни, какъ только узналъ, что все это онъ дѣлалъ во вреду и на погибель (себѣ), тотчасъ перемѣнился. Онъ не спрашивалъ себя: что это такое? Ужели я напрасно употреблялъ столько усердія, потерялъ столько труда? Нѣтъ, для того-то онъ и перемѣнился скорѣе, чтобы снова не понести той же потери, для того и презрѣлъ праведность законную, чтобы получить праведность отъ вѣры: *яже ми бяху приобрѣтенія*, взываетъ онъ, *сія вѣрніи Христа ради тщету* (Фил. III, 7).—*Аще принесеши даръ твой*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *ко олтарю, и ту помянешь, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и идеъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда приидеъ принеси даръ твой* (Матѣ. V, 23. 24). Что скажешь на это? Когда просто братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя, Христосъ не дозволяетъ тебѣ принести жертву, доколѣ не помиришься съ бра-

томъ; а когда имѣть (нѣчто) противъ тебя вся церковь и столько оtcевъ, ты осмѣливаешься и дозволяешь себѣ приступать къ божественнымъ тайнамъ, не прекративъ этой неразумной вражды? И какъ же можешь ты, въ такомъ расположеніи духа, совершить пасху? Говорю это не къ тѣмъ только, но и къ вамъ—здоровымъ, чтобы вы, сколько ни увидите такихъ, всѣхъ ихъ съ великою осторожностію и ласковостію взяли и собрали, и привели къ матери. Если даже они будутъ противиться, будутъ уклоняться, или другое что дѣлать, не отстанемъ, доколѣ не убѣдимъ ихъ; ибо ничто не можетъ сравниться съ миромъ и согласіемъ. Поэтому и отецъ нашъ (епископъ), вошедши (въ церковь), не прежде восходитъ на эту кафедру, какъ испросивъ всѣмъ вамъ миръ; и вставъ, не прежде начинаетъ учить васъ, какъ преподавъ всѣмъ миръ. И священники, когда хотятъ благословлять, прежде всего испросятъ миръ для васъ, и потомъ уже начинаютъ благословлять; также и діаконъ, приглашая молиться, вмѣстѣ съ прочими прошеніями, повелѣваетъ въ молитвѣ просить ангела мирна; да и всѣ возносимыя имъ моленія исполнены мира, и наконецъ, отпуская васъ изъ сего собранія, онъ желаетъ вамъ этого же, говоря: *съ миромъ изыдите*. Вообще, безъ мира ничего нельзя ни сказать, ни сдѣлать. Онъ есть нашъ питатель и отецъ, который лелѣетъ насъ съ великою заботливостію. Миръ же я разумѣю не тотъ, что состоитъ въ пустомъ привѣтствіи и общеніи трапезъ, но миръ по Богѣ, происходящій отъ духовнаго единенія. Это-то единеніе многіе теперь расторгаютъ, когда, по неразумной ревности, уничтожая наши постановленія и придавая большую важность іудейскимъ, считаютъ ихъ (іудеевъ) учителями, заслуживающими большаго довѣрія, чѣмъ наши отцы, и христоубійцамъ вѣрятъ (въ томъ, что касается) страданія (Христового). Что можетъ быть бессмысленнѣе этого? Развѣ не знаешь, что іудейская пасха есть образъ, а христіанская—истина? Смотри, какая между ними разность: та избавляла отъ тѣлесной смерти, а эта прекратила гнѣвъ (Божій), которому подпала вся вселенная; та избавила нѣкогда отъ Египта, эта освободила отъ идолослуженія; та погубила фараона, эта—дiавола; послѣ той—Палестина, послѣ этой—небо. Что же ты сидишь со свѣчею, когда уже взошло солнце? Зачѣмъ хочешь питаться молокомъ, когда дается тебѣ твердая пища? Для того тебя и кормили молокомъ, чтобы ты не оставался на молокѣ; для того и свѣтила тебѣ свѣча, чтобы ты пришелъ къ солнцу. Итакъ, когда настало совершеннѣйшее состояніе, не будемъ возвращаться къ прежнему,—не будемъ наблюдать дней, временъ и годовъ, но во всемъ неуклонно послѣдуемъ церкви, всему предпочитая любовь и миръ. Если бы даже и ошибалась церковь, и

въ такомъ случаѣ не столько было бы похвально точное наблюденіе временъ, сколько осужденія достойны раздѣленіе и расколъ.

871 Вотъ я нисколько не забочусь о времени, такъ какъ и Богъ не (заботится), что мы уже и показали (ибо и объ этомъ я уже много говорилъ); одного только домогаюсь, чтобы намъ дѣлать все въ мирѣ и единомысліи, чтобы, когда мы постимся со всѣмъ народомъ, и священники совершаютъ общественныя молитвы за вселенную, въ это время ты не оставался дома пьянствовать. Подумай, вѣдь это—дѣвольское навожденіе, и составляетъ не одинъ, не два, не три грѣха, но гораздо болѣе: отдѣляетъ тебя отъ стада (Христово), заставляетъ обвинять столь многихъ отцевъ, ввергаетъ въ упорство, увлекаетъ къ іудеямъ и выставляетъ тебя на соблазнъ и домашнимъ и чужимъ. Ибо какъ станемъ мы упрекать ихъ въ томъ, что они сидятъ дома, когда и ты бѣжишь къ нимъ? А кромѣ этихъ важныхъ грѣховъ можетъ произойти и большой вредъ, когда ты во время постовъ тѣхъ (съ іудеями) не будешь пользоваться ни Писаніемъ, ни собраніями, ни благословеніемъ, ни общими молитвами, но все это время проведешь съ нечистою совѣстію, въ страхъ и трепетъ, чтобы не уличили тебя, какъ какого-нибудь иноплеменника и инородца, между тѣмъ какъ тебѣ надлежало бы, вмѣстѣ съ церковію, совершать все съ дерзновеніемъ, съ удовольствіемъ, съ радостію и совершенною свободою. Церковь не знала строгаго наблюденія временъ; но когда затѣмъ всѣмъ отцамъ (церкви) угодно было собраться вмѣстѣ изъ различныхъ странъ и назначить опредѣленный день (пасхи), то церковь, во всемъ почитающая согласіе и любящая единомысліе, приняла ихъ опредѣленіе. А что ни вамъ, ни намъ и никому другому (изъ христіанъ) невозможно такъ ограничивать нашъ воскресный день, это достаточно доказано выше. Не будемъ же сражаться съ тѣнію, и, споря изъ-за случайнаго, не повредимъ себя въ важнѣйшемъ. Поститься въ то или другое время—не предосудительно, но раздѣлять церковь, жить въ раздорахъ, производить расколы и постоянно уклоняться отъ (церковнаго) собранія, это не простительно, достойно осужденія и влечетъ за собою тяжкое наказаніе. Можно бы сказать и больше этого, но для внимательныхъ достаточно и сказаннаго; а для не внимательныхъ не было бы пользы, если бы сказано было и больше. Посему, закончивая здѣсь слово, всѣ вмѣстѣ попросимъ нашихъ братьевъ возвратиться къ намъ, возлюбить миръ, отстать отъ неразумнаго упорства, и, оставивъ безъ вниманія маловажное, проникнуты возвышенными и важными мыслями, и освободиться отъ наблюденія дней, чтобы всѣмъ намъ единодушно, едиными устами прославлять Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

Полное заглавіе: «его же (Златоуста) противъ іудеевъ слово четвертое, на трубы ихъ пасхи. Говорено въ Антиохіи, въ великой церкви». Самое начало этой бесѣды показываетъ, что она произнесена, спустя довольно долго постѣ первыхъ трехъ словъ противъ іудеевъ.

ПЯТЬ, жалкіе и несчастнѣйшіе изъ всѣхъ людей, іудеи хотятъ поститься, и опять нужно оградить стадо Христово. И пастухи, пока не беспокоить ихъ никакой звѣрь, расположившись подъ дубомъ или сосной, играютъ на свирѣли, оставляя овецъ пастись на всей волѣ; а какъ примѣтятъ приближеніе волковъ, бросивъ свирѣль, берутъ въ руки пращу, и, оставивъ рожокъ, вооружаются палками и камнями, и, ставъ впереди стада и поднимъ большой и сильный крикъ, часто однимъ этимъ крикомъ, не дѣлая еще нападенія на звѣря, прогоняютъ его. Такъ и мы, въ предшедшіе дни услаждаясь, какъ бы на лугу какомъ, изъясненіемъ Писанія, не употребили ни одного спорнаго слова, потому что никто не беспокоилъ насъ; а какъ сегодня, свирѣпѣйшіе всѣхъ волковъ, іудеи хотятъ окружить нашихъ овецъ, то необходимо бороться и ратовать, чтобы ни одна овца не была похищена у насъ звѣрями. И не дивитесь, что мы, еще за десять и болѣе дней до наступленія поста (іудейскаго), уже вооружаемся и ограждаемъ ваши души: вѣдь и трудолюбивые земледѣльцы, если имѣется по близости быстрый потокъ, опустошающій нивы, не во время дождливой погоды, но еще до этой поры, ограждаютъ и берега (потока), и поднимаютъ насыпи, и проводятъ каналы, и всячески укрѣпляются противъ него. Пока онъ еще тихъ и мало-воденъ, легко удержать его; но когда увеличится и весьма быстро понесетъ воды свои, тогда уже не такъ легко останавливать его: вотъ почему (земледѣльцы) за долго предупреждаютъ напоры его, придумывая всѣ возможные преграды. Такъ же поступаютъ, обыкновенно, и воины, и корабельщики, и жнецы. Тѣ, еще до сраженія, вычищаютъ и латы, и осматриваютъ щиты, и заготовляютъ удила, и кормятъ лошадей съ большимъ стараніемъ, и все прочее устрояютъ старательно. И корабельщики, прежде чѣмъ спустить корабль въ пристань, исправляютъ и киль, и подновляютъ борта (корабля), и обтесываютъ весла, и спиваютъ паруса, и упорядочиваютъ всѣ остальные принадлежности корабля. Подобнымъ образомъ и жнецы, за много дней оттачиваютъ и серпы, и готовятъ гумно, и воловъ, и телѣгу, и все прочее, что по-

873 треба для жатвы. Да и всѣ люди, извѣстно, заранѣе дѣлають приготовленія къ своимъ занятіямъ, чтобы, когда настанетъ время занятій, легко было имъ сдѣлать дѣло. Имъ-то подражая, и мы за много дней впередъ ограждаемъ ваши души, и увѣщаваемъ васъ бѣгать отъ этого нечестиваго и беззаконнаго поста (іудейскаго). Не говори мнѣ, что (іудей) постятъ; но докажи то, согласно ли съ волею Божіею они это дѣлають; если же нѣтъ, то постъ ихъ—беззаконнѣ всякаго пьянства. Должно не на дѣла ихъ только смотрѣть, но изслѣдовать и причину дѣлъ. Что бываетъ по волѣ Божіей, то, хотя бы казалось и худымъ, лучше всего; а что противно и не угодно Богу, то, хотя бы и казалось самымъ лучшимъ, хуже и беззаконнѣ всего. Если кто даже совершитъ убійство по волѣ Божіей, это убійство лучше всякаго челоуѣколюбія; но если кто пощадить и окажетъ челоуѣколюбіе вопреки волѣ Божіей, эта пощада будетъ преступнѣ всякаго убійства. Дѣла бывають хорошими и худыми не сами по себѣ, но по Божію о нихъ опредѣленію.

2. И чтобы удостовѣриться тебѣ въ справедливости этого, выслушай вотъ что. Нѣкогда Ахавъ, взявъ въ плѣнъ одного сирійскаго царя, вопреки волѣ Божіей сохранилъ ему жизнь, посадилъ его вмѣстѣ съ собою (на колесницу) и отпустилъ съ великою честью. Затѣмъ одинъ пророкъ, пришедши къ ближнему своему, сказалъ: *по словеси Господню бій мя: и не восхотѣ челоуѣкъ бити его; и рече къ нему: понеже не послушалъ еси гласа Господня, се ты отыдеши отъ мене и поразитъ тя левъ. И стѣиде отъ него; и обрѣте его левъ и порази его, и обрѣте челоуѣка иного и рече: бій мя: и би его челоуѣкъ и порази его, и сокруши лице его* (3 Цар. хх, 35—37). Что можетъ быть страннѣ этого? Поразившій пророка остался цѣлъ, а пощадившій—наказанъ: знай же, что, когда Богъ повелѣваетъ, тогда не должно разсуждать о свойствахъ самаго дѣла, но только повиноваться. И вотъ, чтобы первый (ближній) не пощадилъ пророка изъ уваженія къ нему, пророкъ не просто сказалъ ему: *бій мя*, но: *по словеси Господню*, то есть, Богъ повелѣлъ, ни о чемъ больше не спрашивай; царь предписалъ законъ, уважь достоинство повелѣващаго, и повинуйся со всею готовностію. Но тотъ не послушался, за что и потерпѣлъ тяжкое наказаніе, и своимъ несчастіемъ вразумляетъ потомковъ повиноваться и покоряться всему, что ни повелитъ Богъ. Потомъ, когда второй поразили и поранили пророка, этотъ обвязалъ голову свою полотномъ, прикрылъ глаза и сдѣлалъ такъ, чтобы его не узнали. А для чего онъ сдѣлалъ это? Онъ хотѣлъ обличить царя и произнести надъ нимъ судъ за спасеніе сирійскаго царя. Такъ какъ царь былъ нечестивъ и ненавидѣлъ пророковъ, то, чтобы, увидѣвъ

его, не прогналъ съ глазъ, а прогнавъ, не остался безъ исправленія, пророкъ прикрываетъ и свое лице и рассказъ о самомъ дѣлѣ, дабы имѣть возможность говорить (съ царемъ) и получить отъ него сознаніе въ томъ, въ чемъ хотѣлось (пророку). И вотъ, когда царь проходилъ мимо, пророкъ закричалъ къ нему и сказалъ: *рабъ твой изыде на войну брани, и се мужъ приведе ко мнѣ мужа, 674* и рече ко мнѣ: сохрани мужа сего: аще же отрушился, отсочишь, и будетъ душа твоя вмѣсто души его, или талантъ отдаси сребра. И бысть, яко озрѣся рабъ твой стмо и овамо, и сего не бысть: и рече къ нему царь израилевъ: се судъ твой при мнѣ, самъ себе убилъ еси. И ускори и отъя покрывало отъ очесъ твоихъ: и позна его царь израилевъ, яко отъ пророкъ сей есть. И рече къ нему: тако глаголетъ Господь: понеже испустилъ еси ты мужа пагубнаго изъ руки твоея, и будетъ душа твоя вмѣсто души его, и люди твои вмѣсто людей его (ст. 39—42). Смотри, какъ не только Богъ, но и люди судятъ одинаково, — обращая вниманіе не на свойство дѣла, но на ихъ цѣль и причины. Вотъ и царь говоритъ пророку: ты самъ себѣ судья предо мною, ты совершилъ убійство. Ты, говоритъ, человѣкоубійца, потому что отпустилъ непріятеля. Вотъ для чего пророкъ и покрылъ себя покрываломъ и потребовалъ суда какъ бы по чужому дѣлу, чтобы царь произнесъ правильное рѣшеніе;—что и случилось. Ибо, когда царь произнесъ надъ нимъ судъ, пророкъ, снявъ покрывало, сказалъ: *понеже испустилъ еси ты мужа пагубнаго изъ руки твоея, и будетъ душа твоя вмѣсто души его, и люди твои вмѣсто людей его.* Видишь, какъ (Ахавъ) осужденъ за человѣколюбіе, и какое наказаніе потерпѣлъ за пощадку? Онъ сохранилъ жизнь (врагу), и—наказанъ; а другой совершилъ убійство, и — заслужилъ похвалу. Вотъ Финеесъ въ одно мгновеніе совершилъ два убійства, умертвилъ мужа и жену, и почтенъ священствомъ: такъ онъ руку свою не только не осквернилъ кровію, но еще сдѣлалъ болѣе чистою. Итакъ, видя, что бившій пророка остается дѣла, а не бившій погибаетъ, что пощадившій наказывается, а не пощадившій похваляется, во всѣхъ случаяхъ старайся узнать прежде волю Божию, а не свойство самого дѣла, и, что найдешь согласнымъ съ нею, то только и одобрай.

3. Этимъ-то правиломъ руководствуясь, будемъ судить и объ этомъ (іудейскомъ) постѣ. Если мы не станемъ такъ дѣлать, но будемъ выставять и разсматривать только голыя дѣла, какъ онѣ есть, то произойдетъ большое замѣшательство, большой беспорядокъ. Наприм. терпятъ побои и разбойники, и гробограбители, и обманщики; но то же терпятъ и мученики: дѣла одинаковы, но расположеніе духа и причина, по которой онѣ бываютъ, неодина-

ковы, а потому между (мучениками) и тѣми людьми большое различіе. И какъ въ этомъ случаѣ мы обращаемъ вниманіе не на однѣ мученія, но, еще прежде того, на расположеніе души и на причину, изъ-за которой бывають мученія, а поэтому и мучениковъ любимъ не за то, что они мучатся, но за то, что мучатся за Христа, и разбойниковъ презираемъ не за то, что они наказываются, но за то, что наказываются за злодѣянія; такъ же суди и о томъ, что дѣлается у іудеевъ. И если увидишь, что они постанутъ для Бога, похвали это; если же увидишь, что дѣлають это вопреки волѣ Божіей, отвратись и возненавидь ихъ болѣе, чѣмъ 875 пьянствующихъ и неумѣренныхъ въ пищѣ и питіи. Но въ этомъ постѣ должно смотрѣть не на причину только, но и на мѣсто и на время. Впрочемъ прежде, чѣмъ бороться съ іудеями, лучше побесѣдуемъ съ тѣми изъ нашихъ членовъ, которые, повидимому, стоятъ вмѣстѣ съ нами, но на дѣлѣ слѣдуютъ іудейскимъ обычаямъ и всячески защищаютъ ихъ, и которыхъ поэтому я считаю болѣе достойными осужденія, чѣмъ самихъ іудеевъ. Въ этомъ согласятся съ нами не только мудреы и умныя люди, но и всѣ, кто только имѣетъ сколько нибудь разума и смысла. Чтобы доказать это, не нужно умствованій, изслѣдованій и длинныхъ оборотовъ рѣчи; нѣтъ, довольно только спросить ихъ и—уловить на самомъ отвѣтѣ ихъ. Что же? Спрошу я у каждаго изъ страдающихъ этимъ недугомъ: ты христіанинъ? Для чего же слѣдуешь обычаямъ іудеевъ? Или ты іудей? Такъ зачѣмъ безпокоишь церковь? Персъ не соблюдаетъ ли того, что въ обычаяхъ у персовъ? Варваръ не слѣдуетъ ли обычаямъ варваровъ? Живущій въ римскомъ государствѣ не подчиняется ли нашему уставу? И если кто изъ живущихъ между нами будетъ обличенъ въ томъ, что поступаетъ какъ варваръ, такой, скажи мнѣ, не тотчасъ ли подвергается наказанію безъ суда и изслѣдованія, хотя бы и представлялъ тысячу оправданій? Равно, если кто изъ варваровъ окажется соблюдающимъ римскіе законы, не потерпитъ ли и онъ того же самого? Какъ же ты думаешь спастись, уклоняясь къ іудейскимъ незаконнымъ обычаямъ? Развѣ ничтожно различіе между нами и іудеями? Развѣ споръ у насъ о пустыхъ вещахъ, такъ что можно считать за одно и то же (и христіанство и іудейство)? Чѣмъ ты соединяешь несоединимое? Они распяли Христа, Которому ты поклоняешься: видишь какое различіе! Какъ же бѣжишь къ нимъ, убійцамъ, ты, говорящій о себѣ, что поклоняешься Распятому? Я ли выдумываю этотъ способъ обвиненія и этотъ родъ обличенія? Не этотъ ли способъ употребляетъ противъ нихъ и Писаніе? Послушай, что говоритъ именно противъ нихъ Іеремія: *отыдите въ Кидаръ, и увидите; пошлите въ острова Хеттимъ, и познайте, аще сотворена была таковая.*

Что же это такое? *Аще премъниши языцы боги своя, и тиѣ не суть бози: вы же премънисте славу свою на то, отъ него же не пользуетесь* (Іер. II, 10). А это значить вотъ что: тѣ (язычники), говорить, поклоняясь идоламъ и служа демонамъ, такъ тверды были въ своемъ заблужденіи, что не захотѣли оставить идоловъ и обратиться къ истинѣ; а вы, поклонники истиннаго Бога, оставя отеческое благочестіе, перешли къ чуждымъ обычаямъ; вы даже не показали и того постоянства въ истинѣ, какое имѣютъ тѣ въ заблужденіи. Вотъ почему говорить: *аще сотворена быша таковая? Аще премъниши языцы боги своя, и тиѣ не суть бози: вы же премънисте славу свою на то, отъ него же не пользуетесь*. Не сказалъ: *премънисте Бога своего*, потому что Богъ неизмѣняемъ (Малах. III, 6), но: *премънисте славу свою*. Не Меня, говорить, оскорбили вы; ибо Мнѣ нельзя сдѣлать вреда; вы обезчестили сами себя, умалили не Мою славу, но свою собственную. Позвольте же и мнѣ сказать это и къ нашимъ, если только должно называть нашими тѣхъ, которые мыслятъ по-іудейски: подите въ синагоги и посмотрите, перемѣнили ли іудеи свой постъ, постились ли въ пасху съ нами, бѣли ли когда въ этотъ день? Ихъ постъ не есть 876 постъ, но беззаконіе, грѣхъ и преступленіе; и однако же они не перемѣнили его; а вы перемѣнили славу свою на то, отъ чего не получите никакой пользы, и перешли на ихъ сторону. Когда постились они въ пасху? Когда совершали съ нами праздникъ мучениковъ? Когда сообщались съ нами въ день Богоявленія? Они не бѣгутъ къ истинѣ, а вы бѣжите къ нечестію: называю (праздники ихъ) нечестіемъ потому, что совершаются не въ свое время. Было нѣкогда время, когда надлежало соблюдать эти праздники, но теперь—не время. Вотъ почему то, что нѣкогда было законно, теперь беззаконно.

4. Позвольте мнѣ сказать къ этимъ людямъ словами Іліи. Онъ, видя, какъ іудеи поступаютъ нечестиво, и то повинуются Богу, то служатъ идоламъ, такъ говорить къ нимъ: *доколь вы храмлете на обѣ плеснь? Аще есть Господь Богъ нанизъ съ вами, приидите и идите въ слѣдъ Его: аще же Ваалъ, то идите за нимъ* (3 Цар. XVIII, 21). Это же и я теперь скажу къ нимъ: если вы почитаете истиннымъ іудейство, то зачѣмъ обременяете собою церковь? Если же истинно христіанство, каково оно и есть, то неуклонно слѣдуйте ему. Скажи мнѣ, ты участвуешь въ таинствахъ, поклоняешься Христу, какъ христіанинъ, у Него спрашиваешь благъ, и—празднуешь съ Его врагами? Съ какою же, наконецъ, совѣстію приходишь ты въ церковь? Но довольно сказали мы противъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что мыслятъ по-нашему, и между тѣмъ слѣдуютъ іудейскимъ обычаямъ. А какъ я хочу сразиться съ іу-

деями, то позвольте мнѣ предложить болѣе пространное поученіе и показать, какъ іудеи уничижаютъ законъ, постясь теперь, и попираютъ заповѣди Божіи, дѣлая всегда только противное Ему. Вотъ, когда Онъ хотѣлъ, чтобы іудеи постились, они утучняли себя и расширялись; когда же хочетъ, чтобы не постились, они упорствуютъ поститься. Когда хотѣлъ, чтобы приносили жертву, они бѣжали къ идоламъ; а когда не хочетъ, чтобы они совершали свои праздники, тогда усердствуютъ праздновать. Поэтому Стефанъ говорилъ къ нимъ: *вы присно Святому Духу противитесь* (Дѣян. vii, 51). Вы, говорить, о томъ только и старались, какъ бы сдѣлать противное тому, что Богъ заповѣдалъ. Такъ поступаютъ они и теперь. Откуда это видно? Изъ самаго закона, ибо въ отношеніи къ праздникамъ іудейскимъ законъ повелѣлъ наблюдать не только время, но и мѣсто (празднованія). Такъ, заповѣдая имъ и объ этой пасхѣ, онъ говоритъ вотъ что: *не возможемъ жрети пасхи ни въ единомъ отъ градовъ твоихъ, яже Господь Богъ твой дастъ тебѣ* (Втор. xvi, 5). Напротивъ, постановивъ совершать пасху въ четырнадцатый день перваго мѣсяца, законъ также повелѣлъ праздновать ее только въ Іерусалимѣ; равно и для празднованія пятидесятницы назначилъ определенное мѣсто и время, повелѣвъ совершать ее спустя семь недѣль, и опять прибавивъ: *въ мѣстѣ, еже избретъ Господь Богъ твой* (xii, 11). Точно также (постановлено) и о праздникѣ кущей. Но посмотримъ, 877 что изъ этихъ двухъ болѣе необходимо—время или мѣсто: то есть, если когда нельзя соблюсти то и другое вмѣстѣ, должно ли пренебречь мѣстомъ и соблюсти время, или, пренебрегши временемъ, соблюсти мѣсто? Я хочу сказать вотъ что: Господь повелѣлъ совершать пасху въ первый мѣсяцъ, въ Іерусалимѣ, т. е. въ определенное время и въ определенномъ мѣстѣ. Теперь предположимъ, что совершаютъ пасху двое: одинъ пусть нарушаетъ мѣсто, а соблюдаетъ время; другой пусть наблюдаетъ мѣсто, а нарушаетъ время, притомъ, наблюдающій время, но нарушающій мѣсто, пусть совершаетъ пасху въ первый мѣсяцъ и внѣ Іерусалима, гдѣ нибудь вдали, а наблюдающій мѣсто, но преступающій время, совершаетъ пасху въ Іерусалимѣ, не въ первый мѣсяцъ, а во второй. Затѣмъ посмотримъ, кто изъ двухъ этихъ достойнъ осужденія, и кто одобренія, преступившій ли время и совершившій пасху въ определенномъ мѣстѣ, или оставившій мѣсто и наблюдавшій время? Если преступившій время съ тѣмъ, чтобы совершить пасху въ городѣ, окажется достойнымъ одобренія, а наблюдавшій время, но пренебрегшій мѣстомъ—осужденія и обвиненія, какъ нечестивецъ; то очевидно, что и іудеи поступаютъ нечестиво, когда не совершаютъ пасхи въ своемъ мѣстѣ, хотя бы и тысячу разъ гово-

рили о себѣ, что наблюдаютъ время. Откуда же видно это? Отъ самого Моисея. Когда (евреи) совершили пасху внѣ (Іерусалима), то пришли они къ Моисею, говоря: *мы нечисти есмь о души человѣчи: еда лишимся принести даръ Господу во время свое посреди сыновъ Израилевыхъ, и рече Морсей къ нимъ: станите ту, и услышу, что повелитъ Господь о васъ. И рече Господь къ Морсею, глаголя: рцы сыномъ Израилевымъ, глаголя: человекъ уже аще будетъ нечистъ о души человѣчи, или на пути далече, или въ васъ, въ родѣхъ вашихъ, да сотворитъ пасху въ мѣсяцъ второй* (Числ. ix, 7—11). Это значитъ: кто въ первый мѣсяцъ будетъ на пути, тотъ пусть не совершаетъ (пасхи) внѣ города, но пусть совершитъ во второй мѣсяцъ, когда придетъ въ Іерусалимъ; пусть преступитъ время, только бы не быть внѣ города. Это показываетъ, что соблюденіе мѣста болѣе необходимо, чѣмъ соблюденіе времени. Что же могутъ сказать на это совершающіе (пасху) внѣ Іерусалима? Вѣдь, когда они опускаютъ болѣе необходимое, ихъ не можетъ оправдать соблюденіе менѣе необходимаго. Значитъ, они, хотя бы тысячу разъ увѣряли себя, что не нарушаютъ времени, поступаютъ крайне незаконно. И это видно не только отсюда, но и изъ примѣра пророковъ. Извѣстно, что пророки и не приносили жертвъ, и не воспѣвали пѣсней, и не соблюдали ни одного такого поста на чужой землѣ: какое же эти (нынѣшніе іудеи) могутъ имѣть извиненіе? Тѣ, хотя и ожидали возвращенія прежняго устройства, однако оставались въ повиновеніи закону и исполняли предписанія его, какъ законъ того требовалъ; а эти, не имѣя никакой надежды на возвращеніе прежняго устройства (ибо какимъ мѣстомъ изъ пророковъ могутъ доказать это?), не хотятъ успокоиться. Между тѣмъ, если бы они даже ожидали, что порядокъ тотъ возвратится, и въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало бы подражать святымъ тѣмъ, и не поститься и не дѣлать что либо другое, тому подобное.

5. А для удостовѣренія, что тѣ (святые) ничего такого не дѣлали, послушай, что они отвѣчали спрашивавшимъ ихъ. Когда иноплеменики настоятельно и съ принужденіемъ заставляли ихъ употребить въ дѣло свои органы, говоря: *воспойте намъ пѣснь Господню*, они, хорошо зная, что законъ не позволяетъ имъ дѣлать это внѣ (Іерусалима), отвѣчали: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей* (Пс. cxlvi, 3. 4)? И опять, три отрока, жившіе въ Вавилонѣ, говорили: *нѣтъ во время сіе князя и пророка, ни мѣста, еже пожрети предъ Тобою и обрѣсти милость* (Дан. iii, 38. 39). Мѣста, конечно, тамъ было много, но такъ какъ не было храма, то они оставались безъ жертвоприношеній. Да и къ другимъ Богъ (говорить) чрезъ Захарію: *се седмдесятъ*

лѣтъ постомъ ли постистесь ми (Зах. vii, 5), разумѣя здѣсь лѣта (вавилонскаго) плѣна. Какъ же ты нынѣ постишься, скажи мнѣ, когда предки твои и не приносили жертвъ, и не постились, и не праздновали? Уже и отсюда видно, что они не совершали и пасхи: ибо, гдѣ не было жертвы, тамъ не было и праздника, потому что всѣ (праздники) надлежало совершать съ жертвоприношеніями. Но чтобы представить тебѣ и доказательство на это, послушай, что говоритъ Даниилъ: *въ тѣя дни азъ, Даниилъ, бѣхъ рыдая три седмицы, хлѣба возделъннаго не ядохъ, и мясо и вино не видѣ во уста моя, и маслѣю не помазахся въ тѣ седмицы. Въ день двадцать четвертый перваго мѣсяца видѣхъ видѣніе* (Дан. x, 2—4). Здѣсь слушайте меня со вниманіемъ; ибо изъ этихъ словъ видно, что іудеи (въ Вавилонѣ) не совершали пасхи. Какъ же это, я и скажу теперь. Въ дни опрѣсноковъ іудеямъ не позволялось поститься; а Даниилъ въ теченіе двадцати одного дня не вкушалъ ничего. Но изъ чего, скажешь, видно, что эти двадцать одинъ день были дни опрѣсноковъ? Изъ того, что онъ сказалъ: *въ день двадцать четвертый перваго мѣсяца*; а пасха оканчивается въ двадцать первый день; ибо, начавъ четырнадцатымъ днемъ перваго мѣсяца, и потомъ празднуя семь дней, іудеи такимъ образомъ доходятъ до двадцать перваго дня. Но Даниилъ, и по прошествіи пасхи, продолжалъ еще не вкушать; потому что начавъ съ третьяго дня перваго мѣсяца, потомъ продолживъ (постъ) двадцать одинъ день, онъ такимъ образомъ провелъ четырнадцатый день, а за нимъ еще семь и три дня. Итакъ, не незаконно ли и не нечестиво ли поступаютъ іудеи, что, тогда какъ тѣ святые никакихъ обрядовъ не совершали на чужой землѣ, они по упорству и спорливости дѣлаютъ противное? Вѣдь, если бы говорили и дѣлали это какіе нибудь безпечные и неблагочестивые люди, то несоблюденіе ими (праздниковъ) можно бы приписать ихъ безпечности; но если это были люди благочестивые и боголюбивые, такіе, которые и душу свою отдали за заповѣди Божіи, то явно, что они не соблюдали закона (о праздникахъ) не по безпечности, но по убѣжденію изъ самаго закона въ томъ, что ни одного изъ этихъ обрядовъ не должно соблюдать внѣ Іерусалима. Изъ этого открывается и другая важнѣйшая истина,—именно, что соблюденія жертвъ, субботъ, новомѣсячій, и всего тому подобнаго требовало тогдашнее (іудейское) устройство не необходимо, и что ни соблюденіе ихъ

не могло придать ничего особеннаго добродѣтели, ни опущеніе—сдѣлать добраго (человѣка) худымъ, или отнять что либо отъ душевнаго любомудрія. Такъ эти (святые мужи), провождавшіе на землѣ жизнь равную ангельскому любомудрію, хотя и не дѣлали ничего этого,—не приносили жертвъ, не совершали праздника, не

соблюдали такого поста, однако такъ угодили Богу, что стали выше и самой природы, и тѣмъ, что случилось съ ними, обратили всю вселенную къ Богопознанію. Что можетъ сравниться съ Данииломъ? Что съ тремя отроками, которые такъ задолго выполнили уже на дѣлѣ величайшую евангельскую заповѣдь,—главизну всѣхъ благъ? Ибо (въ Евангеліи) сказано: *больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. ху, 13); а они душу свою положили за Бога. Впрочемъ, они достойны удивленія не по этому только, но и потому еще, что дѣлали это не за какую либо награду. Потому-то и говорили, что *есть Богъ на небеси, силенъ изъяти насъ. Аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ* (Дан. iii, 17—18). Довольно намъ, говорятъ, и той награды, что умираемъ за Бога. И это они дѣлали, такую являли доблесть, не соблюдая ничего предписаннаго въ законѣ (обрядовомъ).

6. Для чего же, скажете, Богъ установилъ эти (обряды), если не хотѣлъ исполненія ихъ? А если бы хотѣлъ исполненія, то для чего разрушилъ ванъ городъ? Если бы Онъ хотѣлъ, чтобы эти обряды соблюдались постоянно, то надлежало бы сдѣлать Ему одно изъ двухъ: или не повелѣвать приносить жертвы на одномъ только мѣстѣ, если уже Онъ хотѣлъ разсѣять васъ по всей вселенной; или, если хотѣлъ, чтобы вы приносили жертвы только тамъ (въ Іерусалимѣ), не разсѣвать васъ по вселенной и не дѣлать для васъ недоступнымъ того именно города, въ которомъ одномъ надлежало приносить жертву. Что же? Богъ, скажешь, противорѣчитъ самому Себѣ: повелѣвъ приносить жертвы въ одномъ только мѣстѣ, самъ же потомъ заперъ это мѣсто? Вовсе нѣтъ; напротивъ, Онъ совершенно вѣренъ Себѣ. Сначала Онъ и не хотѣлъ позволить вамъ жертвы; свидѣтелемъ этого приведу самого пророка, который говоритъ такъ: *услышите слово Господне, князи Содомстѣи: вземлите закону Бога вашего, людѣ Гоморстѣи* (Ис. i, 10). А это говоритъ онъ не къ содомлянамъ и не къ жителямъ Гоморры, но къ іудеямъ. Называетъ же ихъ такъ за то, что они, подражая нечестію тѣхъ, вступили въ родство съ ними. Точно также онъ называетъ ихъ и псами (Ис. lvi, 11) и конями женонеистовыми (Іер. v, 8), не потому, чтобы они приняли природу этихъ животныхъ, но потому, что выказывали ихъ похотливость. *Что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь* (Ис. i, 11). А мы не видимъ, чтобы жители Содомы когда нибудь приносили жертвы: значитъ, слово это обращено къ іудеямъ, и называетъ ихъ именемъ тѣхъ по указанной мною причинѣ. *Что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь, исполненъ есмь всесоженій овнихъ, и тука агнцевъ, и крове 880*

юнецвъ и козловъ не хочу. Ниже приходите явитися Ми; кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ? Слышалъ ты гласъ (Божій), весьма ясно говорящій, что сначала Онъ не требовалъ отъ васъ этихъ жертвъ? Ибо, если бы требовалъ ихъ, то этимъ установленіямъ первыми подчинилъ бы всѣхъ древнихъ, которые еще до нихъ прославились. Для чего же, скажешь, Онъ позволилъ послѣ? Снисходя къ вашей немощи. Какъ врачъ, видя, что больной горячкою человѣкъ, своенравный и нетерпѣливый, хочетъ напиться холодной воды, и угрожаетъ, если ему не дадутъ, накинуть на себя петлю, или броситься со стремнины, для предотвращенія бдѣшаго зла, допускаетъ меньшее, только бы отклонить больного отъ насильственной смерти; такъ точно поступилъ и Богъ. Какъ увидѣлъ Онъ, что (евреи) бѣснуются, скучаютъ, хотятъ жертвъ, готовы, если имъ не позволятъ этого, обратиться къ идоламъ, или даже не только готовы обратиться, но уже и обратились, то позволилъ имъ жертвы. И что это было причиной, можно видѣть изъ самаго времени (позволенія). Богъ позволилъ имъ жертвы уже послѣ того, какъ они совершили праздникъ въ честь злыхъ демоновъ, какъ бы такъ говоря имъ: вы бѣснуетесь и хотите приносить жертвы; такъ приносите ихъ, по крайней мѣрѣ, Мнѣ. Впрочемъ, и позволивъ это, Онъ не навсегда далъ такое позволеніе, но, премудрымъ способомъ опять отнялъ его. Какъ врачъ (ничто не мѣшаетъ мнѣ опять употребить тотъ же примѣръ), уступая прихоти больного, приносить изъ своего дома сосудъ и приказываетъ ему пить изъ него одного, а потомъ, когда больной согласится на это, тайно велитъ подающимъ питье разбить этотъ сосудъ, чтобы незамѣтно и не подавая вида отклонить больного отъ его прихоти: такъ поступилъ и Богъ. Позволивъ іудеямъ приносить жертвы, Онъ не позволилъ дѣлать это ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима; потомъ, когда они нѣсколько времени приносили жертвы, разрушилъ этотъ городъ, чтобы, какъ врачъ разбитіемъ сосуда, такъ и Богъ разрушеніемъ города — отвлечь ихъ, и по неволѣ, отъ этого дѣла. Если бы Онъ прямо сказалъ: перестаньте; они не легко бы согласились оставить страсть къ жертвамъ; но теперь по самой необходимости ихъ мѣстопробыванія Онъ незамѣтно отвелъ ихъ отъ этой страсти. Такъ пусть будетъ врачъ—Богъ, сосудъ—городъ, больной—упорный народъ іудейскій, холодное питье—позволеніе и свобода приносить жертвы. И вотъ, какъ врачъ отводитъ больного отъ его неразумнаго требованія, разбивая сосудъ; такъ и Богъ отклонилъ (іудеевъ) отъ жертвъ, разрушивъ самый городъ и сдѣлавъ его для всѣхъ недоступнымъ. Если бы Онъ не это имѣлъ въ виду, то для чего заключилъ все богослуженіе въ одномъ мѣстѣ, будучи вездѣсу-

щимъ и все наполняя? Для чего же Онъ, соединивъ богослуженіе съ жертвами, жертвы съ мѣстомъ, мѣсто съ временемъ, время съ однимъ городомъ, потомъ разрушилъ этотъ самый городъ? И вотъ что удивительно и странно: вся вселенная открыта іудеямъ, и нигдѣ на ней не позволено приносить жертвъ; одинъ Іерусалимъ 881 недоступенъ, а въ немъ только и позволялось имъ приносить жертвы. Итакъ, не ясна ли и не очевидна ли, даже для самыхъ несмысленныхъ, причина разрушенія Іерусалима? Если домостроитель, положивъ уже основаніе, выведши стѣны, устроивъ сводъ и прикрѣпивъ его къ одному, положенному въ срединѣ камню, отниметь этотъ камень, то разрушить весь составъ зданія; такъ и Богъ, сдѣлавъ городъ какъ бы связію (іудейскаго) богослуженія, и потомъ разрушивъ его, этимъ самымъ разрушилъ и все остальное зданіе того богослуженія.

7. Но перестанемъ пока бороться съ іудеями. Сегодня мы только начали сраженіе, сказавъ столько, сколько требовалось для предостереженія нашихъ братій, или даже гораздо больше. Нужно наконецъ убѣдить и васъ, здѣсь присутствующихъ, чтобы вы усердно позаботились о нашихъ членахъ, и не говорили: „какая мнѣ надобность? Зачѣмъ мнѣ хлопотать и беспокоиться?“ Господь нашъ умеръ за насъ: а ты не хочешь и слова сказать? Какое же будешь имѣть извиненіе? Какое получишь оправданіе? Какъ, скажи мнѣ, станешь съ дерзновеніемъ предъ судилищемъ Христовымъ, показавъ равнодушіе къ погибели столькихъ душъ? Если бы могъ я знать всѣхъ, кто только бѣгаетъ туда (въ синагоги), то не нуждался бы въ васъ, но самъ весьма скоро исправилъ бы ихъ. Когда нужно исправить брата, то, хотя бы понадобилось отдать и душу, не откажись; поревнуй своему Владыкѣ; есть у тебя слуга, или жена, удерживай ихъ дома съ великою строгостію. Если ты не позволяешь имъ ходить въ театръ, тѣмъ болѣе не позволяй ходить въ синагогу, потому что это преступленіе больше того: тамъ—грѣхъ, а здѣсь—нечестіе. Говоримъ это не съ тѣмъ, чтобы вы позволяли имъ ходить въ театръ, ибо и это худо; но чтобы гораздо болѣе воспрещали имъ ходить въ синагогу. Чтѣ бѣжишь ты видѣть въ синагогѣ богопротивныхъ іудеевъ, скажи мнѣ? Людей, трубящихъ въ трубы? Но надлежало бы тебѣ, сидя дома, скорбѣть о нихъ и плакать о томъ, что они противятся заповѣди Божіей, лгутъ вмѣстѣ съ діаволомъ. Ибо, какъ я сказалъ прежде, дѣлаемое вопреки волѣ Божіей, хотя бы и было когда дозволено, послѣ становится беззаконіемъ и влечетъ за собою множество наказаній. Трубили нѣкогда іудеи, когда были у нихъ жертвы; а теперь имъ не позволено это дѣлать. Послушай, для чего и получили они трубы? *Сотвори себѣ, говоритъ Богъ, трубы кованы серебряныя*

(Чис. х, 12); потомъ, говоря объ ихъ употребленіи, прибавляетъ: *вострубите въ нихъ на всесожженія ваша и на жертвы спасеній вашихъ* (10). Гдѣ же теперь жертвенникъ? Гдѣ кивотъ? Гдѣ скинія и святое святыхъ? Гдѣ священникъ? Гдѣ херувимы славы? Гдѣ золотая кадильница? Гдѣ очистилище? Гдѣ чаша? Гдѣ сосуды возліянія? Гдѣ огонь, свыше ниспосланный? Все оставилъ ты, и удерживаешь только трубы? Видишь ли, что іудеи скорѣе играютъ, чѣмъ служатъ (Богу)? Но если ихъ мы упрекаемъ за то, что они беззаконничаютъ, тѣмъ болѣе—васъ за то, что сходитесь съ беззаконниками; (упрекаемъ) не только тѣхъ, которые бѣгутъ туда, но и тѣхъ, которые могли бы удержать ихъ, и не хотятъ. Не говори мнѣ: „что у меня общаго съ нимъ? Опъ мнѣ чужой и незнакомый“. Пока онъ вѣрный, пріобщается однихъ съ тобою тайнъ, и ходитъ въ ту же церковь, дотолѣ онъ ближе къ тебѣ и братьевъ, и знакомыхъ и родственниковъ, и всѣхъ вообще. Слѣдовательно, какъ подвергаются одинаковому наказанію не только крадунціе, но и тѣ, которые могли имъ помѣшать и не помѣшали; такъ одинаково же наказываются не только сами печестивцы, но и тѣ, которые могли отклонить ихъ отъ нечестія, но не хотѣли по нерадѣнію, или по безпечности. И зарывшій талантъ возвратилъ его господину въ цѣлости; но такъ какъ не умножилъ его, то и наказанъ. И ты, если даже самъ останешься чистымъ и непорочнымъ, но не умножишь своего таланта, и погибающаго брата не обратишь ко спасенію, то потерпишь одинаковую съ (рабомъ) тѣмъ участь. Многого ли требую отъ васъ, возлюбленные? Пусть каждый изъ васъ обратитъ ко спасенію одного изъ братій, пусть позаботится объ этомъ, пусть потрудится, чтобы въ слѣдующее собраніе намъ придти съ великимъ дерзновеніемъ, неся дары Богу, дары самые драгоценныя, возвращая (къ Нему) души заблудшихъ. Пусть даже придется понести обиды, получить удары, потерпѣть что либо другое,—все сдѣлаемъ, только бы возвратить ихъ. Вѣдь мы сносимъ же упрямство, оскорбленія и брань отъ больныхъ, не огорчаемся обидами, но желаемъ только одного, чтобы здоровъ былъ тотъ, кто такъ безразсудно поступаетъ. И у врача больной часто разрываетъ одежду, но тотъ не перестаетъ изъ-за этого лѣчить его. Если же заботящіеся о тѣлахъ показываютъ столько усердія, то какъ неумѣстно предаваться безпечности, когда гибнетъ столько душъ, и не рѣшаться перенести какую либо непріятность, когда гніютъ наши члены? Не такъ поступалъ Павелъ; а какъ? *Кто, говорилъ онъ, изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разсуждаюся* (2 Кор. хі, 29)? Зажги и ты въ себѣ этотъ огонь; и, если увидишь брата погибающимъ, пусть онъ тебя бранитъ, пусть оскорбляетъ, пусть бьетъ, пусть угро-

жасть сдѣлаться твоимъ врагомъ, пусть дѣлаетъ что бы то ни было другое: все перенеси благодушно, только бы тебѣ приобрѣсть его спасеніе. Пусть онъ сдѣлается тебѣ врагомъ, зато Богъ будетъ твоимъ другомъ, и наградитъ тебя великими благами въ тотъ день (суда). Дай Богъ, чтобы молитвами святыхъ, и заблуждшіе обратились ко спасенію, и вы имѣли успѣхъ въ этой ловлѣ, и самыя тѣ богохульники (іудеи), оставя нечестіе, познали Христа, за нихъ распятаго, да всѣ мы единымъ сердцемъ и едиными устами прославимъ Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава вмѣстѣ со Святымъ Духомъ во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ.

ОТЧЕГО это у насъ сегодня собраніе сдѣлалось многочислен- 883
нѣе? Конечно, вы собрались для истребованія общаннаго, пришли получить очищенное огнемъ сребро, которое и обѣщаль отдать вамъ. *Словеса Господня*, сказано, *словеса чиста, сребро разожжено, искушено земли* (Псал. хі, 7). Благословенъ Богъ, вложившій въ васъ такое усердіе къ слушанію духовнаго наставленія! Какъ пристрастные къ вину и напиткамъ, каждый день, лишь только вставъ, развѣдываютъ и освѣдомляются, гдѣ напитки, пиры и ужины, праздники и собранія пьющихъ, сосуды, чаши и стаканы: такъ и вы каждый день, лишь встанете, освѣдомляетесь, гдѣ увѣщаніе и совѣтъ, поученіе и наставленіе, и слово во славу Христа. Поэтому и мы тѣмъ охотнѣе беремся за это дѣло, и со всею готовностію предлагаемъ, что общали. Итакъ, наша борьба съ іудеями окончилась, какъ слѣдуетъ: поставленъ и трофей, сплетенъ намъ и вѣнецъ, получили мы награду уже и за предыдущую бесѣду. Нашею цѣлію было доказать что дѣлаемое теперь іудеями есть беззаконіе и нечестіе, брань и война людей противъ Бога: это и доказано, при помощи Божіей, со всею точностію. Ибо, если бы они и имѣли надежду опять получить свой городъ, возвратиться къ прежнему устройству и видѣть свой храмъ возстановленнымъ, чего впрочемъ никогда не будетъ, то и въ такомъ случаѣ не могли бы ничѣмъ оправдать того, что теперь дѣлаютъ. Вотъ, и три отрока, и Даниилъ, и всѣ другіе, жившіе въ плѣну (вавилонскомъ), надѣялись опять получить свой городъ, чрезъ семьдесятъ лѣтъ увидѣть отечественную землю и жить по прежнимъ законамъ; однако и имѣя ясное и несомнѣнное обѣ-
творенія св. іоанна златоустаго.

тованіе, они, до исполненія этого обѣтованія и до возвращенія (въ Іерусалимѣ), не дерзали сдѣлать что-либо изъ постановленнаго (о праздникахъ), какъ это дѣлають нынѣшніе іудеи. Такъ можешь и ты заградить уста іудею. Въ самомъ дѣлѣ, спроси его: почему ты постишься, не имѣя города? И если онъ скажетъ: потому, что надѣюсь опять получить городъ; скажи ему: такъ оставайся въ покоѣ, пока не получишь; ибо тѣ святые, пока не возвратились въ свое отечество, не осмѣливались дѣлать то, что ты дѣлаешь теперь. Отсюда видно, что ты теперь, если и надѣешься, какъ ты говоришь, опять получить городъ, поступаешь незаконно, нарушаешь заветы съ Богомъ, и оказываешь неуваженіе къ самому учрежденію іудейства. Итакъ, для обузданія наглости іудеевъ и обличенія ихъ въ томъ, что они поступаютъ незаконно, достаточно и сказаннаго вашей любви въ предыдущей бесѣдѣ. Но такъ какъ мы поставили себѣ цѣлю не только, чтобы заградить уста іудеямъ, но и то, чтобы больше научить церковь собственнымъ догматамъ; то вотъ теперь докажемъ подробно и то еще, что и храмъ (іерусалимскій) уже не будетъ возстановленъ, и іудеи не получаютъ опять прежняго устройства. Такимъ образомъ, и вы вѣрнѣ узнаете апостольскіе догматы, и они болѣе будутъ уличены въ нечестіи. А свидѣтелемъ этого представимъ не ангела, не архангела, но самаго Владыку всей вселенной, Господа нашего Іисуса Христа. Бошедши въ Іерусалимъ и увидѣвъ храмъ, Онъ сказалъ, что *Іерусалимъ будетъ попираемъ языки многими, дондеже скончуются времена языкъ многихъ* (Лук. ххі, 24), то есть, время до скончанія міра. Эту же угрозу Онъ произнесъ и о храмѣ, сказавъ ученикамъ, что *не имать остати каменъ на камени на мѣстѣ семъ, иже не разорится* (Матѣ. ххiv, 2); и такимъ образомъ предвозвѣстилъ совершенное разрушеніе и конечное запустѣніе храма. Но іудей, конечно, отвергаетъ это свидѣтельство и не принимаетъ сказаннаго (Іисусомъ Христомъ). Это сказалъ, говорить онъ, мой врагъ; я распялъ его, какъ же приму его свидѣтельство? Это-то и дивно, іудей, что Тотъ, Кого ты распялъ, уже по распятіи своемъ, разрушилъ твой городъ, разсыпалъ твой народъ и разбросалъ по всему лицу земли твое племя; а этимъ и показалъ, что Онъ воскресъ и живъ и теперь на небесахъ. Такъ какъ ты не захотѣлъ познать Его могущество въ благодѣяніяхъ, то Онъ далъ тебѣ понять Свою непобѣдимую и необоримую силу въ карахъ и наказаніяхъ. Но ты и послѣ этого не вѣришь, и не признаешь Его Богомъ и Владыкою всей вселенной, но считаешь обыкновеннымъ человѣкомъ. Но разсуди (о Немъ), даже какъ о (простомъ) человѣкѣ. А какъ мы дѣлаемъ разсмотрѣніе о людяхъ? Когда увидимъ, что извѣстные люди всегда го-

ворять правду, и ни въ чемъ никогда не лгутъ, то хотя бы они были намъ и враги, мы, если только у насъ есть умъ, принимаемъ ихъ слова; напротивъ, какъ увидимъ, что они лгутъ, то, хотя бы они о чемъ-либо сказали и правду, мы не легко принимаемъ слова ихъ.

2. Теперь посмотримъ, каковъ обычай Христа, каковъ нравъ Его. Онъ предсказалъ и предвозвѣстилъ не то одно, но много и другого, чему надлежало совершиться спустя долгое время. Представимъ-же эти пророчества, и, если увидишь, что въ нихъ Онъ говоритъ ложь, не принимай и не считай вѣрнымъ и этого (пророчества о разрушеніи храма); но если увидишь, что Онъ всегда говоритъ правду, что и это пророчество исполнилось, и что неизмѣримое время свидѣтельствуешь объ истинѣ предсказаннаго, то перестань безстыдствовать, не спорь противъ такихъ дѣлъ, которыя—яснѣе солнца. Посмотримъ же, что и еще Онъ предсказалъ. Приступила къ Нему женщина, съ алавастровымъ сосудомъ драгоценнаго мѳра, и возлила (на Него) мѳро. Вознегодовали на это ученики, говоря: *чесо ради мѳро сіе не продано бысть на трехъ стѣхъ пѣнязъ и дано нищимъ* (Іоан. хп, 5). Но (Иисусъ) укорилъ ихъ и сказалъ такъ: *что труждаете жену? дѣло бо добро содѣла. Глаголю вамъ: идѣже же проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всей земли, речется и еже сотвори сія, въ память ея* (Матѳ. ххvi, 7—13). Что же, болгалъ Онъ, или сказалъ правду? Сбылось пророчество, или нѣтъ? Спроси іудея; и, пусть будетъ онъ безмѣрно наглъ, не можетъ однако же спорить противъ этого пророчества. Мы слышимъ, какъ о той женщинѣ читается во всѣхъ церквахъ, и слушателями во всѣхъ городахъ стоятъ консулы, полководцы, мужчины, женщины, благородные, знатные, славные; куда бы ты ни пришелъ, вездѣ найдешь, что всѣ въ глубокомъ молчаніи слушаютъ (повѣствованіе) о поступкѣ той женщины и нѣтъ мѣста во вселенной, въ которомъ бы онъ былъ не извѣстенъ. Сколько было царей, которые оказали много великихъ благодѣяній городамъ, успѣшно воевали, воздвигли себѣ трофеи, спасли народы, построили города, и собрали себѣ безчисленныя сокровища; однако же о нихъ и о дѣлахъ ихъ не говорится ни слова. Много было и царицъ и великихъ женъ, оказавшихъ безчисленныя благодѣянія подчиненнымъ; но и онѣ никому не извѣстны и по имени. А эта бѣдная женщина возлила только мѳро, и прославляется по всей вселенной; столько уже прошло времени, но память о ней не изгладилась, и не изгладится никогда. Между тѣмъ и дѣло ея не важное: ибо что такое возлить мѳро? И личность она не знатная: ибо она была женщина отверженная; и свидѣтелей немного: ибо она сдѣлала это при (однихъ) ученикахъ; и мѣсто не открытое: ибо сдѣлала

это не на зрѣлищѣ, но въ домѣ, гдѣ было только человѣкъ десять. Однако ни незначительность лица, ни малочисленность свидѣтелей, ни безвѣстность мѣста, ни другое что не могло истребить памяти о ней: нѣтъ, эта женщина теперь славнѣе всѣхъ царей и всѣхъ царей, и такое продолжительное время не предало забвенію поступка ея. Отчего, скажи мнѣ? Кто сдѣлалъ это? Не Богъ ли, Которому она тогда послужила, распространилъ этотъ слухъ (о ней) повсюду? Итакъ, скажи мнѣ, человѣческой ли способности свойственно предсказать такое событіе? Какой же умный человѣкъ скажетъ это? Чудно и необычайно, когда (Христосъ) предсказываетъ о чемъ либо такомъ, что самъ Онъ сдѣлаетъ; но гораздо важнѣе и удивительнѣе, когда Онъ предсказываетъ еще и о томъ, чтѣ сдѣлаютъ другіе, и устроиваетъ такъ, что это становится для всѣхъ достовѣрнымъ и очевиднымъ. Опять, Онъ предсказалъ Петру: *на семъ камени зозидую церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ея* (Матѣ. хvi, 18). Чтѣ же, скажи мнѣ, іудей, можешь ты возразить противъ этихъ словъ и доказать, что это пророчество ложно? Но этого не позволить тебѣ свидѣтельство самихъ дѣлъ, какъ бы ты ни усиливался. Сколько браней воздвигалось на церковь! Приготавлились великія полчища, изощрялись оружія, изобрѣтаемы были всѣ виды казней и мученій, сговоры, орудія растрѣлыванія, котлы, печи, ямы, стремнины, зубы звѣрей, моря, ссылки и другія безчисленные истязанія, которыхъ нельзя ни изобразить словомъ, ни перенести на дѣла; и такія истязанія не отъ чужихъ только, но и отъ своихъ. Все объяла тогда какая то междоусобная война, или даже такая, которая свирѣпѣе всякой междоусобной брани; ибо сражались не только граждане съ гражданами, но и родные съ родными, свои съ своими, друзья съ друзьями. Однако же ничто не разрушило церкви, не обезсилило ея; и чтѣ особенно дивно и необычайно, все это происходило въ первое время (существованія церкви). Еслибы эти бѣдствія постигли ее тогда, когда проповѣдь была уже насаждена и укоренена во всей вселенной, не такъ было бы дивно то, что церковь не разрушилась. Но если столько браней возгорѣлось въ самомъ началѣ (христіанскаго) ученія, когда сѣмя вѣры только что было брошено, и умы слушателей были еще очень слабы, а между тѣмъ наши дѣла не только не потерпѣли никакого ущерба, но еще болѣе усилились: это уже выше всякаго чуда. Чтобы ты не говорилъ, будто теперь церковь стоитъ твердо по причинѣ мира съ царями, Богъ попустилъ ей терпѣть гоненіе тогда, когда она была меньше и казалась слабѣе, дабы ты убѣдился изъ этого, что и нынѣшняя твердость ея зависитъ не отъ мира съ царями, но отъ силы Божіей.

3. А что это правда, подумай, сколь многіе хотѣли ввести между еллинами (новое) ученіе, и установить новый образъ жизни, какъ-то: Зенонъ, Платонъ, Сократъ, Діагоръ, Пиеагоръ, и весьма многіе другіе; однако они такъ мало имѣли успѣха, что неизвѣстны народу даже по имени. А Христосъ не только предписалъ (новый) образъ жизни, но и насадилъ его во всей вселенной. Сколько говорятъ о дѣлахъ Аполлонія Тіанскаго? Но дабы ты зналъ, что все ложь и вымысль, и нѣтъ тутъ ничего истиннаго, (дѣло Аполлонія) рушилось и покончилось. Пусть никто не считаетъ оскорбленіемъ для Христа, что, говоря о Немъ, мы упомянули о Пиеагорѣ и Платонѣ, Зенонѣ и (Аполлоніѣ) Тіанскомъ; это мы дѣлаемъ не по своему произволу, но снисходя къ немощи іудеевъ, почитающихъ (Христа) простымъ человѣкомъ. Такъ поступилъ и Павелъ: пришедши въ Аѳины, онъ говорилъ аѳинянамъ не изъ пророковъ и не изъ евангелій, но началъ увѣщаніе съ жертвенника; не потому, чтобы считалъ жертвенникъ болѣе достойнымъ вѣроятія, нежели Евангеліе, и не потому, чтобы сдѣланная на томъ жертвенникѣ надпись была важнѣе писаній пророческихъ, но потому, что онъ говорилъ съ язычниками, которые не вѣровали ничему нашему; такъ онъ уловилъ ихъ ихъ же ученіемъ (Дѣян. хvii, 23). Вотъ почему, говоритъ онъ, *быхъ іудеемъ, яко іудей, беззаконнымъ, яко беззаконенъ, не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу* (1 Кор. ix, 20—21). Такъ поступаетъ и Ветхій Завѣтъ, когда, бесѣдуя о Богѣ къ іудеямъ, говоритъ: *кто подобенъ Тебѣ въ божьхъ, Господи* (Исх. xv, 11)? Что говоришь, Моисей? Можетъ ли быть какое сравненіе между Богомъ истиннымъ и ложными богами? Я сказалъ это, говоритъ онъ, не потому, чтобы дѣлалъ сравненіе, а потому, что бесѣдную съ іудеями, которые имѣютъ высокое понятіе о демонахъ; снисходя къ ихъ немощи, употребилъ я такой образъ ученія. Такъ какъ и у насъ рѣчь къ іудеямъ, которые Христа считаютъ простымъ человѣкомъ, и притомъ нарушителемъ закона, то посему мы и привели въ примѣръ тѣхъ, которые особенно уважаются еллинами. Если же хотите (видѣть примѣры) и такихъ людей, которые между самими іудеями покушались на то же, собирали себѣ учениковъ, провозглашали себя начальниками и предводителями, и—тотчасъ исчезли: представимъ и такіе примѣры. Такъ заградилъ (іудеямъ) уста и Гамалиилъ. Когда увидѣлъ онъ, что іудеи бѣснуются и жаждутъ пролить кровь учениковъ (Христовыхъ); то, чтобы обуздать ихъ неукротимую ярость, онъ, приказавъ *онъ мало что, апостоламъ уступить*, такъ говорилъ къ нимъ: *внимайте себѣ о чловѣчьхъ сихъ, что хотите сотворити. Предъ сими бо днми воста Февда, глаголя быти велика нѣкоего себе, и прильпихся къ нему мужей чтыреста: иже убіенъ*

бысть, и вси, елици повинущася ему, разыдошася. Посемъ воста Иуда Галилеанинъ, и отвлече люди доволны: и той погибе, и ученики его погибли. И нынѣ глаголю вамъ: внимайте себѣ, яко, аще будетъ отъ чловѣкъ дѣло сіе, разорится: аще ли же отъ Бога есть, не можете разорити то, да не како и богоборцы обрящетесь (Дѣян. γ, 35—38). Откуда же можемъ видѣть, что, если дѣло отъ чловѣкъ, то разорится? Имѣете, говоритъ, примѣръ въ Іудѣ и Ѳевдѣ. Такъ, если и этотъ (Христосъ), проповѣдуемый сими (апостолами), таковъ же, какъ и тѣ (Иуда и Ѳевда); если и здѣсь все дѣлается не божественною силою; то потерпите немного, и самый исходъ дѣла увѣрить васъ, по концу увидите ясно, обманщикъ ли онъ (Христосъ) и беззаконникъ, какъ говорите вы, или Богъ, вся содержащій и неизреченною силою устрояющій нашъ дѣла. Такъ и было; подождали они, и божественная и необоримая сила открылась въ самыхъ дѣлахъ; а та хитрость, выдуманная для обольщенія людей, обратилась на главу діавола. Когда діаволъ увидѣлъ, что Христосъ пришелъ, то, стараясь затмить Его пришествіе и истинное домостроительство, выслалъ нѣсколько обманщиковъ, о которыхъ мы выше сказали, съ тѣмъ, чтобы и Христа относили къ числу ихъ. Что онъ сдѣлалъ по отношенію къ кресту, подготовивъ двухъ разбойниковъ къ распятію со Христомъ, то же сдѣлалъ и по отношенію къ Его пришествію,—силился примѣсю лжи помрачить истину: однако же нисколько не успѣлъ ни тамъ, ни здѣсь, напротивъ, это самое особенно и показало силу Христову. Почему, скажи мнѣ, изъ трехъ распятыхъ въ одномъ жъ томъ же мѣстѣ, въ одно и тоже время, и по опредѣленію однихъ и тѣхъ же судей, о тѣхъ (двухъ разбойникахъ) всѣ молчатъ, а одному (Христу) поклоняются? Отчего опять, хотя многіе старались ввести новый образъ жизни и имѣть учениковъ, они неизвѣстны доселѣ и по имени, а этому служатъ по всей вселенной? Дѣла объясняются особенно чрезъ сравненіе. Сравни же, іудей, и познай превосходство истины. Какой обманщикъ устроилъ себѣ столько церквей по всей вселенной, распространилъ свою религію отъ концовъ до концовъ земли, всѣхъ подчинилъ себѣ, и притомъ не смотря на безчисленное множество препятствій? Нѣтъ ни одного такого. Итакъ явно, что Христосъ не обманщикъ, но Спаситель, Благодѣтель, Промыслитель и Начальникъ жизни нашей. Приведу еще одно пророчество (Христово), и затѣмъ возвращусь къ своему предмету. *Не придохъ*, сказалъ Христосъ, *вовреци миръ на землю, но мечъ* (Матѣ. х, 34), разумѣя не то, чтобы Онъ хотѣлъ этого, но то, что таковъ будетъ исходъ самыхъ событій. *Придохъ бо*, говоритъ, *Онъ разлучити чловѣка: на отца своего, и невьстку на свекровь свою, и дщерь на мать свою* (ст. 35). Какъ бы Онъ могъ предсказать

это, скажи мнѣ, еслибы былъ простой, обыкновенный человѣкъ? Слова Его имѣють такой смыслъ: такъ какъ случалось, что въ одномъ домѣ былъ одинъ вѣрный, а другой невѣрный, и отецъ увлекалъ своего сына къ нечестію, то, предсказывая это, Христосъ говоритъ: сила проповѣди будетъ имѣть такую власть, что дѣти презрять отцовъ, и дочери—матерей, и родители—дѣтей; вѣрные рѣшатся не только оставить родныхъ, но и отдать свою душу, потерпѣть и перенести все, только бы не отречься отъ благочестія. Какъ могъ Онъ и узнать и устроить это, если бы былъ обыкновенный человѣкъ? Откуда пришло Ему на мысль, что Онъ будетъ и для дѣтей почтеннѣе родителей, и для родителей пріятнѣе дѣтей, и для женъ любезнѣе мужей? И это не въ одномъ домѣ, не въ двухъ, или трехъ, не въ десяти, или двадцати, или въ сотнѣ, но во всей вселенной, во всѣхъ городахъ и странахъ, на сушѣ и на морѣ, въ мѣстахъ обитаемыхъ и необитаемыхъ. Нельзя сказать и того, что Онъ только сказалъ это, но не привелъ въ исполненіе. Ибо въ началѣ и въ первыя времена (церкви) было много такихъ, да и теперь еще есть такіе, которыхъ ненавидятъ за благочестіе, изгоняють изъ отеческихъ домовъ; однако же они не обращаютъ на это вниманія, находя себѣ достаточное утѣшеніе въ томъ, что терпятъ это за Христа. Какой человѣкъ могъ когда сдѣлать это, скажи мнѣ? Итакъ Христосъ, предсказавшій все это,—и о той женѣ, и о церкви, и объ этой борьбѣ,—предсказалъ также и то, что храмъ разрушится, Іерусалимъ будетъ взятъ, и городъ этотъ не будетъ болѣе городомъ іудеевъ, какъ прежде. Если Онъ въ томъ солгалъ, если тѣ пророчества не исполнились, не вѣрь и этому; но если видишь, что тѣ блистательно исполнились, и съ каждымъ днемъ получаютъ новую силу,—что врата адовы не одолѣли церкви, о поступкѣ жены чрезъ столько времени проповѣдуется во всей вселенной, и люди, увѣровавшіе въ Него, предпочли Его и родителямъ, и женамъ, и дѣтямъ своимъ, то для чего, скажи мнѣ, не вѣришь одному этому пророчеству, особенно когда свидѣтельство времени заграждаетъ уста твоей наглости? Когда бы послѣ взятія (Іерусалима) прошло какихъ нибудь десять, или двадцать, или тридцать, или пятьдесятъ лѣтъ; то и тогда не слѣдовало бы упорствовать, хотя охотникамъ спорить и оставался бы еще нѣкоторый предлогъ къ этому. Но вотъ, не пятьдесятъ, но сто, дважды и трижды столько, и даже гораздо болѣе лѣтъ прошло послѣ разрушенія (Іерусалима), а доселѣ не видно ни слѣда, ни тѣни ожидаемой вами переменъ: для чего же упорствуешь напрасно и безъ всякаго основанія?

4. Достаточно бы и сказаннаго нами для доказательства, что 889
(іерусалимскій) храмъ никогда не возстановится. Но какъ у истины

весьма обильны средства, то, оставя Евангеліе, обращусь къ про-
рокамъ, которымъ іудеи, повидимому, особенно вѣрятъ, и изъ нихъ
докажу, что іудеи никогда не получаютъ ни храма, ни города. Для
меня собственно и не было никакой нужды доказывать, что (храмъ)
не возстановится, и не мое, а ихъ было бы дѣло доказать про-
тивное, т. е. что будетъ возстановленъ. У меня въ самомъ времени
имѣется доказательство, которое свидѣтельствуешь и стоишь за меня;
но они, которыхъ опровергаютъ самыя событія и которые не въ
состояніи подтвердить слова свои дѣлами, а только хвастаются по-
пусту и безъ основанія, они-то именно и должны представить это
свидѣтельство. То, что я говорю, подтверждается самими дѣлами:
и то, на примѣръ, что городъ палъ, и то, что онъ не возстановленъ
чрезъ столько времени; а что они говорятъ, все то заключается
въ пустыхъ словахъ. Имъ слѣдовало бы доказать, что городъ снова
будетъ возстановленъ: и въ судебныхъ мѣстахъ, какъ видимъ, до-
казательства производятся такимъ же образомъ. Когда люди спо-
рятъ между собою о чемъ-либо, и одинъ изъ нихъ представляетъ
письменные доказательства словъ своихъ, а другой отвергаетъ по-
казанія (соперника), то этотъ именно и долженъ уже представить
свидѣтелей и другія опроверженія на то, что дѣло не такъ было,
какъ гласятъ письменныя показанія (противника), а не тотъ, кто,
представляетъ эти показанія. Такъ надлежало бы сдѣлать теперь
и іудеямъ, представить намъ пророка, который бы говорилъ, что
городъ ихъ непременно будетъ возстановленъ; потому что, если бы
настоящему ихъ плѣненію надлежало окончиться, пророки непре-
мѣнно предсказали бы объ этомъ. Это очевидно для всякаго, кто
хотя сколько нибудь вникалъ въ книги пророческія. У іудеевъ
издревле пророки обыкновенно заранѣе предсказывали обо всемъ,
чему только надлежало случиться съ ними хорошаго, или ху-
дого. Для чего это, и почему? По великому вѣроломству и без-
стыдству (іудеевъ). Они постоянно забывали о Богѣ, оказывавшемъ
имъ благодѣянія, а всѣ событія приписывали демонамъ, и ихъ счи-
тали виновниками добра. Такъ, по выходѣ изъ Египта, когда раз-
дѣлилось море и совершались другія чудеса, они, забывъ Бога,
сотворившаго эти чудеса, приписали ихъ тѣмъ, которые не суть
боги, и говорятъ Аарону: *сотвори намъ боги, иже пойдутъ предъ
нами* (Исх. xxxii, 1). А къ Іереміи являются съ такими словами:
*слово, еже глаголахъ еси къ намъ во имя Господне, не послушаемъ
тебе, яко творяще сотворимъ всякое слово, еже изыдетъ изъ устъ
нашихъ, кадити царицѣ небеснѣй, и возливати ей возліянія, якоже
сотворихомъ мы, и отцы наши, и цари наши, и князи наши: и
насытихомся хлѣбовъ, и благо намъ бысть, и зла не видѣхомъ.
И егда престахомъ кадити царицѣ небеснѣй и возливати возлія-*

нія, оскудѣхомъ хлѣбы вси мы, и мечемъ и голодомъ скончахомся (Іер. xlv, 16—18). Итакъ, чтобы іудеи ни одного событія не приписывали идоламъ, но вѣрили, что и наказанія и благодѣянія всегда насылаются на нихъ отъ Бога,—тѣ за ихъ грѣхи, а эти по чело-
вѣколюбію (Божію), пророки заранѣе предсказывали имъ о буду-
щемъ. А дабы тебѣ убѣдиться, что это было причиной предсказанія, 890
послушай, что говоритъ велегласнѣйшій Исаія къ народу іудей-
скому: *вѣмъ, яко жестокъ еси, и жилища желѣзна, т. е. непре-*
клонна, вѣя твоя, и чело твое мѣдяно т. е. безстыдно (Иса. xlviii,
4). Такъ и мы часто имѣемъ обыкновеніе безстыдныхъ людей
называть мѣднолобыми. *И возвѣстихъ ти*, говоритъ пророкъ, *яже*
имуть прійти на тя, прежде неже быти имъ, и слышана тебѣ со-
творишъ (ст. 5). Потомъ, изъясняя причину предсказанія, прибавилъ:
да не когда речеши, яко идоли мнѣ сія сотвориша, и изваянная
и слянная заповѣдаша мнѣ. Притомъ, такъ какъ были люди,
которые по своему упорству и лживости, даже послѣ самаго ис-
полненія (пророчествъ) нагло противорѣчили, какъ будто бы и не
слышали (предсказанія); то пророки не только предсказывали о
будущемъ, но еще брали на это свидѣтелей. Такъ тотъ же Исаія
говоритъ: *и свидѣтели мнѣ сотвори вѣрны человеки, Урію іерея*
и Захарію сына Варакіина (Иса. viii, 2). Мало этого; (Исаія)
записать еще свое пророчество въ новую книгу, чтобы, по испол-
неніи его, самыя письмена свидѣтельствовали противъ іудеевъ,
что это напередъ и задолго предсказано имъ. Поэтому пророкъ и
пишетъ, не просто въ книгѣ, но въ новой книгѣ, когорая могла
бы сохраниться долго, не такъ легко бы повредилась, но осталась
бы цѣлою до исполненія того, что въ ней написано. И что это
правда, что Богъ предсказывалъ іудеямъ обо всемъ будущемъ,
докажу не только отсюда, но и изъ самыхъ событій іудейскихъ,
какъ бѣдственныхъ, такъ и счастливыхъ.

5. Три рабства, самыя тяжкія, испытали іудеи, и ни одного
Богъ не навелъ на нихъ безъ предсказанія, напротивъ о всѣхъ
предвозвѣстилъ имъ, предсказавъ съ точностію и мѣсто, и время,
и лице, и видъ бѣдствія, и избавленіе отъ него, и все прочее.
Прежде всего скажу о египетскомъ рабствѣ.—Бесѣдуя съ Авра-
амомъ, (Господь) такъ говоритъ: *вѣдыйъ утѣси, яко пресельно бу-*
детъ сѣмя твое въ земли не своей: и поработятъ я, и озлобятъ
я лѣтъъ четьрихъстѣхъ. Языку же, емуже поработятъ, сужду Агъ,
сказалъ Богъ: *въ четвертомъ же родѣ возвратятся сѣмь со имъ-*
ніемъ многымъ (Быт. xv, 13, 14, 16). Видишь, какъ Богъ ска-
залъ и о числѣ лѣтъ — *четьрихъста лѣтъъ*, и о качествѣ рабства,
потому что не просто *поработятъ*, но *и озлобятъ*. Послушай же,
какъ впослѣдствіи Моисей повѣствуетъ объ этомъ озлобленіи:

плевъ не дають работъ твоимъ, и плинны намъ иаголютъ творити (Исх. v, 16). Притомъ, каждый день бичевали ихъ. Вотъ что значить: *поработятъ и озлобятъ. Языку же, емуже поработаютъ, сужду Азъ* (говорить Богъ), и этимъ указываетъ на потопленіе египтянъ въ Чермномъ морѣ. А Моисей, описывая это въ пѣсняхъ, такъ говоритъ: *коня и всадника вверже въ море* (Исх. xv, 1). Потомъ сказано и объ образѣ возвращенія (іудеевъ изъ Египта),—что они возвратятся съ множествомъ сосудовъ: *да испроситъ кійждо отъ сосѣды и подруги своєю сосуды сребряны и златы* (Исх. iii, 22). Такъ какъ іудеи проработали долго и не получили платы, то Богъ заставилъ египтянъ и заплатить имъ. И восклицаетъ пророкъ: *и изведе я сребромъ и златомъ, и не бѣ въ колѣнахъ ихъ болей* (Пс. civ, 37). Такъ вотъ одно рабство предсказано со всею подробностію! Теперь обратимъ рѣчь и къ другому. Къ какому же? Къ вавилонскому. И о немъ съ точностію предсказалъ Іеремія, говоря: *яко тако рече Господь: егда исполнятся въ Вавилонѣ седмдесятъ лѣтъ, посещу васъ, и уставлю словеса моя на васъ добра, еже возвратити на мѣсто сіе. И обращу плъкъ вашъ, и соберу васъ отъ всѣхъ языкъ и отъ всѣхъ странъ, въ няже изгнахъ васъ, иаголетъ Господь: и возвращу васъ на мѣсто, откуду превести васъ повелѣхъ* (Іер. xxi, 10. 14). Видишь, какъ Богъ и здѣсь опять указалъ и городъ, и число лѣтъ, и то, откуда хотѣлъ собрать ихъ, и куда собрать? Поэтому Даніилъ не прежде сталъ и молиться за нихъ, какъ когда увидѣлъ, что семьдесятъ лѣтъ уже исполнилось. Кто же объ этомъ говоритъ? Самъ Даніилъ такъ: *азъ, Даніилъ, творяхъ дѣла царева, и почудихся видѣнію, и не бѣше разумѣвающаго* (Дан. viii, 27). *И разумѣхъ въ книгахъ число лѣтъ, какъ бысть слово Господне ко Іереміи пророку, на скончаніе опустынія Іерусалимля седмдесятъ лѣтъ. И дахъ лице мое ко Господу Богу, еже взыскати молитвы и прошенія въ постѣ и во вретници и пепелѣ* (ix, 2, 3). Слышалъ ты, какъ и это рабство предсказано, и какъ пророкъ не осмѣлился, ранѣе опредѣленнаго времени, вознести молитву и прошеніе къ Богу, чтобы не молиться напрасно и безъ пользы, чтобы не услышать того же, чтд услышалъ Іеремія: *не молися о людехъ сихъ, и не проси о нихъ, яко не услышу тебе* (Іер. vii, 16)? Но когда (Даніилъ) увидѣлъ, что (Божіе) опредѣленіе исполнилось, и уже наступило время возвращенія (изъ плѣна); тогда начинается молиться, и не просто, но *въ постѣ и во вретници и въ пепелѣ*. По отношенію къ Богу онъ поступилъ такъ, какъ обыкновенно бываетъ между людьми. И мы, когда увидимъ, что какіе-нибудь (господа), за большіе и частые проступки, посадили своихъ слугъ въ тюрьму, не сейчасъ, не сразу, не въ самомъ началѣ наказанія

просимъ (за виновныхъ), но, давъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ дней образумиться, потомъ уже приступаемъ къ господамъ съ просьбою, имѣя подмогу себѣ и въ самомъ времени. Такъ поступилъ и пророкъ: когда іудеи потерпѣли уже наказаніе, хотя и не соразмѣрное съ ихъ преступленіями, но потерпѣли вполне, тогда онъ и приходитъ къ Богу помолиться за нихъ. Если хотите, слушаемъ и самую молитву. *Исповѣдався*, говоритъ пророкъ, *и рѣхъ: Господи, Боже великій и чудный, храняй заветъ Твой и милость Твою любящимъ Тя, и хранящимъ заповѣди Твоя* (Дан. ix, 4). Что дѣлаешь ты, Даніилъ? Ходатайствуя за людей, согрѣшившихъ и оскорбившихъ (Бога), упоминаешь о тѣхъ, которые хранятъ Его законы? Ужели заслуживаютъ прощенія преступающіе заповѣди Его? Не ради этихъ говорю это, отвѣчаетъ пророкъ, но ради древнихъ праотцевъ, ради Авраама, ради Исаака, ради Іакова. Имъ, говоритъ, Богъ обѣщалъ (милость Свою), имъ, которые сохранили заповѣди Его. Такъ какъ эти (потомки) не имѣютъ никакого права на спасеніе, поэтому я и упомянулъ о предкахъ. И дабы ты не подумалъ, что пророкъ это говоритъ объ этихъ (потомкахъ), онъ, послѣ словъ: *храняй заветъ Твой и милость Твою любящимъ Тя и хранящимъ заповѣди Твоя*, тотчасъ присовокупилъ: *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ, отступихомъ, уклонихомся отъ заповѣдей Твоихъ и отъ судовъ Твоихъ, и не послушахомъ рабъ Твоихъ пророковъ* (Дан. ix, 5—6). Грѣшникамъ, послѣ грѣховъ, остается одно оправданіе,—исповѣданіе своихъ грѣховъ. А ты обрати здѣсь вниманіе и на добродѣтель праведника, и на нечестіе іудеевъ. Тотъ, не зная за собою ничего худого, весьма строго осуждаетъ себя, говоря: *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ*; а эти, виновные въ безчисленныхъ грѣхахъ, поступали напротивъ, говоря: *сохранихомъ храненія его: и нынѣ мы блажимъ чуждыхъ, и созидаются вси творящіи беззаконная* (Малах. iii, 14, 15). Ибо, какъ праведнымъ обычно смиряться и послѣ добрыхъ дѣлъ, такъ злымъ—тщеславиться послѣ грѣховъ. Ничего не знавшій за собою говорилъ: *нечествовахомъ и уклонихомся отъ заповѣдей Твоихъ*; а тѣ, у которыхъ было на совѣсти безчисленное множество грѣховъ, говорили: *сохранихомъ заповѣди Твоя!* Это говорю для того, чтобы мы этого (тщеславія) избѣгали, а тому (смиренію) подражали.

6. Обличивъ беззаконіе іудеевъ, пророкъ говоритъ затѣмъ и о наказаніи, которое они потерпѣли, стараясь и этимъ преклонить Бога на милость: *и пріиде на ны*, говоритъ, *клятва, описанная въ законъ Моисея раба Божія, яко согрѣшихомъ* (Дан. ix, 11). Какаѣ это клятвы? Хотите, прочтемъ ее? *Аще не послужите*, говоритъ Моисей, *Господу Богу вашему, и наведетъ Господь на васъ*

языкъ безстуденъ, егже не услышиши гласа..., и останетея въ числѣ маломъ (Втор. ххviii, 15, 49, 50, 62). На это самое указывали и три отрока; и они, показывая, что такое наказаніе постигло ихъ за ихъ дѣла, и исповѣдуясь предъ Богомъ въ общихъ грѣхахъ (народа), говорили: *предалъ еси насъ въ руки враговъ беззаконныхъ, мерзкихъ отступниковъ, и царю неправедну и лукавнѣйшу паче вся земли* (Дан. iii, 32). Видишь, какъ исполнилась та клятва, гласившая: *останетея въ числѣ маломъ*; и еще: *наведу на вы языкъ безстуденъ*. На это же самое указываетъ Даніилъ и здѣсь, говоря: *и приидоша на ны злая, яковѣхъ не бысть подъ вѣсѣмъ небесемъ, по бывшимъ во израили* (ix, 12). Какое же это зло? Матери ѣли своихъ дѣтей. Моисей предсказываетъ объ этомъ, а Іеремія говоритъ, какъ уже о случившемся. Тотъ говоритъ, что юная въ васъ и млада зѣло, еяже не обыче нога ея ходити по земли юности ради и младости, приступитъ къ нечестивой трапезѣ и снѣсть своя чада (Втор. ххviii, 56, 57). А Іеремія, показывая, что это случилось, говорилъ: *руцѣ женъ милосердыхъ свариха дѣти своя* (Плач. iv, 10). Но и сказавъ о грѣхахъ, которые іудеи сдѣлали, и представивъ наказаніе, которое они потерпѣли, (Даніилъ) еще не считаетъ ихъ поэтому достойными помилованія. Смотри, какой это добросовѣстный рабъ! Показавъ, что іудеи еще не потерпѣли столько, сколько заслужили грѣхами, и своими страданіями не загладили беззаконій, онъ прибѣгаетъ наконецъ къ благоутробію и человеколюбію Божію, говоря: *и нынѣ, Господи Боже нашъ, иже извелъ еси люди твоя отъ земли египетскія, и сотворилъ еси себѣ самому имя, якоже день сей, согрѣшихомъ, беззаконновахомъ* (Дан. ix, 15). Какъ ихъ Ты спасъ не за добрыя дѣла ихъ, но потому, что увидѣлъ (ихъ) скорбь и тѣсноту, и услышалъ вопль ихъ, такъ и насъ освободи отъ настоящихъ бѣдъ по единому Твоему человеколюбію; другого права на спасеніе нѣтъ у насъ. Сказавъ это, и поплакавъ довольно, Даніилъ представляетъ наконецъ городъ, какъ нѣкую плѣнную жену, и говоритъ: *яви лице Твое на святилище Твое, приклони ухо Твое, Боже мой, и услыши, отверзи очи Твои, и виждь потребленіе наше, и града Твоего, въ немже призвася имя Твое на нею* (Дан. ix, 17, 18). Такъ какъ, пересмотрѣвъ людей, онъ не увидѣлъ между ними ни одного, который бы могъ умиливать Бога; то обращается къ зданіямъ, выставляетъ на видъ самый городъ, указываетъ на его запустѣніе, и заключивъ этимъ слово (молитвы), умилилъ Бога, какъ это видно изъ послѣдующаго. Но о чемъ говорилъ я? Нужно опять возвратиться къ самому предмету слова; впрочемъ и это ввелъ я не напрасно и не безъ намѣренія, но чтобы дать нѣсколько отдохнуть вашему

уму, утомленному безпрестанными преніями. Итакъ возвратимся къ тому, съ чего началось это отступленіе, и покажемъ, что имѣвшія постигнуть іудеевъ бѣдствія заранѣе были предсказаны со всею точностію. Разсужденіе о двухъ рабствахъ доказало, что они постигли іудеевъ послѣ пророчествъ, а не внезапно и неожиданно. Остается, наконецъ, представить и третье рабство, а потомъ уже сказать и о настоящемъ, въ которомъ они находятся теперь, и ясно показать, какъ ни одинъ пророкъ не обѣщалъ, что они получатъ избавленіе и освобожденіе отъ нынѣшнихъ своихъ бѣдствій. Какое же третье рабство? То, которое было при Антиохѣ Епифанѣ. Когда Александръ, царь македонскій, низвергнувъ Дарія, царя персидскаго, и подчинивъ себѣ владѣнія его, умеръ, ему преемствовали четыре царя. Отъ одного изъ нихъ произошелъ, спустя много времени, Антиохъ: онъ-то сожегъ храмъ, опустошилъ святое святыхъ, истребилъ жертвы, поработилъ іудеевъ и ниспровергъ все общественное ихъ устройство.

7. И все это, со всею точностію, даже до одинаго дня, предсказано Даніиломъ,—предсказано, и когда будетъ, и какъ, и отъ кого, и какимъ образомъ, и гдѣ кончится, и на что перемѣнится. Но вы яснѣе увидите это, когда выслушаете о самомъ видѣніи, которое пророкъ изложилъ намъ въ притчѣ, назвавъ персидскаго царя Дарія овномъ, греческаго царя, т. е. Александра Македонскаго, козломъ, возставшихъ послѣ него царей четырьмя рогами, а самого Антиоха послѣднимъ рогомъ. Впрочемъ, лучше выслушать самое видѣніе. *Видѣхъ въ видѣніи*, говоритъ пророкъ, *и бѣхъ на увалѣ* (такъ онъ называетъ на персидскомъ языкѣ одно мѣсто): *и воздвигохъ очи мои и видѣхъ: и се овенъ единъ стоя предъ уваломъ, емуже роги, роги же высоки: единъ же вышше другаго и вышній восходяще послѣди. И видѣхъ овна, бодуща на море, и на стверзъ, и югъ, и вси звѣріе не стануть предъ нимъ, и не бѣ избавляюща изъ руки его, и сотвори по воли своей и возвеличился; азъ же бѣхъ размышляя* (Дан. viii, 2—5). Это онъ говоритъ о персидскомъ могуществѣ и господствѣ, которое простиралось на всю землю. Потомъ, разсказывая объ Александрѣ Македонскомъ, говоритъ: *и се козель стъ козъ идяще отъ Лива* (отъ запада) *на лице* 894. *всѣя земли: и не бѣ прикасаяся земли: и козлу тому рогъ видѣмъ между очима его* (ст. 5). Далѣе говоритъ о нападеніи Александра на Дарія и о рѣшительной побѣдѣ его надъ нимъ: *и прииде козель до овна, имущаго рога, и разсвирѣпъ и порази овна*,—можно сократить разсказъ,—*и сокруши оба рога его, и не бѣ избавляя овна отъ руки его* (ст. 6, 7). Затѣмъ, упомянувъ о смерти Александра, говоритъ о появленіи послѣ него четырехъ царей: *и внигда укрѣпился, сокрушися рогъ его великій: и възидоша друзии четыре рози*.

подъ нимъ, по четыремъ вѣтромъ небеснымъ (ст. 8). Наконецъ, отшелъ перешедши къ царствованію Антіоха, и показывая, что этотъ Антіохъ произошелъ отъ одного изъ тѣхъ четырехъ царей, такъ говорить: *и отъ единого ихъ взыде рогъ единъ крѣпкоу, и возвеличися вельми къ югу и востоку* (ст. 9). Далѣе показываетъ, что Антіохъ разрушилъ іудейское царство, говоря: *и его ради жертва ѣмается грѣхомъ, и благопопшися ему, и святое опустѣетъ, и дадеся на жертву грѣхъ*. Дѣйствительно, по ниспроверженіи алтаря и поцраніи святыни, Антіохъ поставилъ внутри храма идола, и закалалъ незаконныя жертвы демонамъ. *И повержесе правда на землю: и сотвори, и благопопшися* (ст. 11, 12). Потомъ, говоря въ другой разъ объ этомъ самомъ царствованіи Антіоха, о плѣненіи и взятіи (Іерусалима) и опустошеніи храма, пророкъ опредѣляетъ и самое время. Именно, начавъ съ царствованія Александра и къ концу книги рассказавъ обо всемъ, что случилось въ теченіе этого времени, что сдѣлали, во взаимной борьбѣ, Птолемеи и Селевкиды и ихъ полководцы, о козняхъ и побѣдахъ, о походахъ и войнахъ на морѣ и на сушѣ, и дошедши до Антіоха, пророкъ оканчиваетъ этотъ рассказъ такъ: *и мѣщцы отъ него возстанутъ и осквернятъ святыню и преставятъ всегдашнее* (хл, 31), разумѣя подъ всегдашнимъ постоянныя ежедневныя жертвоприношенія; *и дадутъ мерзость запустѣнія, и незаконнующи завѣтъ, то есть іудеевъ, нарушающихъ законъ, наведутъ съ прелестію, возьмутъ съ собою и преселятъ; людѣ же вѣдуще Бога своего преумогутъ, разумѣя здѣсь подвиги Маккавеевъ, совершенные Іудею, Симономъ и Іоанномъ. И смыслившіи людѣ уразумеютъ много, и изнемогутъ въ мечи, и въ пламени,—это говорится опять о сожженіи города,—и въ плѣненіи, и въ разграбленіи дней. И егда изнемогутъ, поможется имъ помощію малою: этими словами пророкъ даетъ разумѣть, что среди самыхъ тѣхъ бѣдствій (іудей) получаютъ возможность отдохнуть и освободиться отъ постигшихъ ихъ золъ. И приложатся къ нимъ мнози съ прелестію и отъ смыслившихъ изнемогутъ: этими словами пророкъ показываетъ, что многіе изъ стоявшихъ падутъ. Потомъ высказываетъ и причину, по которой Богъ попустилъ іудеямъ впасть въ такія бѣдствія. Какая же это причина? *Еже разжеши я*, говоритъ, *и избрати, и еже открыти даже до конца времени*. То есть, Богъ для того попустилъ это, чтобы очистить ихъ и показать вѣрныхъ между ними. Затѣмъ, рассказывая о могуществѣ того же самаго царя (Антіоха), пророкъ говорить: *и сотворитъ по воли своей, и возвысится и возвеличится*. А указывая на богохульные замыслы его, пророкъ прибавляетъ, что онъ на Бога боговъ возлагаетъ тяжкая, и управитъ, дондеже скончатъ иныя, и этимъ*

даетъ разумѣть, что Антіохъ такъ усилился не по собственной волѣ, но по гнѣву Божію на іудеевъ. Наконецъ, еще съ большею подробностію сказавъ о томъ, сколько зла причинить (Антіохъ) Египту и Палестинѣ, какъ возвратится, и по чьему зову, и по какой побудительной причинѣ, Даніилъ говоритъ и о перемѣнѣ обстоятельствъ,—о томъ, что іудеи, переживъ все это, получаютъ помощь, именно къ нимъ на помощь посланъ будетъ ангелъ: *и во время оно, встанетъ Михаилъ, князь великій, стояй о сыновъхъ людей твоихъ: и будетъ время скорби, скорбь, якова не бысть, отънелъже создася языкъ на земли, даже до времени онаго: и въ то время спасутся люди твои вси, обрѣтшіися вписани въ книзѣ* (XXII, 1), т. е. достойные спасенія.

8. Однако же вопросъ нашъ доселѣ еще не рѣшенъ. Въ чемъ же онъ состоитъ? Въ томъ, что Богъ опредѣлилъ, сколько іудеямъ провести времени и въ этомъ рабствѣ, подобно какъ въ первомъ четириста, а во второмъ семьдесятъ лѣтъ. И такъ посмотримъ, не назначается ли и здѣсь какое нибудь время. Но гдѣ можно найти это? Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи (пророка Даніила). Когда онъ услышалъ о многихъ и тяжкихъ бѣдствіяхъ, о сожженіи (Іерусалима), низпроверженіи государства (іудейскаго), плѣненіи своихъ единоплеменниковъ, то захотѣлъ наконецъ узнать, будетъ ли конецъ этимъ бѣдствіямъ. И сказалъ онъ, вопрошая объ этомъ: *Господи, что послѣдняя сихъ? И рече: гряди Даніиле, яко зазраждена словеса и запечатана* (указывая этимъ на неясность словъ) *даже до конца времени. Потомъ открываетъ причину попущенія бѣдствій: доколь не избрани будутъ, и не убѣлятся, и огнемъ искусятъ мнози: и собезаконнютъ беззаконницы, и не уразумѣютъ вси нечестивіи, но умніи уразумѣютъ* (Дан. XII, 9, 10). Затѣмъ, предсказывая и самое время, въ продолженіе котораго будутъ тяготѣть надъ ними эти бѣдствія, говоритъ: *отъ времени премѣненія жертвы всегдашняго*. Всегдашнюю называлась ежедневная жертва потому, что была постоянная и непрерывная. У іудеевъ былъ обычай приносить жертву Богу вечеромъ и утромъ *каждаго дня*: отчего и жертву ту пророкъ назвалъ всегдашнею. И такъ какъ Антіохъ, пришедши, уничтожилъ этотъ обычай и прекратилъ его, то ангелъ и говорилъ, что *отъ времени премѣненія всегдашней жертвы*, т. е. со времени прекращенія этой жертвы, *дней тысяща двѣсти девяťдесять*, то есть, три года съ половиною, и нѣсколько болѣе. Потомъ, открывая, что будетъ конецъ и прекращеніе этимъ бѣдствіямъ, онъ присовокупилъ: *блаженъ терпѣй и достигнувый до дней тысящи трехъ сотъ тридесѣти пяти*, приложивъ т. е. къ тысячѣ двумъ стамъ и пятидесяти сорокъ пять дней; потому что одинъ мѣсяць съ поло-

виною продолжалась война, которая кончилась (для іудеевъ) блистательною побѣдою, и вмѣстѣ совершеннымъ освобожденіемъ отъ тяготѣвшихъ (надъ іудеями) бѣдствій. Итакъ словами: *блаженъ терпѣливый и достигнувшій до дней тысячи трехъ сотъ тридцати пяти*, ангель предрекъ освобожденіе (отъ бѣдствій); впрочемъ, сказалъ онъ не просто: *достигнувшій*, но *терпѣливый и достигнувшій*. Многіе и изъ нечестивыхъ увидѣли перемѣну обстоятельствъ, но не ихъ ублажаетъ ангель безъ разбора, а только тѣхъ, которые пострадали во время бѣдствій, не измѣнили благочестію и потому уже достигли покоя. Вотъ почему онъ не просто сказалъ: *достигнувшій*, но: *терпѣливый и достигнувшій*. Что можетъ быть яснѣе этого? Видишь, какъ пророкъ предсказалъ и о плѣнѣ, и объ освобожденіи отъ плѣна со всею точностію, не только до послѣдняго года и мѣсяца, но до послѣдняго дня. А въ подтвержденіе, что я говорю это не по своей только догадкѣ, приведу вамъ и другого свидѣтеля, котораго іудеи почитаютъ заслуживающимъ особеннаго вѣроятія,—разумѣю Іосифа, который и описалъ трогательно бѣдствія ихъ, и подробно изложилъ весь Ветхій Заветъ. Живя уже послѣ пришествія Христа и поговоривъ о предсказанномъ Имъ плѣненіи (іудеевъ римлянами), Іосифъ разсказалъ и объ этомъ, бывшемъ (при Антиохѣ Епифанѣ) плѣненіи, причеиъ и истолковалъ видѣніе пророка объ овнѣ, козлѣ, четырехъ рогахъ и о послѣднемъ, явившемся за ними, рогѣ. И чтобы не сталъ кто подозрѣвать словъ нашихъ, вотъ мы предложимъ подлинныя его слова. Восхваливъ Даниїла до чрезмѣрности и поставивъ его выше всѣхъ другихъ пророковъ, Іосифъ обращается и къ этому видѣнію и говоритъ такъ ¹⁾: „онъ (Даниїль) оставилъ писанія, въ которыхъ предложилъ намъ точное и достовѣрное описаніе своего пророчества. Онъ говоритъ, что въ Сузахъ, столицѣ Персїи, вышелъ онъ въ поле съ нѣкоторыми изъ своихъ, и, какъ случилось внезапное землетрясеніе, друзья его убѣжали, и онъ остался одинъ. Тогда онъ палъ на лице, опершись на обѣ руки; и, какъ нѣкто прикоснулся къ нему и велѣлъ встать и посмотреть, чему надлежало, послѣ многихъ поколѣній, случиться съ его соотечественниками, онъ всталъ, и ему показался великій овенъ, у котораго, выросло много роговъ, но послѣдній изъ нихъ былъ выше другихъ. Потомъ, взглянувъ на западъ, увидѣлъ несущагося по воздуху козла, который сразился съ овномъ, дважды ударилъ его рогами, повалилъ на землю и истопталъ. Послѣ этого увидѣлъ, что козелъ сталъ выше, и на лбу у него выросъ пребольшой рогъ; когда этотъ рогъ былъ сломанъ, выросли другіе четыре, обращен-

¹⁾ Josephi Flavii Antiqu. Jud. lib. x. cap. XI, 7.

ные къ каждому изъ (четырехъ) вѣтровъ; а изъ нихъ вышелъ другой меньшій (рогъ), который потомъ выросъ. Показавъ это (Даніилу), Богъ сказалъ, что народъ его будетъ побѣжденъ, городъ взятъ силою, храмъ разграбленъ, жертва прекращена; и это продолжится до тысячи двухсотъ девяносто дней. Вотъ что видѣлъ Даніиль, какъ самъ онъ написалъ, на полѣ въ Сузахъ, а изъясненіе видѣнія, говоритъ онъ, далъ ему Богъ, Который сказалъ, что овенъ означаетъ царство персидское и мидійское, а рога — будущихъ царей; послѣдній рогъ означаетъ послѣдняго 897 царя, который превзойдетъ всѣхъ богатствомъ и славою. Козелъ означаетъ, что отъ грековъ произойдетъ царь, который, дважды напавъ на персидскаго царя, побѣдитъ его на войнѣ и совсѣмъ лишитъ власти. Большой (первый) рогъ на лбу козла означаетъ перваго царя; а четыре другіе, выросшіе по сокрушеніи его и обращенные къ четыремъ странамъ свѣта, указываютъ на преемниковъ перваго царя и на раздѣленіе между ними царства; ибо ни дѣти, ни родственники его не будутъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, властвовать надъ вселенною. Отъ этихъ-то (преемниковъ) произойдетъ одинъ царь, который завоюетъ (іудеевъ), отмѣнитъ и законы и постановленія ихъ, разграбитъ храмъ, и запретитъ на три года жертвоприношенія. И все это довелось потерпѣть нашему народу отъ Антиоха Епифана, какъ предсказалъ и записалъ Даніиль за много лѣтъ до самаго событія“.

9. Чтѣ можетъ быть яснѣе этого? Пора теперь, впрочемъ, если только мы не утомили васъ, обратиться къ главному предмету, т. е. къ настоящему плѣненію, къ нынѣшнему рабству (іудеевъ), изъ-за котораго мы и сказали все это. Будьте же внимательны, ибо у насъ дѣло идетъ не о маловажныхъ предметахъ. Сидящіе на олимпійскихъ играхъ съ полуночи до полудня ждутъ увидѣть, кому достанется вѣнокъ; принимаютъ на обнаженную голову раскаленные лучи солнца, и оставляютъ зрѣлище не прежде, какъ когда произнесенъ будетъ судъ о подвигахъ борцовъ; такъ неумѣстно теперь и намъ и жаловаться на утомленіе, когда борьба идетъ даже не за подобный вѣнокъ, но за нетлѣнный вѣнецъ. Итакъ, мы достаточно уже доказали, что было предсказано о трехъ плѣненіяхъ, изъ коихъ одно продолжалось четыреста лѣтъ, другое семьдесятъ, а третье три съ половиною года. Скажемъ теперь и о нынѣшнемъ. А что и о немъ предвозвѣстилъ пророкъ, свидѣтелемъ представляю опять того же самаго Іосифа, ихъ (іудеевъ) единомысленика. Послѣ того, какъ онъ сказалъ о вышеписанномъ, послушай, что говоритъ далѣе: „подобнымъ образомъ Даніиль написалъ и о владычествѣ римлянъ, и о томъ, что Іерусалимъ будетъ ими взятъ и храмъ опустошенъ“.

Здѣсь прими во вниманіе то, что написавшій это, хотя былъ и іудей, однакоже не рѣшился подражать вамъ въ страсти къ пре-
пираательствамъ. Ибо сказавъ, что Іерусалимъ будетъ взятъ, онъ
не осмѣлился прибавить, что (этотъ городъ) снова будетъ возста-
новленъ, и указать опредѣленное для этого время; но, такъ какъ
зналъ, что пророкъ не назначилъ времени, то, хотя выше, отно-
сительно побѣды Антиоха и произведеннаго имъ опустошенія, ска-
заль, сколько дней и лѣтъ будетъ продолжаться плѣненіе, однако
касательно владычества римлянъ ничего этого не прибавилъ; на-
писаль только, что Іерусалимъ и храмъ будутъ опустошены, а
будетъ ли когда конецъ произведенному ими опустошенію, этого
не прибавилъ, потому что видѣлъ, что и пророкъ не прибавилъ
этого. „Когда же все это, говоритъ (Іосифъ), Богъ показаль Да-
ніилу, онъ записаль и оставилъ намъ, чтобы мы, читая проро-
чества его и видя ихъ исполненіе, дивились той чести, какой
898 Богъ удостоилъ Данила“. Итакъ посмотримъ, гдѣ Даниль ска-
заль, что храмъ будетъ опустошенъ? Послѣ того, какъ онъ сотво-
рилъ вышесказанную молитву во вретѣ и въ пеплѣ, пришелъ
къ нему Гавріиль и сказалъ: *седмдесятъ седминъ сократишася*
о народѣ твоємъ, и о градѣ святѣмъ (Дан. ix, 24). Вотъ здѣсь,
скажете, указано и время? Да, время, только не (окончанія) плѣна,
а время, послѣ котораго долженъ случиться плѣнъ. Ибо иное
дѣло сказать, сколько времени будетъ продолжаться плѣнъ, иное—
черезъ сколько времени онъ долженъ послѣдовать и настать. *Седмъ-*
десятъ седминъ, говоритъ, *сократишася о народѣ твоємъ*; не ска-
заль: *о народѣ моемъ*, хотя пророкъ и говорилъ: *яви лице твое*
народу твоєму; нѣтъ, Богъ уже чуждается (народа іудейскаго) за
будущій его грѣхъ. Потомъ указываетъ и причину: *яко да обет-*
наетъ согрѣшеніе и скончается грѣхъ. Что значить: *яко да скон-*
чается грѣхъ? Много, говоритъ, грѣшати они (іудей), но верхъ
ихъ беззаконій будетъ тогда, когда они умертвятъ своего Владыку.
Объ этомъ говоритъ и Христосъ: *и вы исполните мѣу отцевъ*
вашихъ (Матѣ. xxiii, 32). Вы, говоритъ, убили рабовъ: прибавьте
уже и кровь Владыки. Смотри, какое согласіе въ мысляхъ. Хри-
стосъ сказалъ: *исполните*; пророкъ говоритъ: *скончается грѣхъ,*
и запечатаются грѣси. Что значить: *запечатываются*? То, что уже
не останется ничего (сдѣлать іудеямъ столь беззаконнаго). *И при-*
ведется правда вѣчная. Какая же это вѣчная правда, если не та,
которая дарована Христомъ? *И запечатается видѣніе и пророкъ,*
и помажется святыи святыихъ, т. е. прекратится наконецъ про-
рочество,—ибо это значитъ запечатать,—прекратится помазаніе,
прекратится видѣніе. Посему то Христосъ сказалъ: *законъ и про-*
роцы до Іоанна (Матѣ. xi, 11). Видишь, какъ Богъ угрожаетъ

здѣсь іудеямъ совершеннымъ опустошеніемъ и возмездіемъ за грѣхи и нечестія? Не (обѣщаетъ) простить, но угрожаетъ наказать ихъ за грѣхи!

10. Когда же это сбылось? Когда пророчества совсѣмъ прекратились? Когда уничтожилось помазаніе такъ, что никогда уже не возстановится? Если мы умолчимъ, то камни возопіютъ: такъ ясно говорятъ событія! Да и не можемъ мы указать на какое либо другое время, въ которое бы это исполнилось, кромѣ настоящаго, которое столько уже продолжается и еще болѣе продолжится. Далѣе Богъ, еще точнѣе, говоритъ: *и увѣси и уразумѣши, отъ исхода словесе, еже отъѣхати, и еже соградити Иерусалимъ даже до Христа старѣйшины седмизъ седмъ и седмизъ шестьдесятъ двѣ* (Дан. ix, 25). Теперь слушайте меня со вниманіемъ: ибо здѣсь заключается весь вопросъ. Семь седмизъ и шестьдесятъ двѣ седмины составляютъ четыреста восемьдесятъ три года: седмины здѣсь разумѣются не дней или мѣсяцевъ, но годовъ. Но отъ Кира до Антіоха Епифана и (бывшаго при немъ) плѣненія прошло (только) триста девяносто четыре года. Итакъ (Богъ) даетъ разумѣть, что Онъ говоритъ не о томъ опустошеніи храма (отъ Антіоха Епифана), но о бывшемъ послѣ него отъ Помпея, Веспасіана и Тита; и такимъ образомъ проводить время далѣе. Затѣмъ, чтобы показать намъ, откуда должно вести счисленіе, говоритъ, что (считать надобно) не со дня возвращенія, а откуда? *Отъ исхода словесе, еже отъѣхати, и еже соградити Иерусалимъ;* но онъ былъ выстроенъ не при Кирѣ, а при Артаксерксѣ Лонгиманѣ. Ибо по смерти (Кира) восшелъ на (престолъ) Камбизъ, за нимъ Маги, послѣ нихъ Дарій Истаспъ, потомъ Ксерксъ, сынъ Дарія, послѣ него Артабанъ; послѣ Артабана царствовалъ въ Персіи Артаксерксъ Лонгиманъ, и въ его-то царствованіе, въ двадцатый годъ его правленія, Неемія, возвратившись (изъ плѣна), возстановилъ городъ. Объ этомъ подробно разсказалъ намъ Ездра. Итакъ, если мы отсюда начнемъ считать четыреста восемьдесятъ три года, то вѣрно дойдемъ до времени этого (последняго) разрушенія (храма). Поэтому говоритъ (Богъ): *соградится стога и забрали.* Такъ съ того времени, говоритъ, какъ (городъ) возстанетъ (изъ развалинъ) и получитъ свой видъ, считай семьдесятъ седмизъ, и увидишь, что еще не кончается настоящее плѣненіе. И чтобы еще яснѣе показать это, т. е., что бѣдствія, которыя тяготѣютъ надъ іудеями, не будутъ имѣть конца, Онъ говоритъ такъ: *и по седминахъ шестидесяти двухъ потребится помазаніе, и судъ не будетъ въ немъ: градъ же и святое разсыплется со старѣйшиною грядущимъ, и потребятся аки въ потопъ,* такъ что не будетъ уже ни останка, ни корня, который бы вновь пу-

стиль ростокъ; и до конца рати сокращенныя чиномъ погибельми. И опять объ этомъ же плѣнѣ говорить: *отгымется жертва и возліяніе, и сверхъ того во святилищи мерзость заустѣнія и даже до скончанія времеи скончаніе дастся на опустѣніе* (ix, 26—27). А когда слышишь ты, іудей, о *скончаніи*, то чего тебѣ еще ожидать? И *сверхъ того*: что значить это *сверхъ того*? Значить, что къ этому, о чемъ сказано, къ отнятію жертвы и возліянія присоединится еще новое большее зло. Какое же? *Во святилищи мерзость заустѣнія*; святилищемъ называется здѣсь храмъ, а мерзостью заустѣнія статуя, которую разрушитель города поставилъ въ храмѣ. И *даже до скончанія*, говоритъ онъ, *заустѣніе*. Поэтому и Христось, во плоти пришедшій уже послѣ Антіоха Епифана, предсказывая о предстоявшемъ плѣненіи (іудеевъ), и показывая, что объ этомъ-то плѣненіи пророчествовалъ Данииль, говорить: *егда узрите мерзость заустѣнія, реченную Данииломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святѣ: иже чтетъ да разумѣетъ* (Матѣ. xxiv, 15). Такъ какъ у іудеевъ всякій идолъ и всякое изваяніе человѣческое почиталось мерзостію; то Христось, таинственно указавъ на ту статую, предсказалъ вдругъ, и когда, и отъ кого произойдетъ плѣненіе. А что это сказано о римлянахъ, засвидѣтельствовалъ и Іосифъ, какъ мы показали выше. Итакъ, что намъ остается еще сказать, когда пророки о другихъ плѣненіяхъ предсказали съ назначеніемъ времени (продолженія ихъ), а для нынѣшняго не только не назначили никакого времени, но еще прибавили противное, что *даже до скончанія будетъ заустѣніе*? И что сказанное—не ложь, на это мы представимъ и свидѣтельство самого опыта. Если бы (іудеи) не покушались построить храмъ, то могли бы говорить, что когда бы мы захотѣли приступить и приняться за постройку, такъ навѣрно успѣли бы въ этомъ. Но вотъ я покажу, что они не разъ, не два, но даже три раза покушались и были отражены, какъ это (бываетъ съ бойцами) на олимпійскихъ играхъ, такъ что вѣнецъ (побѣды) безспорно принадлежитъ церкви.

11. Когда же покушались они, эти всегда противящіеся Святому Духу, затѣйливые и мятежные іудеи? Послѣ опустошенія, произведеннаго при Веспасіанѣ и Титѣ, возмущившись при Адріанѣ, они усиливались возстановить у себя прежнее государство, а того не знали, что идутъ противъ опредѣленія Божія, положившаго, чтобы городъ ихъ навсегда оставался въ заустѣнніи, и что, воюя противъ Бога, невозможно побѣдить. Итакъ, возставъ противъ (римскаго) царя, они только заставили его опустошить (городъ) въ конецъ. Ибо онъ, поразивъ и усмиривъ ихъ, и уничтоживъ все, что еще оставалось (въ Іерусалимѣ), чтобы они впередъ не могли

уже поступать дерзко, поставилъ (тамъ) свою статую; потомъ размысливъ, что она отъ времени можетъ когда нибудь разрушиться, и желая наложить на іудеевъ неизгладимое пятно пораженія и обличительный знакъ ихъ мятежности, остаткамъ города (Іерусалима) далъ свое имя. Такъ какъ самъ онъ назывался Эліемъ—Адріаномъ, то такъ же повелѣлъ именоваться и городу: отъ этого (Іерусалимъ) и доселѣ называется Эліею, по имени того, кто его взялъ и разрушилъ. Видишь первое покушеніе безстыдныхъ іудеевъ? Посмотри и на бывшее послѣ него. При Константинѣ они опять покушались на то же; но царь (въ наказаніе имъ) обрѣзалъ имъ уши, и положивъ на ихъ тѣлѣ знакъ ихъ возмущенія, водилъ ихъ всюду, какъ бѣглецовъ и негодяевъ, такимъ искаженіемъ тѣла дѣлая ихъ примѣтными для всѣхъ, и вразумляя жившихъ повсюду (іудеевъ) не отваживаться на подобныя дѣла. Но все это (скажете) старое и было давно; однако и о немъ знаютъ еще ваши старики; а вотъ, что я скажу сейчасъ, то извѣстно и самымъ молодымъ; ибо случилось не при Адріанѣ и Константинѣ, но при царѣ, который жилъ только за двадцать лѣтъ, на нашемъ вѣку. Когда Юліанъ, превзошедшій нечестіемъ всѣхъ царей, сперва приглашалъ (іудеевъ) къ идолослуженію и склонялъ къ собственному нечестію, потомъ предлагалъ (возстановить) древнее (іудейское) богослуженіе, говоря, что и предки-де ваши такъ служили Богу; тогда они и по неволѣ исповѣдали то самое, что мы доказывали теперь, т. е. что имъ не позволено приносить жертвы внѣ города, и что тѣ поступаютъ незаконно, которые совершаютъ (священные) обряды на чужой землѣ. Итакъ, говорили они (Юліану), если хочешь, чтобы мы приносили жертвы, возврати намъ городъ, возстанови храмъ, открой намъ святая святыхъ, возобнови алтарь, и—мы будемъ приносить жертвы и теперь такъ же, какъ и прежде. И не стыдились, негодные и безстыдные, просить объ этомъ царя нечестиваго и язычника, и приглашать съверныя руки его къ созидаію святыни; не чувствовали, что они покушаются на невозможное, и не постигали, что если бы человѣкъ разрушилъ эту святыню, то человѣкъ же могъ бы и возстановить ее, но когда Богъ разрушилъ ихъ городъ, человѣческая сила никогда не можетъ перемѣнить положеннаго опредѣленіемъ Божиимъ. *Яже бо Богъ святыи соопща, кто разоритъ? и руку Его высокую кто отвратитъ* (Иса. xiv, 27)? Что Онъ возставитъ и захочетъ, чтобы было твердо, того людямъ не возможно разрушить; равно, что Онъ разоритъ и хочетъ, чтобы навсегда оставалось разореннымъ, того возстановить также не возможно. Допустимъ однакоже, іудеи, что царь возвратилъ бы вамъ храмъ и возстановилъ алтарь, чего вы напрасно ожидаете: но могъ ли бы онъ низвести вамъ свыше

и огонь небесный? А безъ него ваша жертва была бы и нечиста и нечестива. Дѣти Аароновы за то и погибли, что внесли чуждый огонь. Но, слѣпыя для всего этого, они упросили и умолили его соединиться съ ними и приступить къ созиданію храма. А онъ назначилъ и деньги на издержки, послалъ и смотрителей за работами, вызвалъ отовсюду и художниковъ, все дѣлалъ, все приводилъ въ движеніе, чтобы постепенно и мало-по-малу довести ихъ до принесенія жертвъ, думая, что отъ этого они легко перейдутъ и къ идолослуженію, и вмѣстѣ надѣясь, умоизступленный и безумный, уничтожить опредѣленіе Христово, что не будетъ возстановленъ храмъ ихъ. Но *заклинай премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. III, 19) тотчасъ показалъ на дѣлѣ, что Божіи опредѣленія сильнѣе всего и могущественны дѣйствія словесъ Божіихъ. Ибо, какъ только іудеи взяли за это незаконное дѣло, и начали расчищать основаніе, и вытаскали не мало земли, и уже хотѣли приступить къ постройкѣ, вдругъ вышедшій изъ земли огонь сожегъ многихъ людей, и даже камни, бывшіе на томъ мѣстѣ, и остановилъ эту неблаговременную дерзость, такъ что не только принявшіеся за работу, но многіе и іудеи, видѣвшіе это, приведены были въ изумленіе и стыдъ. Услышавъ объ этомъ, царь Юліанъ, хотя и имѣлъ столь безумную ревность къ этому дѣлу, однакоже убоялся, чтобы, продолживъ его далѣе, не привлечъ огня на свою голову, и прекратилъ работу, побѣжденный такимъ образомъ со всѣмъ язычествомъ. И вотъ, если бы ты пошелъ въ Іерусалимъ, то увидишь только однѣ основанія; а если бы спросилъ о причинѣ, то не услышишь никакой другой, кромѣ этой (о которой мы сказали). Свидѣтели этого всѣ мы, ибо это случилось при насъ, не такъ давно. Смотри же, какъ знаменита побѣда. Случилось это не при благочестивыхъ царяхъ, дабы не сказалъ кто, что христіане напали и помѣшали іудеямъ; нѣтъ, когда вѣра наша была гонима, когда всѣ мы опасались за свою жизнь и лишены были всякой свободы, а язычество процвѣтало; когда одни изъ вѣрныхъ скрывались въ домахъ, другіе переселялись въ пустыни и бѣжали изъ городовъ, тогда и случилось это, чтобы іудеямъ не осталось никакого предлога къ безстыдному упорству.

12. Итакъ еще ли ты упорствуешь, іудей, когда видишь, что противъ тебя свидѣлствуютъ и предсказаніе Христово, и доказательство, заимствованное изъ пророковъ и изъ самыхъ событій? Но и не удивительно: таковъ уже вашъ народъ, искони безстыдный, сварливый, привычій всегда спорить противъ очевиднаго. Хочешь ли, вооружу противъ тебя и другихъ пророковъ, которые ясно говорятъ то же, что ваше (іудейство) прекратится, а наше (христіанство) будетъ процвѣтать, что пропо-

вѣдь Христова распространится по всей вселенной, и введена будетъ иная жертва, съ уничтоженіемъ вашихъ жертвъ? Послужай же Малахію, который пришелъ уже послѣ другихъ пророковъ: не привожу пока свидѣтельства ни изъ Исаи, ни изъ Іереміи, ни изъ другихъ пророковъ, жившихъ до плѣненія, чтобы ты не сказалъ, что эти бѣдствія, о которыхъ они предсказывали, случились во время плѣненія (авилонскаго); нѣтъ, привожу пророка, который жилъ уже по возвращеніи вашемъ изъ Вавилона и по восстановленіи города, и—ясно предсказалъ о судьбѣ вашей. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ іудеи уже возвратились (изъ плѣна) и вновь построили городъ, создали храмъ, и начали приносить жертвы, Малахія, предсказывая о настоящемъ плѣненіи и уничтоженіи жертвъ, такъ говоритъ отъ лица Божія: *аще прииму отъ всѣхъ лица ваша? глаголетъ Господь Вседержитель. Зане отъ востокъ и до западъ имя Мое прославится во языцехъ, и на всякомъ мѣстѣ еиміамъ приносится имени Моему, и жертва чиста: вы же скверните е* (Мал. і, 9. 10). Когда случилось это, іудеи? Когда сталъ приноситься на всякомъ мѣстѣ еиміамъ Богу? Когда жертва чистая? Не можешь указать ни на какое другое время, кромѣ того, которое настало послѣ пришествія Христова; потому что если пророкъ предсказываетъ не объ этомъ времени, не о нашей жертвѣ, но объ іудейской, то его пророчество будетъ противузаконно. Такъ какъ Моисей не позволилъ приносить жертвъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, но только въ томъ, которое избереетъ Самъ Господь Богъ, и такъ какъ Онъ привязалъ іудейскія жертвы къ одному мѣсту; то пророкъ, говоря, что еиміамъ и жертва чистая будутъ приноситься на всякомъ мѣстѣ, возсталъ и пошелъ бы противъ Моисея. Но противорѣчія и разногласія нѣтъ: потому что объ иной жертвѣ говорилъ Моисей, и объ иной послѣ него пророчествовалъ Малахія. Изъ чего это видно? И изъ того, что уже сказано, и изъ другихъ весьма многихъ признаковъ. И во-первыхъ—изъ мѣста: ибо Малахія предсказалъ, что богослуженіе будетъ совершаться не въ одномъ городѣ, какъ у іудеевъ, но *отъ востокъ солнца до западъ*; потомъ изъ самой жертвы: ибо назвалъ ее *чистою*; этимъ показалъ онъ, о какой жертвѣ онъ говоритъ; наконецъ—изъ лицъ приносящихъ ее; ибо не сказалъ: во Израили, но *во языцехъ*. И дабы ты не подумалъ, что это богослуженіе будетъ учреждено въ одномъ, или двухъ, или трехъ городахъ, онъ не просто сказалъ: *на всякомъ мѣстѣ*, но *отъ востокъ солнца до западъ*, показывая, что всю землю, какую только освѣщаетъ солнце, обниметъ и проповѣдь (Христова). А жертву называетъ *чистою* потому, что прежняя была нечиста, не по своей природѣ, но отъ расположенія приносящихъ. Потому и сказалъ: *кадило Ми мерзость есть*

(Ис. 1, 1). Впрочемъ, если сравнить и самую жертву (ветхозавѣтную съ новозавѣтною), то найдемъ между ними великое и неизмѣримое разстояніе, такъ что, при такомъ сравненіи, одну только эту жертву (новозавѣтную) по преимуществу и должно назвать чистою. И что сказалъ Павелъ о законѣ и благодати, что *не прославился прославленное за превосходящую славу* (2 Кор. III, 10); то же и мы можемъ смѣло сказать здѣсь,—что эта жертва въ сравненіи съ тою (древнею) одна только и можетъ быть названа чистою: ибо приносится не съ дымомъ и испареніями, не съ кровію и выкупомъ, но съ благодатію Духа. Послушай, какъ и другой пророкъ предсказываетъ о томъ же и говорить, что служеніе Богу не будетъ заключено въ одномъ мѣстѣ, но всѣ люди наконецъ познають Его. Вотъ что говоритъ Софонія: *явится Господь на вся языки, и потребитъ вся боги языковъ: и поклонятся Ему каждый отъ мѣста своего* (Соф. III, 11); между тѣмъ Моисей не позволилъ этого, но повелѣлъ служить (Богу) въ одномъ мѣстѣ. Итакъ, когда слышишь, какъ пророки предсказываютъ и предвозвѣщаютъ, что люди уже не будутъ принуждены собираться отовсюду въ одинъ городъ и въ одно мѣсто, но каждый будетъ служить Богу, сидя дома; то къ какому другому времени можешь отнести это, какъ не къ настоящему? Послушай, какъ и евангеліе и апостолъ согласны съ этимъ пророкомъ (Софоніею). Пророкъ сказалъ: *явится Господь*; апостолъ говоритъ: *явися благодать Божія, спасительная всѣмъ человечкомъ, наказующи насъ* (Тит. II, 11). Тотъ сказалъ: *на языки*; тотъ говоритъ: *всѣмъ человечкомъ*. Тотъ сказалъ: *потребитъ боги ихъ*; тотъ: *наказующи насъ, да отвергши нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно проживемъ*. Опять, Христосъ говоритъ женѣ самарянкѣ: *жене, вѣру Ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ гору сей, ни во Іерусалимъ поклонитесь Отцу. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV, 21. 24). Этими словами Онъ уничтожаетъ уже необходимость наблюденія мѣста, и вводитъ Богослуженіе возвышеннѣйшее и болѣе духовное. Можно бы, вмѣстѣ съ этимъ, доказать еще и то, что у іудеевъ не будетъ уже ни жертвы, ни священства, ни царя. Конечно, все это ясно доказано самымъ разрушеніемъ города; но можно бы привести пророковъ, которые прямо говорятъ объ этомъ же. Но я вижу, что вы утомились продолжительностію бесѣды, и боюсь, чтобы мнѣ, напрасно и безъ пользы не обременить васъ. Посему, обѣщая сказать вамъ объ этомъ въ другое время, теперь прошу васъ вотъ о чемъ: спасите вашихъ братьевъ, избавьте отъ заблужденія, возвратите къ истинѣ. Ибо нѣтъ никакой пользы отъ слушанія поученій, когда слова не

доказываются дѣлами. Да и то, что сказано, сказано не для васъ, а для тѣхъ немощныхъ, чтобы они, узнавъ это отъ васъ, и оставивъ худую привычку, обнаружили въ себѣ чистое и истинное христіанство, и избѣгали вредныхъ собраній и синагогъ іудейскихъ, какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстіи бывающихъ,—этихъ вертеповъ разбойничьихъ, этихъ жилищъ демонскихъ. Итакъ не пренебрегите ихъ спасеніемъ, но, развѣдавъ и отыскавъ больныхъ, приведите ихъ опять ко Христу, чтобы намъ и въ настоящей и въ будущей жизни, получить награду свыше заслугъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТОЕ.

«Пронзена раньше длинную бесѣду противъ іудеевъ и получивъ горловую болѣзнь отъ продолжительности рѣчи, (Златоустъ) сказалъ теперь это (слово)».

ЗВѢРИ, пока живутъ въ лѣсахъ и не вступаютъ въ борьбу съ 904 людьми, бываютъ довольно смиренны и кротки. Но какъ скоро охотники, поймавъ ихъ, приведутъ въ городъ, и, заперевъ въ клѣтку, возбуждаютъ къ бою съ людьми, и они, напавъ (на людей), отвѣдаютъ мяса и испьютъ крови человѣческой; то уже не такъ легко могутъ отстать отъ этого лакомства, но съ великою жадностію бросаются на такую добычу. Это же случилось и съ нами. И мы, какъ вступили въ борьбу съ іудеями и, напавъ на безстыдныхъ ихъ возраженія, ниспровергли ихъ замыслы и *всякое возношеніе, взимающееся на разумъ Божій*, и умствованія плѣнили въ послушаніе Христово (2 Кор. х, 5), то возымѣли еще болшую охоту воевать съ ними. Но что мнѣ дѣлать? Видите, что голосъ у меня ослабѣлъ и не можетъ выдержать еще такой же продолжительной бесѣды, и, мнѣ кажется, со мною случилось теперь то же, что съ воиномъ, который, изрубивъ нѣсколько непріятелей, и съ великою яростію напавъ на вражескій отрядъ и повергнувъ многихъ враговъ, переломилъ свой мечъ, и съ прискорбіемъ возвращается къ своимъ. Наше горе даже еще тяжелѣе. Воину, переломившему мечъ, можно выхватить другой у кого нибудь изъ стоящихъ, и воспользовавшись (воинскимъ) жаромъ, выказать великую храбрость; но когда спалъ голосъ, у другого нельзя взять голоса. Что же? Воротиться и намъ? Но не позволяетъ сила вашей любви. Сты-

жусь и присутствія отца нашего, стыжусь и вашего усердія. Поэтому, поручивъ себя вполнѣ его молитвамъ и вашей любви, попытаюсь взяться и за то, что выше силъ моихъ. И никто изъ васъ да не укоряетъ слово наше въ неблаговременности за то, что сегодня, когда созвали насъ мученики, мы, оставивъ сказаніе объ ихъ подвигахъ, выступаемъ противъ іудеевъ: и для нихъ (мучениковъ) это слово пріятнѣе. Отъ нашихъ похвалъ они нисколько не сдѣлаются славнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, какая нужда въ нашихъ словахъ тѣмъ, которыхъ и подвиги выше смертной природы, и награды выше силы и понятія (человѣческаго)? Они пренебрегли настоящею жизнію, попрали пытки и мученія, презрѣли смерть, воспарили къ небу, освободились отъ волненія житейскихъ заботъ, достигли тихой пристани, неся съ собою не
 905 золото и серебро и драгоценныя одежды, но сокровища некрадомыя—терпѣніе, мужество и любовь. Они востекаютъ теперь въ общеніе съ Павломъ, окрыляясь, еще до (полученія) вѣнцовъ, ожиданіемъ вѣнцовъ, и избѣгая наконѣцъ неизвѣстности будущаго. Какая же имъ нужда въ нашихъ словахъ? И вотъ почему имъ пріятнѣе настоящій предметъ. Отъ нашихъ похвалъ, какъ я сказалъ выше, ничего не прибудетъ къ ихъ славѣ; а отъ нашихъ ратованій противъ іудеевъ будетъ имъ великое удовольствіе, и они охотно выслушаютъ особенно слова, высказываемыя въ защиту славы Божіей. Мученики особенно не любятъ іудеевъ, потому что сильно возлюбили Того, Котораго тѣ распяли. Тѣ говорили: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѣ. xxvii, 25); а эти пролили и свою кровь за Того, Кого тѣ убили. Такъ они съ удовольствіемъ выслушаютъ эти слова.

2. Итакъ мы достаточно доказали, что, если бы настоящее рабство іудеевъ должно было окончиться, то пророки и объ этомъ предсказали бы и не умолчали; (мы доказали это), показавъ, что всѣ плѣненія—египетское, вавилонское и бывшее при Антиохѣ Епифанѣ, постигли іудеевъ по предсказанію. Мы доказали божественнымъ Писаніемъ, что для каждаго изъ этихъ плѣненій предвозвѣщено и мѣсто, и время, а настоящему ни одинъ пророкъ не назначилъ времени (продолженія). Что оно настанетъ, все приведетъ въ запустѣніе, измѣнитъ общественное устройство (іудеевъ), также, чрезъ сколько времени по возвращеніи изъ Вавилона случится,—объ этомъ предсказалъ Даніиль; но что оно будетъ имѣть конецъ, и что эти бѣдствія когда нибудь прекратятся, этого ни этотъ, ни другой пророкъ не открылъ: напротивъ, Даніиль предсказалъ еще, что это рабство будетъ тяготѣть надъ ними до скончанія вѣка. Самое время подтверждаетъ слова наши: столько протекло его съ тѣхъ поръ, а доселѣ не видно ни слѣда, ни начала

полезной для нихъ перемѣны, хотя они и многократно покушались возстановить храмъ. Да, они покушались и разъ, и два, и три, при Адрианѣ, Константинѣ и Юліанѣ, но всякій разъ были останавливаемы,—сперва воинами, а послѣ огнемъ, вышедшимъ изъ основаній и прекратившимъ ихъ безвременную попытку. А мы хотѣлось бы наконецъ спросить ихъ: отчего это, скажи мы, проживъ столько времени въ Египтѣ, вы опять получили свое отечество; потомъ, отведенные въ Вавилонъ, также возвратились въ Іерусалимъ; опять, потерпѣвъ столько бѣдствій при Антіохѣ, снова пришли въ прежнее положеніе, снова получили, съ прежнимъ достоинствомъ, и жертвы, и жертвенникъ, и святое святыхъ, и все прочее? А теперь ничего этого не случилось; нѣтъ, вотъ уже прошло сто лѣтъ, дважды, трижды, четыре раза столько, и даже гораздо болѣе: ибо съ того времени (отъ Антіоха) до нашего прошло уже пятьсотъ лѣтъ; а мы не видимъ, чтобы гдѣ нибудь показался хотя намекъ на такую перемѣну, напротивъ дѣла ихъ разстроились въ конецъ, и даже во снѣ не представляютъ та- 906 кой надежды, какую—прежде. Если они укажутъ на свои грѣхи и скажутъ: такъ какъ мы согрѣшили предъ Богомъ и оскорбили Его, за это и не получаемъ родной земли; если эти люди, которые безъ стыда слышали постоянныя обличенія пророковъ, и не сознавались, когда тѣ сильно упрекали ихъ въ убійствахъ, если они теперь исповѣдуютъ и сознаютъ грѣхи свои; то я еще спрошу каждого изъ нихъ: такъ за грѣхи свои, іудей, ты живешь столько времени внѣ Іерусалима? Что же здѣсь новаго и необычайнаго? Развѣ вы теперь только живете во грѣхахъ, а прежде жили праведно и добродѣтельно? Развѣ вы не искони и не изначала пребывали въ безчисленныхъ беззаконіяхъ? Развѣ не обличилъ васъ въ безчисленныхъ (злыхъ дѣлахъ) пророкъ Іезекіиль, когда представилъ двухъ блудницъ—Олу и Оливу и сказалъ, что вы содѣлали блудъ въ Египтѣ, безумствовали съ иноплемениками, и служили чуждымъ богамъ (Іез. ххп)? Что же? Когда раздѣлялось море, расторгались камни, и столько чудесъ совершалось въ пустынѣ, развѣ тогда вы не поклонялись тельцу? Развѣ вы не часто покушались убить Моисея, то бросая въ него камни, то изгоняя его, то нанося ему другія безчисленные оскорбленія? Развѣ не часто приносили хулу на Бога? Развѣ не служили Веельфегору? Развѣ не приносили сыновъ своихъ и дочерей своихъ въ жертву дѣмонамъ? Развѣ не совершали всякаго рода нечестія и грѣхи? Развѣ не говорилъ вамъ пророкъ отъ лица Божія: *четыредесятъ лѣтъ негодовахъ рода того, и ряхъ: присно заблуждаютъ сердца ихъ* (Пс. хсiv, 10)? Какъ же Богъ тогда не отвратился отъ васъ, но и послѣ дѣтубійствъ, послѣ идолослуженія, послѣ великаго нечестія, послѣ

невыразимой неблагодарности, позволилъ еще быть у насъ пророку—великому Моисею, и совершалъ дивныя и необычныя знаменія? И чего не было ни съ кѣмъ изъ людей, то случилось съ вами,—облако простерлось надъ вами вмѣсто покрова, столпъ путеводилъ васъ вмѣсто свѣтильника, враги добровольно покорялись вамъ, города сдавались почти отъ одного только звука голоса. Вамъ не было нужды ни въ оружіи, ни въ войскѣ, ни въ сраженіи: вы только протрубили, и стѣны рушились сами собою. У васъ была новая и необычная пища, такъ что пророкъ восклицаетъ: *хлѣбъ небесный даде имъ, хлѣбъ ангельскій яде человекъ: брашно посла имъ до сытости* (Пс. lxxvii, 25). Отчего же, скажи мнѣ, вы тогда, хотя и жили нечестиво, служили идоламъ, убивали дѣтей, побивали камнями пророковъ, совершали безчисленныя преступленія, однако пользовались такимъ благоволеніемъ, такимъ покровительствомъ Божиимъ; а теперь, хотя и не служите идоламъ, не умерщвляете дѣтей, не побиваете камнями пророковъ, однако живете все въ рабствѣ? Развѣ тогда былъ одинъ Богъ, а теперь другой? Развѣ не одинъ и тотъ же (Богъ) и тогдашнія дѣла устроаялъ, и нынѣшнія совершаетъ? Отчего же, скажи мнѣ, когда больше были грѣхи (ваши), тогда велика была честь вамъ у Бога, а когда теперь меньше беззаконствуете, Онъ совершенно отвернулся отъ васъ и предалъ васъ постоянному безчестию? Вѣдь, если теперь Онъ отвращается отъ васъ за грѣхи, тѣмъ болѣе надлежало (Ему отвращаться) тогда; если же Онъ тогда снисходилъ къ вамъ, хотя и жили вы нечестиво, тѣмъ болѣе надлежало бы снизойти теперь, когда вы не дѣлаете такихъ преступленій.

907 За что же Онъ не оказалъ снисхожденія? Если вы стыдитесь сказать причину, скажу прямо я, или вѣрнѣе—не я, но сама дѣйствительная истина: за то, что вы убили Христа; за то, что подняли руки на Владыку; за то, что пролили драгоценную кровь; вотъ за что нѣтъ вамъ облегченія, нѣтъ наконецъ прощенія, нѣтъ извиненія. Тогда вы оскорбляли рабовъ,—Моисея, и Исаію, и Іеремію; тогда, хотя и совершалось нечестіе, но еще не было сдѣлано главное зло. А теперь вы затмили всѣ прежнія (беззаконія), и послѣ злодѣйства противъ Христа для васъ не остается уже никакого большаго беззаконія. Вотъ почему вы и наказываетесь теперь больше. Иначе, если не въ этомъ причина вашего настоящаго униженія, почему Богъ терпѣлъ васъ тогда, когда вы убивали дѣтей, а теперь, когда ничего такого не дѣлаете, отвращается? Ясно, что, убивъ Христа, вы сдѣлали болѣе великое и тяжкое преступленіе, чѣмъ дѣтоубійство и всякое другое беззаконіе.

3. Итакъ ужели вы, скажите мнѣ, осмѣлитесь послѣ этого называть Его обманщикомъ и беззаконникомъ? Не убѣдите ли,

напротивъ, и не скроетесь ли, вмѣсто того, чтобы противорѣчить столь ясной истинѣ событій? Если бы Іисусъ былъ, какъ вы говорите, обманщикъ и беззаконникъ, то вамъ слѣдовало бы еще прославиться тѣмъ, что вы убили Его. Если Финеесъ, умертвивъ одного кого-то, совершенно прекратилъ этимъ гнѣвъ (Божій) на (іудейскій) народъ: *ста*, сказано, *Финеесъ, и умилостиви, и преста съчъ* (Пс. сѹ, 31); если онъ пораженіемъ одного беззаконника избавилъ отъ гнѣва Божія такое множество людей виновныхъ въ нечестіи; тѣмъ болѣе такъ должно бы случиться съ вами, если бы Распятый вами былъ беззаконникъ. Отчего же Финеесъ, умертвивъ беззаконника, оправданъ и почтенъ священствомъ; а вы, распявъ, какъ говорите, какого-то обманщика и противника Богу, не только не заслужили похвалы и чести, но еще подверглись большимъ бѣдствіямъ, чѣмъ въ то время, когда закалили собственныхъ сыновей? Не очевидно ли для самыхъ малоумныхъ, что вы терпите такое наказаніе за то, что поступили беззаконно со Спасителемъ и Владыкою вселенной? Теперь вы удерживаетесь и отъ преступнаго кровопролитія (дѣтей) и соблюдаете субботы, а тогда нарушали и этотъ день. И Богъ общалъ чрезъ Іеремію пошадить вашъ городъ, если перестанете носить тяжести въ субботу (Іер. хvii, 21); но вотъ теперь вы такъ и дѣлаете, не носите тяжестей въ субботу, и однакоже Онъ не примиряется съ вами, потому что этотъ вашъ грѣхъ (противъ Христа) больше всѣхъ грѣховъ. Значитъ, вы напрасно указываете на нынѣшніе грѣхи свои (какъ на причину настоящихъ бѣдствій вашихъ). Нѣтъ, не за другія дѣла ваши, но за то именно (величайшее) беззаконіе вы терпите такіа бѣдствія, — такъ что, если бы его не было, Богъ не отвращался бы столь долго отъ васъ, хотя бы вы сдѣлали безчисленное множество грѣховъ. Это видно какъ изъ всего сказаннаго, такъ и изъ того, о чемъ я намѣренъ теперь сказать. Что же это такое? Мы слышали, какъ Богъ часто говорилъ чрезъ пророковъ вашимъ отцамъ, что вы достойны были безчисленныхъ бѣдствій, „но Я, говорю, творю (милость) ради имени Моего, чтобы оно не обезславилось у язычниковъ“. И опять: *«не васъ ради Азъ творю, доме Израилевъ, но имени Моего ради* (Іезек. xxxvi, 22. 32). Это значитъ: вы заслуживали еще болѣе тяжкаго наказанія и мученія, но дабы кто не сказалъ, что Богъ, по слабости и неимѣнію силъ спасти, 908 предалъ іудеевъ въ руки враговъ, Я заступаюсь и помогаю вамъ. Значитъ, если бы Христосъ, котораго вы распяли, былъ беззаконникъ, то, хотя бы вы сдѣлали безчисленное множество грѣховъ, даже болѣе тяжкихъ, чѣмъ прежніе, Богъ навѣрно спасъ бы васъ для того, чтобы имя Его не обезславилось, чтобы Того (Христа) не почитали великимъ, и не сказали, что вы это потерпѣли за

Него. Ибо, если (Богъ) ради Своей славы, повидимому, пренебрегаетъ вашими грѣхами; тѣмъ болѣе Онъ поступилъ бы такъ теперь, одобрилъ бы это убійство и изгладилъ бы множество вашихъ грѣховъ. Но когда Онъ показываетъ совершенное отвращеніе къ вамъ, то, очевидно, этимъ своимъ гнѣвомъ и совершеннымъ оставленіемъ васъ, вразумляетъ и самыхъ упорныхъ, что убитый вами былъ не беззаконникъ, но самъ Законодатель и виновникъ безчисленныхъ благъ. Вотъ почему вы, поступившіе съ Нимъ нечестиво, находитесь въ угнетеніи и безчестіи, а мы, поклоняющіеся Ему, прежде бывшіе безчестіе всѣхъ васъ, теперь, по благодати Божіей, славнѣе и почитнѣе всѣхъ васъ.—Но откуда, скажете, видно, что Богъ отвратился отъ насъ? Нужно ли еще словами доказывать это, скажи мнѣ? Когда самыя дѣла вопіють и издають звукъ громче трубы,—разрушеніемъ города, опустошеніемъ храма и всѣмъ прочимъ, что только случилось съ вами,—ужели еще нужно вамъ словесное доказательство? Но на насъ, скажете, навели эти бѣдствія люди, а не Богъ. Напротивъ, это сдѣлалъ именно Богъ. Если же ты приписываешь свои несчастія людямъ, то возьми въ разсмотрѣніе то, что люди, сколько бы ни покушались на это, не могли бы исполнить своего предпріятія, если бы оно было не угодно Богу. Когда варваръ напалъ (на Іудею), ведя за собою всю Персію, надѣялся этимъ набѣгомъ захватить всѣхъ, и заперъ всѣхъ въ городъ, какъ въ сѣтяхъ и тенетахъ; тогда, такъ какъ Богъ былъ милостивѣе къ вамъ, (врагъ) и безъ войны, безъ сраженія, безъ боя, бѣжалъ отъ васъ, оставивъ сто восемьдесятъ пять тысячъ убитыхъ воиновъ, и считая за счастье, что хоть самъ спасся. И множество другихъ войнъ часто такъ же рѣшалъ Богъ. Значитъ, и теперь, если бы Онъ не оставилъ васъ вовсе, люди не могли бы разрушить вашъ городъ и опустошить храмъ, запустѣніе не продолжалось бы доселѣ, и столь многочисленныя ваши попытки (возстановить его) не остались бы безуспѣшными.

4. Но кромѣ этого постараюсь и иначе доказать вамъ, что римскіе цари сдѣлали вамъ все это не своею силою, но потому, что Богъ прогнѣвался на васъ и оставилъ васъ. Если бы это было дѣло человѣческое, то надлежало бы вашимъ бѣдствіямъ ограничиться только плѣненіемъ и вашему униженію не простираться далѣе. Пусть будетъ по вашему, что люди разорили стѣны, разрушили городъ и ниспровергли жертвенникъ: но ужели люди же прекратили и (рядъ) пророковъ? Ужели они отняли (у васъ) благодать Духа? Ужели они же разрушили и прочія святыни ваши, какъ-то: гласъ отъ очистилища, силу помазанія и явленіе (Исх. ххviii, 30) на камняхъ (одежды) священника? Начала устройства іудейскаго не всѣ были земныя, но большинство и самыя важныя

изъ нихъ были свѣше, съ небесъ. Напримѣръ, Богъ позволилъ приносить жертвы; жертвенникъ, конечно, былъ на землѣ, также и дрова, и ножъ, и священникъ; но огонь, долженствовавшій сходить въ то святилище и поядать жертвы, имѣлъ начало свѣше. Ибо не человѣкъ вносилъ огонь въ храмъ, но свѣше сходило пламя и исполняло службу при жертвѣ. Также, если когда надобно было узнать что-либо, то исходилъ голосъ изнутри херувимовъ отъ очистилища, и предвозвѣщалъ будущее. Опять на камняхъ, которые были на груди первосвященника, было нѣкоторое сіяніе, или такъ называемое *явленіе*, и чрезъ него открывалось будущее. Кромѣ этого, когда нужно было совершить надъ кѣмъ нибудь помазаніе, ниспосылалась благодать Духа и нисходила на елей: пророки совершали эти дѣйствія и часто облако и дымъ покрывали святилище. Итакъ, чтобы іудеи не упорствовали и не приписывали своего порабоженія людямъ, Богъ попустилъ не только пасть городу и разрушиться храму, но прекратиться и тому, что имѣло свое начало съ неба, какъ-то: огню, гласу, сіянію камней и т. п. Посему, когда іудей станетъ говорить тебѣ: люди возстали на насъ, люди сдѣлали зло, скажи ему, что люди не возстали бы, если бы Богъ не попустилъ этого. Пусть люди разрушили твою стѣну: но ужели человѣкъ запретилъ нисходить огню свѣше? Ужели человѣкъ возбранилъ голосу, который постоянно слышался отъ очистилища? Ужели и откровеніе на камняхъ, и священное помазаніе, и все прочее уничтожилъ человѣкъ? Не Богъ ли истребилъ это? Всякому понятно. Почему же Онъ истребилъ? Не очевидно ли, что по гнѣву и совершенному отвращенію къ вамъ?—Нѣтъ, скажете, но, такъ какъ у насъ нѣтъ столицы, то нѣтъ и этого. А отчего у васъ нѣтъ столицы? Не оттого ли, что Богъ оставилъ васъ? Впрочемъ, чтобы совершенно заградить безстыдныя уста іудеевъ, докажемъ изъ самаго Писанія и то, что причиною прекращенія пророчества было не разрушеніе храма, но гнѣвъ Божій, и что они теперь раздражаютъ Его враждою на Христа гораздо болѣе, чѣмъ тогда, когда поклонялись тельцу. Когда пророчествовалъ Моисей, тогда не было ни храма, ни жертвенника, и однакоже, хотя они дѣлали безчисленное множество нечестивыхъ дѣлъ, помазаніе пророческое не отнималось у нихъ; напротивъ были тогда какъ этотъ великій и доблестный мужъ, такъ и другіе, кромѣ его, семьдесятъ пророковъ. Да не только тогда (были у нихъ пророки), но и послѣ, когда данъ былъ храмъ и весь чинъ богослуженія. Потомъ, когда (храмъ) былъ сожженъ и всѣ іудеи отведены были въ Вавилонъ, и тогда Іезекиль и Даниилъ, хотя и не видѣли святаго святыхъ, не стояли предъ жертвенникомъ, а находились въ землѣ иноплеменной, среди 910

беззаконныхъ и нечистыхъ людей, однакоже исполнялись Духа, предсказывали будущее, даже говорили о болѣе многочисленныхъ и дивныхъ предметахъ, чѣмъ прежніе (пророки), и видѣли божественное видѣніе, насколько имъ возможно было видѣть его. Отчего же, скажи мнѣ, теперь нѣтъ у васъ пророковъ? Не оттого ли, очевидно, что Богъ отвратился отъ васъ? За что же Онъ отвратился отъ васъ? Очевидно также, что за Распятого и за (совершенное надъ Нимъ) беззаконное дѣло. Изъ чего это видно, скажешь? Изъ того, что вы прежде, хотя и жили нечестиво, однакоже имѣли все; а теперь, послѣ креста, хотя живете, повидимому, лучше, терпите однакоже большее наказаніе и ничего прежняго не имѣете.

5. Но, чтобы вамъ узнать причину настоящихъ бѣдствій и отъ самихъ пророковъ, которые ясно и подробно возвѣщали объ этомъ, послушайте, что говоритъ Исаія, какъ предсказываетъ и о будущихъ всѣмъ благодѣяніяхъ Христовыхъ, и о вашей неблагодарности. *Извою Ею мы исцѣлимъ*, говоритъ Онъ, предсказывая о спасеніи всѣхъ крестомъ. Потомъ, изъясняя, кто таковы мы, прибавилъ: *все яко овцы заблудихомъ, человекъ въ пути своемъ заблуди*. А изъясняя крестныя страданія, такъ говоритъ: *яко овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ: во смиреніи Ею судъ Ею взятся* (Иса. lш, 5—8). А гдѣ можно видѣть это исполнившимся? Въ беззаконномъ судилищѣ Пилата. Ибо, послѣ того, какъ было столько свидѣтелей противъ Іисуса, Онъ, говоритъ (евангеліе), ничего не отвѣчалъ имъ. И когда правитель сказалъ ему: *не слышиши ли, колика на Тя свидѣтельствуютъ* (Матѣ. xxvii, 13), Онъ ничего не отвѣчалъ, но стоялъ молча. Объ этомъ-то и сказалъ пророкъ задолго прежде: *яко овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ*. Потомъ, показывая, какое беззаконіе совершилось тогда въ судилищѣ, онъ говоритъ: *во смиреніи Ею судъ Ею взятся*. Ибо тогда никто не произносилъ праведнаго суда надъ Нимъ, но приняли ложныя свидѣтельства противъ Него. Причиною же было то, что Онъ не хотѣлъ защищаться: ибо, если бы захотѣлъ, то все бы поколебалъ и потрясъ. Если уже, будучи на крестѣ, Онъ расторгъ камни, помрачилъ вселенную, отвратилъ солнечные лучи, изъ дня сдѣлалъ ночь по всей землѣ; то, конечно, могъ сдѣлать то же самое и въ судилищѣ. Но Онъ не восхотѣлъ этого, чтобы показать Свою кротость и смиреніе. Поэтому и говоритъ пророкъ: *во смиреніи Ею судъ Ею взятся*. Потомъ, показывая, что Онъ не былъ изъ числа обыкновенныхъ людей, пророкъ присовокупилъ: *родъ же Ею кто исповѣсть?* Въ самомъ дѣлѣ, о комъ это говоритъ пророкъ, что *вземлется отъ земли*

животъ Его? Поэтому и Павелъ говоритъ: животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Божъ. Егда Христосъ явится, животъ нашъ, тогда и вы съ Нимъ явитесь во славу (Кол. iii, 3, 4). Но такъ какъ я предположилъ сказать и доказать, что за Него именно іудеи терпятъ настоящія бѣдствія, то время уже привести слова Исаи. Гдѣ же онъ говоритъ объ этомъ? Сказавъ о судилищѣ, объ убійствѣ, о принятіи Имъ на Себя (нашихъ грѣховъ), сказавъ, *яко вземется отъ земли животъ Его, пророкъ присовокупилъ: и дамъ лукавыя вмѣсто погребенія Его, и богатыя вмѣсто смерти* 911 *Его* (Иса. lxxv, 9). Не просто сказалъ: іудеевъ, но *лукавыхъ*. Ибо кто можетъ быть лукавѣе тѣхъ, которые, послѣ столькихъ благодѣяній, убили своего Благодѣтеля? Если бы не произошло этого, если бы вы не опозорили себя теперь, и не лишились всего отеческаго; если бы храмъ вашъ не обратился въ развалины, и ваша судьба не была плачевна выше всякаго описанія, ты могъ бы еще не вѣрить, іудей; но, если вопіють дѣла и пророчество сбылось, то для чего напрасно и попусту упорствуешь? Ибо гдѣ теперь ваша святыня? Гдѣ первосвященникъ? Гдѣ одежда, и слово судное (Исх. xxviii, 15), и явленіе (ст. 30)? Не говори мнѣ о (нынѣшнихъ вашихъ) патріархахъ, — корчемникахъ, торгашахъ, исполненныхъ всякаго беззаконія. Какой тутъ священникъ, скажи мнѣ, когда нѣтъ того древняго помазанія, ни всей прочей святыни? Какой священникъ, скажи мнѣ, когда нѣтъ ни жертвы, ни алтаря, ни богослуженія? Хочешь, расскажу тебѣ законы о священствѣ, по которымъ въ древности были поставляемы (первосвященники), дабы ты зналъ, что нынѣшніе, такъ называемые вами, патріархи не священники, но только носятъ личину священниковъ, и играютъ какъ бы на сценѣ, или даже, не могутъ выдержать и личины, — такъ далеки они, не только отъ истины, но даже отъ ея подобія. Итакъ вспомни, какъ тогда Ааронъ поставленъ былъ священникомъ, сколько Моисей принесъ о немъ жертвъ, сколько заклалъ животныхъ, какъ омылъ его, какъ помазалъ у него край уха, правую руку, правую ногу, потомъ приказалъ ему пребыть внутри (скиніи) назначенное число дней. Но лучше выслушать и самыя слова Писанія. *Сіе, сказано, помазаніе Аароне, и помазаніе сыновъ его* (Лев. viii, 35). *И рече Господь къ Моисею, глаголя: пойми Аарона и сыны его, и ризы ихъ, и елей помазанія, и телца, иже за грѣхъ, и овна, и сонмъ собери предъ двери Скиніи свидѣнія. И рече Моисей къ сонму: сіе есть слово, еже заповѣда Господь. И потомъ приведе ихъ—изложимъ сокращенно—измы я водою, облече въ срачицу, и опояса поясомъ, облече въ исподнюю ризу, возлече верхнюю ризу, опояса его и стисне, и возложи слово, и на слово явленіе и истину, и увязло на главу его, и на*

увясло діцину золоту; потомъ взявъ отъ елея, воскреси отъ него на олтарь, и освяти его и сосуды и умывальницу и стояло, и освяти я, и возлія отъ него на главу Аарону; тоже сдѣлалъ и съ сынами его, и приведе телца. И какъ заклалъ его, то, по возложеніи рукъ Аарона и сыновъ его, взялъ отъ крове и возложи на роги олтаря и очисти олтарь, и кровь пролія на стояло олтаря и освяти его, еже молитися у него. Потомъ, сжегши нѣкоторыя части телца, одеѣ внутри, другія внѣ скиніи, привелъ еще овна и принесъ его во всесоженіе. Далѣе, привелъ другаго овна—совершенія, и, по возложеніи на него рукъ Аарона и сыновъ его, заклалъ его, и взявъ отъ крови его, возложи на край уха Аарона деснаго и на край руки его десныя и на край ноги его десныя; тоже сдѣлалъ и съ сыновьями его. Потомъ, взявъ нѣкоторыя части жертвы, положилъ на руки Аарона и сыновъ его, и такъ принесъ (Богу). И опять взявъ крови и отъ елея, воскреси на Аарона, и на ризы его, и на сыны его, и на ризы сыновъ его. И освятилъ ихъ, и повелѣлъ сварить мясо во дворѣ скиніи и тамъ съѣсть его. И изъ дверей скиніи свидѣнія да не изыдите, сказалъ онъ, семь днѣй, дондеже день скончается, день совершенія вашего. Въ семь бо днѣй совершите руки ваша (Лев. viii, 1 и сл.). Итакъ, когда (Писаніе) говоритъ, что Ааронъ такимъ образомъ поставленъ, такимъ образомъ очищенъ, такимъ образомъ освященъ, такимъ образомъ умиловитъ Бога, а теперь ничего этого не бываетъ,—ни жертвы, ни всесоженія, ни возліянія крови; ни помазанія елеємъ; когда нѣтъ и скиніи свидѣнія, и нынѣшній священникъ іудейскій не пребываетъ опредѣленнаго числа дней въ святилищѣ; то очевидно, что онъ и не совершенъ, и не чистъ, и беззаконенъ, и скверенъ, и прогнѣвляеть Бога. Ибо, если священникъ не иначе могъ быть поставленъ, какъ такимъ образомъ, то очевидно, что у нихъ нѣтъ священства, когда нѣтъ этихъ обрядовъ. Видишь, я справедливо сказалъ, что они далеко уклонились не только отъ истины, но и отъ самаго подобія ея.

6. Впрочемъ, не только изъ этого, но и изъ другого еще можно узнать, какъ почтенно было достоинство священства. Такъ, когда нѣкоторые нечестивые и зловредные люди возстали противъ Аарона, покушаясь лишить его начальства, и оспаривая у него честь, кротчайшій Моисей, желая вразумить ихъ самымъ дѣломъ, что онъ не потому возвелъ Аарона въ это достоинство, что онъ ему братъ, родной и свой человѣкъ, но что вручилъ ему священство, повинувшись опредѣленію Божію,—повелѣлъ принести по жезлу каждому колѣну, а также и Аарону. Когда принесли, онъ взявъ всѣ жезлы, положилъ ихъ въ скиніи, и, положивъ тамъ,

повелѣлъ ожидать Божія рѣшенія чрезъ эти жезлы. И вотъ, когда всѣ жезлы остались въ томъ же видѣ, одинъ Аароновъ вдругъ прозябъ, покрылся листьями и плодами, дабы познали, что Владыка природы опять рукоположилъ (Аарона), употребивъ листья вмѣсто письменъ. Ибо, кто сказалъ въ началѣ: *да произраститъ земля быліе травное*, и возбудилъ силу ея къ плодоношенію, Тотъ заставилъ прозябнуть и это древо, сухое и бесплодное, безъ земли и корня. И былъ уже тотъ жезлъ обличеніемъ и свидѣтельствомъ какъ злобы тѣхъ людей, такъ и суда Божія, не издавая голоса, но самымъ видомъ сильнѣе трубы вразумляя всѣхъ, чтобы впредь не покушались на подобныя дѣла. И не только этимъ, но и другимъ еще образомъ Богъ рукоположилъ Аарона. Когда многіе, возмущившись, захотѣли Аароновой чести (власти, какъ-то домогаются и желаютъ многіе),—Моисей опять повелѣлъ имъ принести кадилаыцы, положить въ нихъ еиміама, и ждать рѣшенія 913
свыше. И когда они воскурили еиміамъ, земля разверзлась, поглотила всѣхъ соучастниковъ ихъ, а взявшихъ кадилаыцы сожегъ небесный огонь. А чтобы это съ теченіемъ времени не забылось и потомки знали о дивномъ рѣшеніи Божиѣмъ, Моисей повелѣлъ кадилаыцы тѣ повѣсить около жертвенника, дабы, какъ жезлъ и безъ голоса говорилъ своимъ видомъ, такъ и эти дщицы всѣмъ потомкамъ говорили, внушали и совѣтовали не подражать въ безуміи предкамъ, чтобы не потерпѣть одинаковаго съ ними наказанія. Видишь, какъ въ древности рукополагались священники? А теперь у іудеевъ все дѣтскія игрушки, все смѣхъ, и срамъ, и корчемничество, все исполнено неизчислимаго беззаконія. Такъ неужели имъ-то послѣдуешь ты, скажи мнѣ, имъ, которые всегда усиливаются и дѣлаютъ и говорятъ только противное законамъ Божиимъ? Въ ихъ-то синагоги бѣжишь? И не боишься, что упадетъ съ неба молнія и сожжетъ твою голову? Развѣ не знаешь, что, хотя бы кто и не разбойничалъ, но только оказался въ вертепѣ разбойниковъ, подвергается одинаковому съ ними наказанію? И что говорить о разбойникахъ? Вы всѣ, конечно, знаете и помните, что, когда нѣкоторые негодяи и обманщики низвергли у насъ (царскія) статуи, то не только эти преступники, но и всѣ, кто только оказался при этомъ, были схвачены вмѣстѣ съ ними, отведены въ судилище, и потерпѣли жестокое наказаніе? А ты тропишься, скажи мнѣ, бѣжать туда, гдѣ оскорбляется Отецъ, хулятся и Сынъ, гдѣ уничижается Святыи и Животворящій Духъ? И не боишься, не трепещешь, входя въ эти мерзкія и нечистыя мѣста? Какое же будешь имѣть оправданіе, скажи мнѣ, какое извиненіе, когда самъ добровольно толкаешь себя въ бездну и бросаешься въ пропасть? Не говори мнѣ, что тамъ лежитъ законъ

и книги пророковъ: этого не довольно для освященія мѣста. Чтò важнѣе, то ли, когда (священныя) книги лежатъ въ (извѣстномъ) мѣстѣ, или то, когда (люди) говорятъ о томъ, что содержитсяъ въ этихъ книгахъ? Очевидно то, когда и говорятъ и размышляютъ о содержащемся въ книгахъ. Чтò же, скажи мнѣ, когда діаволь говорилъ отъ Писанія, не ужели освятились уста его? Нельзя сказать этого: онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, діаволомъ. А демоны? И они проповѣдывали и говорили: *сїи чело́вѣцы раби Бога Вышняго суть, иже возъста́ютъ вамъ путь спасенія* (Дѣян. хvi, 17): ужели поэтому поставимъ ихъ въ ряду апостоловъ? Никакъ; напротивъ, мы также (какъ и прежде) отвращаемся ихъ и ненавидимъ. Такъ даже произношеніе (священныхъ) словъ не освящаетъ; а книги тѣмъ, что лежатъ, освящаютъ? Какъ же это возможно? За то-то особенно и ненавижу синагогу, что въ ней лежатъ законъ и пророки, и ненавижу теперь болѣе, чѣмъ когда бы въ ней не было ихъ. А почему? Потому что это служитъ сильною приманкою, большимъ соблазномъ для простыхъ душъ. Поэтому-то и Павелъ скорѣе изгналъ демона, когда онъ заговорилъ, чѣмъ когда бы онъ молчалъ: *стуживъ же си*, сказано, *духови рече: изыди изъ нея* (ст. 18). За что? За то, что кричалъ: *сїи чело́вѣцы раби Бога Вышняго суть*. Храня молчаніе, (демоны) не такъ бы прельщали; но, говоря, они увлекали бы многихъ 914 слабыхъ людей, и заставляли бы слушать себя и въ другихъ случаяхъ. Чтобы отворить дверь своимъ обманамъ и придать жи больше благовидности, демоны примѣшали къ ней нѣсколько и истины, подобно тому, какъ приготовляющіе ядовитые составы, обмазывая края сосуда медомъ, достигаютъ того, что вредное зелье легко принимается. Вотъ почему особенно Павелъ не стерпѣлъ и поспѣшилъ заградить имъ уста, что они присвоили себѣ не принадлежавшее имъ достоинство. И я за то ненавижу іудеевъ, что они имѣютъ законъ, но нарушаютъ его, и тѣмъ стараются обольстить простодушныхъ. Они не были бы такъ виновны, если бы отвергали Христа потому, что не вѣрили бы пророкамъ. А теперь они лишили себя всякаго извиненія, говоря о себѣ, что вѣрятъ пророкамъ, и однакоже понося Того, о Комъ тѣ пророчествовали.

7. Наконецъ, если ты считаешь мѣсто святымъ отъ того, что тамъ лежатъ законъ и книги пророческія, то тебѣ уже придется считать святыми и идоловъ и храмы идольскіе. Случилась нѣкогда у іудеевъ война; азотяне, побѣдивъ ихъ, взяли ковчегъ, и внесли его въ свое святилище (1 Цар. v). Такъ ужели ихъ храмъ сталъ святъ отъ того, что въ немъ былъ ковчегъ? Нѣтъ, онъ остался мерзкимъ и нечистымъ, и это тотчасъ оказалось на дѣлѣ. Чтобы

враги узнали, что побѣда ихъ произошла не отъ слабости Бога, но отъ нечестія служившихъ Ему, ковчегъ, и взятый въ плѣнъ, въ чужой землѣ показалъ свою силу, дважды повергши идола на землю такъ, что онъ разбился. Ковчегъ не только не освятилъ мѣста, но еще противоборствовалъ этому мѣсту. Притомъ же, какой теперь ковчегъ у іудеевъ, когда у нихъ нѣтъ ни очищения, ни помазанія, ни скрижалей завета, ни святаго святыхъ, ни заветовъ, ни архіерея, ни оціамъ, ни всесоженія и жертвы, ни всего другого, что дѣлало тогда ковчегъ досточтимымъ? Мнѣ кажется, этотъ (нынѣшній) ковчегъ ихъ ничѣмъ не лучше, и даже гораздо хуже тѣхъ сундуковъ, которые продаются на площади: эти нисколько не могутъ вредить подходящимъ, а тотъ ежедневно наноситъ великій вредъ приближающимся къ нему. *Братья, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте* (1 Кор. xiv, 20); и тѣхъ, кто питаетъ страхъ къ этимъ вещамъ, освободите отъ этого неумѣстнаго страха, и вразумите, чего должно страшиться и бояться,—не ковчега этого, но того, чтобы не разрушить храмъ Божій хожденіемъ въ синагогу, привязанностію къ іудейству, этимъ безвременнымъ соблюденіемъ (іудейскихъ обрядовъ). Ибо сказано: *уже закономъ оправдастеся, отъ благодати отпадете* (Гал. v, 4). Вотъ чего нужно бояться, какъ бы вамъ въ тотъ день не услышать отъ Того, Кто будетъ судить васъ: *отступите, не вѣмъ васъ* (Лук. xiii, 27); потому что вы сообщались съ распявшими Меня, вопреки Моей волѣ, возстановляли праздники, которые Я отмѣнилъ, и бѣгали въ синагоги іудеевъ, которые незаконно поступили со Мною. Я разрушилъ ихъ храмъ, превратилъ въ развалины это святилище, содержавшее въ себѣ страшныя вещи; а вы оказывали почтеніе такимъ храминамъ, которыя ничѣмъ не лучше корчемницъ и разбойничьихъ вертеповъ. Если уже тогда, когда были херувимы, когда былъ ковчегъ, еще когда обитала (въ храмѣ іудейскомъ) благодать Духа, Господь говорилъ, въ одномъ мѣстѣ: *вы сотвористе и вертепы разбойниковъ* (Матѣ. xxi, 13), въ другомъ: *домъ купли* (Іоан. ii, 19), (и назвалъ его такъ) за беззаконія и убійства іудеевъ; то теперь, когда оставила ихъ благодать Духа и уничтожена вся ихъ святость, а они между тѣмъ, вопреки волѣ Божіей, совершаютъ свое незаконное служеніе, чѣмъ назвать (ихъ) синагоги, какъ найти достойное ихъ имя? Если (храмъ) былъ вертепомъ разбойниковъ уже тогда, когда еще содержалъ свой уставъ; то теперь, назовешь ли его любодѣйнымъ домомъ, мѣстомъ ли беззаконія, жилищемъ ли демоновъ, крѣпостію ли діавола, губителемъ ли душъ, пропастью ли и рвомъ совершенной гибели, или какъ бы то ни было, все не назовешь такъ, какъ онъ заслуживаетъ. Желаетъ

видѣть храмъ? Не бѣги въ синагогу, но будь самъ храмомъ. Богъ разрушилъ одинъ храмъ въ Іерусалимѣ, и воздвигъ тысячи храмовъ, которые гораздо досточтимѣе того: *вы есте храмъ Бога живаго*, сказано (2 Кор. vi, 16). Укрась этотъ домъ, изгони (изъ себя) всякій злой помыслъ, чтобы тебѣ содѣлаться почетнымъ членомъ Христовымъ, чтобы быть храмомъ Духа; сдѣлай и другихъ такими же. Видя бѣдныхъ, вы не хотите пройти мимо ихъ; такъ, и видя бѣгущаго въ синагогу, не пропускай его, но удержи словомъ, какъ бы уздою, и приведи въ церковь. Эта милостыня больше той и прибыль отъ нея больше десяти тысячъ талантовъ. И что говорю—десяти тысячъ талантовъ? (Больше) всего видимаго міра, такъ какъ и человѣкъ дороже всего міра: для него созданы и небо, и земля, и море, и солнце, и звѣзды. Подумай же о достоинствѣ того, кого можешь спасти, и не оставь попечись о немъ. Хотя бы кто роздалъ тысячи денегъ, онъ сдѣлаетъ не столько, сколько тотъ, кто спасаетъ душу, отводитъ отъ заблужденія и руководить къ благочестію. Подавшій убогому утолить голодъ, а исправившій іудействующаго прекратить нечестіе; тотъ облегчитъ бѣдность, этотъ остановитъ беззаконіе; тотъ избавитъ тѣло отъ муки, этотъ исхититъ и душу изъ геенны. Я показалъ сокровище, не потеряйте прибыли. Здѣсь нельзя жаловаться на бѣдность, нельзя ссылаться на нищету: вся трата въ словахъ, вся издержка въ рѣчахъ. Такъ не полѣнмся, но со всѣмъ усердіемъ и ревностію будемъ уловлять нашихъ братьевъ, и, привлекиши ихъ—даже противъ воли—въ свои дома, предложимъ имъ обѣдъ и сегодня же раздѣлимъ съ ними трапезу, чтобы они, у насъ же на виду разрѣшивъ постъ, и давъ намъ достаточное свидѣтельство и удостовѣреніе въ своей перемѣнѣ на лучшее, сдѣлались виновниками вѣчныхъ благъ для себя и для насъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

916

НЕ ПРЕСЫТИЛИСЬ ли вы уже борьбою съ іудеями? Или хотите, чтобы и сегодня занялись мы тѣмъ же предметомъ? Хотя много уже сказано и прежде, однако вы, кажется мнѣ, желаете еще слышать о томъ же предметѣ; ибо, кто не пресыщается любовію ко Христу, тотъ никогда не пресытится и войною съ врагами Его. Кромѣ того, это (противъ іудеевъ) слово необходимо для насъ и по другой причинѣ: еще есть остатки ихъ

праздниковъ. Какъ трубы ихъ были незаконныѣ позорищныхъ, и посты безчестнѣ пьянства и всякаго пированія, такъ и кущи, которыя они теперь строятъ, нисколько не лучше корчемницъ, въ которыхъ водятся женщины распутныя и играющія на флейтѣ. И пусть никто не считаетъ этихъ словъ за дерзость: напротивъ, было бы крайнею дерзостью и нечестіемъ иначе думать объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не произнести (объ іудеяхъ) такого приговора, когда они упорствуютъ противъ Бога и противятся Св. Духу? Праздникъ этотъ былъ нѣкогда досточтимъ, когда совершался по закону и по Божію повелѣнію, а теперь уже не то: все достоинство его уничтожено тѣмъ, что онъ совершается вопреки волѣ Божіей. И однако же тѣ, которые наиболѣе нарушаютъ и законъ и древніе праздники, тѣ думаютъ о себѣ, что они теперь лучше всѣхъ соблюдаютъ ихъ; тогда какъ болѣе всѣхъ почитаемъ законъ мы, которые оставляемъ его въ покоѣ, какъ старца, не влечемъ его на старости на поле битвы и не принуждаемъ сражаться не во-время. А какъ мы достаточно уже доказали и прежде, что теперь не время закона и древняго порядка вещей, то сегодня рассмотримъ и остальное. Довольно уже я на основаніи всѣхъ пророковъ доказано, что совершать такіе праздники внѣ Іерусалима есть незаконіе и нечестіе; ибо, если бы и справедливо было то, о чемъ всегда съ хвастовствомъ толкуютъ (іудеи), т. е. что они снова получаютъ городъ, и тогда они не могли бы быть свободными отъ обвиненія въ нарушеніи закона. Но мы вполне доказали и то, что городъ ихъ никогда не будетъ возстановленъ и они уже не получаютъ опять своего (древняго) устройства. А когда это доказано, то очевидно стало и все прочее, то есть, что не можетъ стоять никакой видъ жертвы, ни всесожженіе, ни сила закона, ни что-либо другое изъ того (древняго) учрежденія. Во-первыхъ, законъ повелѣвалъ всякому человѣку мужескаго пола приходить во храмъ трижды въ годъ; но это уже не возможно, когда храмъ разрушенъ. Затѣмъ, онъ повелѣвалъ, чтобы сѣменоточивый, прокаженный, жена въ мѣсячной (болѣзни) и родильница приносили жертвы: и это также не возможно, когда нѣтъ мѣста и не существуетъ жертвенника. Повелѣвалъ онъ пѣть священныя пѣсни; но мы прежде уже доказали, что и это ограничено мѣстомъ и что пророки осуждаютъ (іудеевъ) за то, что они читали законъ и произносили исповѣданіе внѣ (Іерусалима). Итакъ, если нельзя было даже читать законъ внѣ города, то какъ же можно исполнять его внѣ города? Посему-то Господь и говорилъ въ угрозу имъ: *и не при-
стишу на дщери ваша, егда соблюдаютъ, и на невесты ваша, егда
возлюбодятъ* (Ос. IV, 14). Что же это значить? Постараюсь объяснить, прочитавъ вамъ древній законъ. Какой же это законъ?

Мужа, аще преступитъ жена его, и презирающа презритъ его, и будетъ кто съ нею ложе съмене, и утаится отъ очю мужа ея, и свидѣтеля не будетъ на ню, и сія нѣсть ята, и приидетъ на него духъ ревнованія, она же осквернена есть (Числ. v, 12—14). Эти слова (закона) вотъ что значать: если жена совершитъ любодѣяніе и мужъ станетъ подозрѣвать ее въ прелюбодѣянїи, или если она и не совершитъ любодѣянїя, но онъ будетъ подозрѣвать ее въ томъ, между тѣмъ не будетъ ни свидѣтеля, ни беременности, которая бы изобличала ее; тогда *да приведетъ ее къ жерциу, сказано, и да принесетъ даръ за ню—мукѣ ячмыя* (Числ. v, 15). Отчего же не крупчатой и не пшеничной, а ячменной? Такъ какъ дѣло идетъ о несправности, обвиненїи и подозрѣнїи въ худомъ поступкѣ; то и наружный видъ жертвы согласовался съ домашнимъ несчастїемъ. Поэтому (законъ) говорить: *да не возлѣтъ на ню елеа, ниже да возложитъ на ню ливана*. Потомъ (скажемъ короче) *приведетъ ю жрецъ, и возметъ воду чисту въ сосудъ глинянъ, и отъ персти на земли сущія возьмъ, да всыплетъ въ воду: и да поставитъ жену и заженетъ ю, и речетъ: аще нѣси преступила осквернитися подъ мужемъ твоимъ, невинна (здрава) буди отъ воды обличенія. Аще же преступила и осквернена еси, и даде кто тебѣ ложе свое, кромѣ мужа твоего: да дастъ тя Господь въ клятву и проклятїе среди людей твоихъ*. Что значить: въ клятву и проклятїе? То, что стануть говорить: о, если бы со мною не случилось того, что случилось съ этой женой! *Внегда дати Господу чреву твоему разспстися: и выидетъ вода клятвенная, еже расторгнути утробу твою: и отвѣщаетъ жена: буди, буди. И будетъ, аще есть осквернена, и выидетъ вода обличенія, и надметъ чрево ея, и будетъ жена въ проклятїе въ людехъ своихъ. Аще же не будетъ осквернена жена, невинна будетъ и плодствовать будетъ сѣмя* (Числ. v, 15 и слѣд.). Итакъ, поелику съ того времени, какъ (іудеи) отведены были въ плѣнъ, ничего этого быть не могло, потому что не было ни храма, ни жертвенника, ни скинїи, ни жертвоприношенїя, то Господь и угрожалъ имъ такими словами: *не пристыжу на дщери ваша, егда соблюдаютъ, и на невѣсты ваша, егда возлюбуютъ* (Ос. iv, 14).

2. Видишь ли, что законъ заимствуетъ силу отъ мѣста? А отсюда видно уже и то, что не можетъ быть и священника, когда нѣтъ города. Какъ нельзя быть царю, когда нѣтъ ни войска, ни діадимы, ни порфиры, ни другихъ принадлежностей царской власти; такъ не возможно быть и священнику, когда упразднена жертва, возбранено приношенїе, разрушено святилище, уничтоженъ весь чинъ (богослуженїя); ибо священство во всемъ этомъ и состояло. Такимъ образомъ, какъ я сказалъ выше, для доказательства, что

не возстановятся ни жертвы вообще, ни всесожженія, ни прочія (жертвы) очищенія, ни другое что либо изъ іудейскаго устройства, до- 918
 статочно уже было показать, что храмъ (іерусалимскій) не будетъ
 возстановленъ. Ибо, какъ теперь, когда его нѣтъ, все уничтожено,
 и если что, повидимому, бываетъ, то дѣлается беззаконно; такъ,
 когда словомъ доказано, что (храмъ) никогда не будетъ возста-
 новленъ въ (прежній) свой видъ, вмѣстѣ съ этимъ доказано и то,
 что и остальное служеніе не придетъ опять въ прежнее положеніе,
 не будетъ (у іудеевъ) ни священника, ни царя. Если уже никому
 изъ племени ихъ, даже частному человѣку, не позволялось слу-
 жить иноземцамъ, тѣмъ болѣе самому царю не позволительно под-
 чиняться чужимъ. Но такъ какъ цѣль нашего труда и заботы
 состоитъ не въ томъ только, чтобы заградить уста іудеямъ, но и
 вразумить вашу любовь; то вотъ мы еще иначе докажемъ то же
 самое, т. е. что ихъ жертвы и священство прекратились, и уже
 не будутъ возстановлены въ прежнее состояніе. Кто говоритъ объ
 этомъ? Дивный и великій пророкъ Давидъ. Желая показать, что
 одна жертва имѣетъ быть отмѣнена, а введется другая, онъ ска-
 залъ такъ: *много сотворилъ еси Ты, Господи Боже мой, чудеса*
Твоя, и помышленіемъ Твоимъ нѣсть кто уподобится Тебѣ. Воз-
вѣстившихъ и глаголахъ (Пс. xxxix, 6). Замѣчай мудрость пророка.
 Сказавъ: *много сотворилъ еси Ты, Господи Боже мой, чудеса*
Твоя, и изумившись чуднымъ дѣламъ Божиимъ, онъ ничего не го-
 воритъ намъ ни о видимой твари,—о небѣ и землѣ, о морѣ, водѣ
 и огнѣ, ни о дивныхъ чудесахъ, совершившихся въ Египтѣ, ни
 о другихъ подобныхъ знаменіяхъ, но что называетъ дивнымъ?
Жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси (ст. 7). Что говоришь,
 скажи мнѣ; это ли дивно и чудно? Никакъ, говорить. Просвѣщен-
 ный свѣте, онъ пророческими очами видѣлъ не это одно, но и
 обращеніе (къ вѣрѣ Христовой) язычниковъ,—какъ они, предан-
 ные (ложнымъ) богамъ, поклонявшіеся камнямъ и бывшіе хуже
 бессловесныхъ, вдругъ прозрѣли и познали Владыку всѣхъ, и,
 оставивъ скверное служеніе демонамъ, стали совершать чистое и
 безкровное служеніе Богу; видѣлъ еще, что не только язычники,
 но и іудей, изъ болѣе простодушныхъ, оставивъ жертвы и все-
 сожженія и прочіе чувственные обряды, обратились къ нашему
 любу мудрѣ; и размысливъ о неизреченномъ человѣколюбіи Бо-
 жіемъ, превосходящемъ всякій умъ, и изумившись тому, какая
 произошла переменѣ въ дѣлахъ и какъ Богъ преобразилъ все,
 какъ людей изъ демоновъ сдѣлалъ ангелами и ввелъ (между ними)
 образъ жизни, достойный неба (а все это сбылось тогда, когда
 была отмѣнена древняя жертва и введена другая жертва тѣла
 Христова),—изумившись и удивившись этому, (пророкъ) сказалъ:

много сотворилъ еси Ты, Господи Боже мой, чудеса Твоя. А (чтобы показать), что онъ произнесъ все это пророчество отъ лица Христова, Давидъ въ словахъ: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, прибавилъ: тѣло же совершилъ ми еси, разумѣя тѣло Владычнее, общую за вселенную жертву, которая очистила наши* 919 *души, разрѣшила грѣхи, уничтожила смерть, отверзла небеса, показала намъ многія и великія надежды и все прочее устроила. Видя это, и Павелъ воскликнулъ такъ: о глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Римл. хі, 33). Провидя все это, (Давидъ) и сказалъ: *много сотворилъ еси Ты, Господи Боже мой, чудеса Твоя*. Потомъ, сказавъ отъ лица Христова: *всесожженій (и жертвы) о грѣсъ не взыскалъ еси, онъ присовокупилъ: тогда рѣхъ: се прииду* (Пс. хххix, 7, 8). *Тогда*—когда же? Когда наступитъ время совершеннѣйшаго ученія; ибо менѣе совершенному (люди) должны были научиться отъ рабовъ Его, а возвышеннѣйшему и превышающему природу человѣческую отъ Самого Законодателя. Посему-то и Павелъ сказалъ: *многочастнъ и многообразнъ древле Богъ глаголаемый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынъ, егже положи наслѣдника въспъ, имже и вѣки сотвори* (Евр. і, 1, 2). И Іоаннъ также: *законъ Моисеевъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть* (Іоан. і, 17). Значить, величайшая заслуга закона и въ томъ, что онъ приготовилъ природу человѣческую для этого Учителя. Потомъ, дабы ты не подумалъ, будто (Христосъ) есть новый Богъ и вводитъ какое нибудь новшество, вотъ что говорить: *въ главизнѣ книжнѣ писано есть о Мнѣ* (ст. 8). То есть, пророки преждевременно предвозвѣстили Мое пришествіе, и въ самомъ началѣ священныхъ книгъ открыли людямъ познаніе о Моемъ Божествѣ.

3. Такъ, когда Богъ говорить въ началѣ творенія: *сотвори мѣ человекъ по образу ншему и по подобию* (Быт. і, 26), то гадательно открываетъ намъ Божество Сына, къ Которому Онъ обращаетъ рѣчь. Потомъ, желая показать, что новое не противно прежнему учрежденію, но что была воля Божія и на то, чтобы та жертва прекратилась и на мѣсто ея введена была эта (тутъ было въ самомъ дѣлѣ стремленіе къ улучшенію, а не противорѣчіе и не борьба), Давидъ къ словамъ: *въ главизнѣ книжнѣ писано есть о Мнѣ*, присовокупилъ: *еже сотворити волю Твою, Боже мой, восхотѣлъ и законъ Твой посресть чрева моего*. Затѣмъ, чтобы изъяснить, въ чемъ состоитъ воля Божія, онъ, не упоминая о жертвахъ, всесожженіяхъ и приношеніяхъ, о трудахъ и тяжкихъ подвигахъ, говорить: *благостихъ правду въ Церкви величій* (ст. 10). Что значить: *благостихъ правду*? Не сказалъ онъ просто:

я далъ, но: *благостьмихъ*. Что же это значить? То, что (Христосъ) оправдалъ родъ нашъ, не за добрыя дѣла, не за труды, не за удовлетвореніе (правосудію Божію), но единою благодатию. Это-то объясняя, и Павелъ сказалъ: *нынѣ же кромѣ закона правда Божія явися* (Рим. III, 2): правда же Божія (достигается) вѣрою Иисуса Христа, а не какими либо трудами и усиліями. Эти же слова (Давида) приводитъ онъ въ свидѣтельство, когда говоритъ, *спѣнь бо имый законъ грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей, на всякое лѣто тѣми же жертвами, ихже приносятъ выны, никогда же можетъ приступающихъ совершити. Тѣмже входя въ міръ, глаголетъ: жертвы и приношенія не восхотѣхъ еси, тѣло же совершилъ ми еси* (Евр. X, 1. 5), разумѣя здѣсь пришествіе Единороднаго въ міръ, домостроительство воплощенія. Ибо Онъ пришелъ къ намъ не такъ, чтобы перемѣнить одно мѣсто на другое (какъ сказать это о вездѣсущемъ и все наполняющемъ?), но такъ, что явился намъ во плоти. Но такъ какъ у насъ борьба не съ іудеями только, но и съ язычниками и многими изъ еретиковъ, то раскроемъ вамъ глубже, какой здѣсь смыслъ, и изслѣдуемъ, почему Павелъ, имѣя тѣмъ свидѣтельствъ, доказывающихъ упраздненіе закона и древняго учрежденія, упомянулъ именно объ этомъ. Не просто же и не случайно онъ сдѣлалъ это, но по какой-нибудь неизреченной мудрости и основанію. А что онъ могъ, если бы захотѣлъ, привести и другія болѣе обширныя и разительныя свидѣтельства о томъ же предметѣ, въ этомъ всѣ будутъ согласны. Вотъ и Исаія говоритъ: *нѣсть воля Моя въ васъ; исполненъ есмь всесоожженій овнихъ, и тука агнецъ и крове юнцевъ и козловъ не хочу. Ниже приходите явитися Ми: кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ? и аще принесете Ми семидалъ всуе: кадило, мерзость Ми есть* (Иса. I, 11 — 13). Онъ же въ другомъ мѣстѣ: *Не нынѣ призвахъ тебе, Іакове, ниже трудитися сотворишъ тя, Израилю. Ни въ жертвахъ твоихъ прославилъ Мя еси, и не послужилъ Мнѣ въ дарахъ твоихъ, ниже утруждена сотворишъ тя въ Ливанѣ: не купилъ еси Мнѣ на сребро еиміама* (Иса. XLIII, 22, 23). И Іеремія: *Вскую Мнѣ кадило отъ Савы приносите и кинамонъ отъ земли дальнія; всесоожженія ваша не суть пріятна* (Іер. VI, 20); онъ же: *всесоожженія ваша соберите со жертвами вашими, и изыдите мяса* (VII, 21). Другой пророкъ такъ сказалъ: *отстави отъ мене гласъ пѣсней твоихъ, и пѣсни органовъ твоихъ не послушаю* (Амос. V, 23). И еще въ другомъ мѣстѣ, когда іудеи говорили: *еда пріиметъ Господь во всесоожженіяхъ, дамъ ли первенцы моя о нечестіи моемъ, плодъ утробы моея за грѣхи души моея* (Мих. VI, 7), пророкъ укоряя ихъ, сказалъ: *возвѣстися тебѣ, человѣче,*

что добро, или чегого Господь ищетъ отъ тебе, развѣ еже творити судъ и правду, и любити милость, и готову быти еже ходити съ Господомъ Богомъ твоимъ (ст. 8). И Давидъ такъ говорилъ: не прииму отъ дому твоего телцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ (Пс. хлх, 9). Почему же, имѣя возможность указать на столь многія свидѣтельства, въ которыхъ Богъ видимо отвергаетъ оныя (іудейскія) жертвы, новомѣсячія, субботы, праздники, (апостолъ), оставивъ всѣ тѣ свидѣтельства, упомянулъ объ этомъ одномъ? Не безъ причины и не случайно, но вотъ почему. Многіе изъ невѣрныхъ, и даже изъ самыхъ іудеевъ, ратуя противъ насъ, говорятъ, что древняя религія отмѣнена не по несовершенству своему, и не потому, что введена лучшая наша (христіанская) религія, но по развращенію тѣхъ, которые приносили тогда жертвы. Такъ Исаія говоритъ: *егда прострете руки ваша, отверающу очи Мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ* (Ис. 1, 15). Потомъ представляя причину, присовокупляетъ: *руки бо ваша исполнены крове*. Здѣсь не жертвы обвиняются, но обличается нечестіе приносящихъ; и Богъ потому не принималъ жертвъ, что (іудеи) приносили ихъ нечистыми руками. И Давидъ, сказавъ: *не прииму отъ дому твоего телцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ*, прибавилъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и восприѣмлеши заветъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отвергъ еси словеса Моя вснать. Аще видѣлъ еси татя, текъ еси съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ участіе твое полагалъ еси. Уста твоя умножиша злобу, и языкъ твой сплеташе лъзнія: сѣдя на брата твоего клеветалъ еси, и на сына матери твоея полагалъ еси соблазнъ* (Пс. хлх, 16—20). Отсюда видно, что Богъ здѣсь отвергъ жертвы не безъ причины, но потому, что іудеи прелюбодѣйствовали, крали, строили ковы братьямъ. Да и каждый, говорятъ, изъ пророковъ, обвиняя приносящихъ жертвы, даетъ знать, что за это-то Богъ и отвергъ оныя.

4. Такъ говорятъ наши противники, но Павелъ нанесъ имъ сильный ударъ, и достаточно заградилъ безстыдныя уста ихъ этимъ свидѣтельствомъ. Желая доказать, что Богъ отвергъ и упразднилъ іудейскую религію, какъ несовершенную, онъ воспользовался этимъ именно свидѣтельствомъ, въ которомъ нѣтъ обвиненія на приносящихъ жертвы, а отърывается въ наготѣ несовершенство самой религіи. Ибо пророкъ, не обвинивъ іудеевъ ни въ чемъ, просто говоритъ: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ ми еси, всесожженій и о грѣсъ не благоволилъ еси*. А Павелъ, изъясняя это, сказалъ: *отземлетъ первое, да второе поставитъ* (Евр. х, 9). Если бы онъ, сказавъ: *жертвы и*

приношенія не восхотѣлъ еси, замолчалъ, такая рѣчь давала бы (противникамъ) нѣкоторую возможность къ оправданію; но теперь онъ, сказавъ: тѣло же совершилъ ми еси, и указавъ на введеніе другой жертвы, не подалъ уже никакой надежды на возстановленіе прежней. Это самое изъясняя, Павелъ сказалъ: симъ принесеніемъ освящени есмы, о волю Христовой (Евр. x, 10). Аще бо кровь козлія и телчя, и пепелъ юнцій кропящій оскверненныя освящаетъ къ плотскій чистотѣ: колми паче кровь Христова, иже Духомъ святымъ себе принесе непорочно, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ (Евр. ix, 13. 14). Итакъ этимъ достаточно доказано, что іудейскія жертвы прекращены и никогда уже не возстановятся, а на мѣсто ихъ введена другая жертва. Теперь, наконецъ, прямо и ясно покажемъ изъ самаго Писанія то, что давно мы старались доказать, (то есть), что прежняго священства и нѣтъ уже, и не будетъ опять. Сначала предпошлемъ нѣкоторое предисловіе, чтобы сдѣлать понятнѣе изъясненіе того, о чемъ будетъ рѣчь. Авраамъ, возвратившись изъ Персіи, родилъ Исаака, потомъ этотъ—Іакова; Іаковъ—двѣнадцать патриарховъ, отъ которыхъ произошли двѣнадцать, или вѣрнѣе тринадцать колѣнъ, потому что вмѣсто Іосифа сдѣлались начальниками колѣнъ дѣти его, 922
Ефремъ и Манассія. И какъ по имени каждаго изъ сыновъ Іакова назывались колѣна: Рувимовымъ, Симеоновымъ, Левиннымъ, Іудовымъ, Нефеалимовымъ, Гадовымъ, Асировымъ, Веніаминовымъ; такъ и по именамъ дѣтей Іосифовыхъ, Ефрема и Манассіи, названы были два колѣна, одно Ефремовымъ, а другое—Манассіинымъ. Изъ этихъ тринадцати колѣнъ всѣ другія владѣли полями и большими доходами, всѣ воздѣлывали землю, и исправляли другія житейскія работы; одно колѣно Левіино, почтенное священствомъ, было освобождено отъ житейскихъ дѣлъ, и не обрабатывало земли, не занималось ремеслами и ничѣмъ подобнымъ, но прилежало одному священству и получало отъ всего народа десятину и вина, и пшеницы, и ячменя, и всѣхъ прочихъ плодовъ; всѣ давали (левитамъ) десятину, и въ этомъ заключался ихъ доходъ. Не позволялось священнику быть ни изъ какого другого колѣна. Ибо изъ этого колѣна, то есть, изъ Левіина, былъ Ааронъ, и потомки его по преемству принимали священство, а изъ другихъ колѣнъ никогда не было ни одного священника. Итакъ эти левиты получали отъ тѣхъ (прочихъ колѣнъ) десятины и этимъ питались. Но еще до Іакова и Исаака, при Авраамѣ, когда не было ни Моисея, ни писаннаго закона, когда не явилось еще священства левитскаго, не было ни скинии, ни храма, ни отдѣльных колѣнъ, когда не видно было Іерусалима, и никто еще не получилъ власти править іудейскими дѣлами,

былъ нѣкто Мелхиседекъ, священникъ Бога Вышняго. Этотъ Мелхиседекъ былъ вмѣстѣ и царь и священникъ: ему надлежало быть образомъ Христа, и Писаніе ясно упоминаетъ о немъ. Когда Авраамъ, напавъ на персовъ, и отнявъ изъ ихъ рукъ племянника своего Лота, и взявъ съ собою всю добычу, возвращался послѣ совершенной надъ ними побѣды, то (по этому случаю) Писаніе такъ говоритъ о Мелхиседекѣ: *И Мелхиседекъ, царь салимскій, изнесе хлѣбы и вино: бѣше же священникъ Бога Вышняго. И благослови Авраама и рече: благословенъ Авраамъ Богомъ Вышнимъ, иже созда небо и землю. И благословенъ Богъ Вышній, иже предаде враги твоя подъ руки тебѣ: и даде ему десятину Авраамъ отъ всего* (Быт. xiv, 18—20). Итакъ, если явится какой либо пророкъ и скажетъ, что послѣ Аарона и его священства, послѣ этихъ (іудейскихъ) жертвъ и приношеній, возстанетъ иной священникъ, не изъ того (Левина) колѣна, но изъ другого, изъ котораго никогда не бывало священника, не по чину Ааронову, но по чину Мелхиседекову; то будетъ очевидно, что древнее священство прекратилось, а на мѣсто его введено другое новое; потому что, если бы древнее священство должно было оставаться въ силѣ, ему слѣдовало бы именоваться не по чину Мелхиседекову, но по чину Ааронову. Кто же объ этомъ говоритъ? Тотъ самый, кто говорилъ о жертвахъ; онъ же въ другомъ мѣстѣ, бесѣдуя о Христѣ, вотъ что говоритъ: *рече Господь Господеву моему: сѣди одесную мене* (Пс. cix, 1).

5. Дабы не подумалъ кто, будто это говорится о какомъ-нибудь обыкновенномъ человѣкѣ, говоритъ это не Исаія, не Іеремія, 923 и не другой какой-либо пророкъ изъ частныхъ людей, но самъ царь; а царь (ты знаешь) никого не можетъ назвать своимъ Господомъ, какъ только Бога. Если бы это былъ частный человѣкъ, то иной безстыдный могъ бы сказать, что (Давидъ) говоритъ о человѣкѣ; но теперь, будучи царемъ, онъ конечно не называлъ бы своимъ Господомъ человѣка. Если бы Давидъ говорилъ это о какомъ-нибудь простомъ человѣкѣ, то какъ бы онъ сказалъ, что (этотъ человѣкъ) сѣлъ одесную великой и неизреченной славы (Господа)? Это невозможно. А онъ объ этомъ (лицѣ) говоритъ: *рече Господь Господеву моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ Твоихъ*. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что будто (это лице) слабое и безсильное, Давидъ присовокупилъ: *съ Тобою начало въ день силы Твоея* (ст. 3). А чтобы показать это еще яснѣе, сказалъ: *изъ чрева прежде денницы родишъ Тя*. Но прежде денницы не родился ни одинъ человѣкъ. Ты Іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову (ст. 4). Не сказалъ: по чину Ааронову. Спроси же іудей: если древнее священство не

должно было уничтожиться, то почему (Богъ) ввелъ другого Священника—по чину Мелхиседекову? До этого-то мѣста дошедши Павелъ, смотри, какъ объяснилъ его. Сказавъ о Христѣ, что *якоже и индѣ глаголетъ: Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову*, онъ присоединилъ: *о немже многое нѣмъ слово и не удобъ сказанное глаголати* (Евр. v, 11); потомъ, укоривъ учениковъ,—скажемъ сокращенно,—онъ говоритъ, кто такой Мелхиседекъ, и приводитъ вотъ какую исторію о немъ: *иже срѣте Авраама возвращающаго отъ сѣча царей, и благослови его, емуже и десятину отъ всѣхъ отдѣли Авраамъ*. Затѣмъ, раскрывая значеніе этого образа, говоритъ: *видите же, елика сей, емуже и десятину далъ есть Авраамъ, патріархъ отъ избранныхъ* (Евр. vii, 1, 2, 4). Это сказалъ онъ не просто, но съ тѣмъ, чтобы показать, что наше священство гораздо важнѣе іудейскаго. И это превосходство напередъ уже открывается изъ самыхъ образовъ вещей. Авраамъ былъ отецъ Исаака, дѣдъ Іакова и прадѣдъ Левія; ибо у Іакова былъ сынъ Левій. Отъ Левія получило свое начало іудейское священство. Но этотъ-то Авраамъ, прародитель левитовъ и священниковъ іудейскихъ, предъ Мелхиседекомъ, который былъ образомъ нашего священства, сталъ на мѣстѣ мірянина, и показалъ это двоякимъ образомъ: тѣмъ, что далъ ему десятину, ибо міряне давали священникамъ десятину; и тѣмъ, что получилъ отъ него благословеніе, ибо міряне же получаютъ благословеніе отъ священниковъ. Такъ смотри, сколь велико превосходство нашего священства, когда Авраамъ, патріархъ іудеевъ, прародитель левитовъ, благословляется Мелхиседекомъ и даетъ ему десятину. О томъ и другомъ рассказываетъ Ветхій Заветъ, т. е. и о томъ, что Мелхиседекъ благословилъ Авраама, и о томъ, что Авраамъ далъ ему десятину (Быт. xiv, 19, 20). Это-то самое поставивъ на видъ, Павелъ сказалъ: *видите, елика сей*. Кто? *Мелхиседекъ*, говоритъ, *емуже и десятину далъ есть Авраамъ патріархъ отъ избранныхъ* (Евр. vii, 4). *И пріемлющій убо священство отъ сыновъ левимъ, заповѣдь имущъ, одесатствовати люди по закону, сирѣчь братію свою, и еще и отъ чреслъ Авраамовыхъ изшедшую* (ст. 5). Это значитъ: левиты, іудейскіе священники, имѣли право по закону получать десятину отъ другихъ іудеевъ. Хотя всѣ произошли отъ Авраама, какъ левиты, такъ и остальной народъ, но, не смотря на то, левиты получаютъ десятину отъ братьевъ своихъ. А Мелхиседекъ, не причитаемый родомъ къ нимъ (ибо произошелъ не отъ Авраама, и не отъ колѣна левитскаго, но отъ другого рода), *одесатствова Авраама*, т. е. взялъ отъ него десятину. Но кромѣ этого онъ сдѣлалъ еще и нѣчто другое. Что же такое? *И имущаго обѣтованія Авраама благослови* (ст. 6). Что же, скажешь, это значитъ?

То, что Авраамъ гораздо меньше Мелхиседека. Какъ это? *Безъ всякаго прекословія меньшее отъ бѣльшаго благословляется* (Евр. vii, 7). Значить, если бы Авраамъ, прародитель левитовъ, не былъ меньше Мелхиседека, то этотъ не благословилъ бы того, и тотъ не далъ бы ему десятину. Потомъ, желая показать, что съ Мелхиседекомъ такъ и было, Павелъ прибавилъ: *и да сиче реку, Авраамомъ и Левій, приѣмляй десятины, десятины далъ есть* (ст. 9). Что это значить? То, что самъ Левій, еще не родившись, далъ уже десятину Мелхиседеку въ лицѣ отца своего. *Еще бо, говорить, во чреслахъ отчійхъ баше, егда срѣте его Мелхиседекъ* (ст. 10). Поэтому-то Павелъ и сказалъ напередъ: *да сиче реку*. И чтобы показать, для чего онъ говорилъ объ этомъ, дѣлаетъ вотъ какой выводъ: *аще убо совершенство Левитскимъ священствомъ было: людѣ бо на немъ законени быша: кая еще потреба, по чину Мелхиседекову иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися* (ст. 11)? Что это значить? Если іудейскіе обряды были совершенны и законъ не былъ тѣнію будущихъ благъ, но самъ всему давалъ совершенство и не долженъ былъ уступить (своего мѣста) другому; если прежнее священство не должно было прекратиться и на его мѣсто быть введено новое; то почему пророкъ сказалъ: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Пс. cix, 4)? Надлежало бы сказать: *по чину Ааронову*. Вотъ почему Павелъ говорить: *аще убо совершенство Левитскимъ священствомъ было: кая потреба по чину Мелхиседекову иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися*? Изъ этого видно, что то священство кончилось и на его мѣсто введено новое, гораздо лучшее и возвышеннѣйшее. Если же это справедливо, то справедливо и то, что введется и другое устройство жизни, сообразное съ (новымъ) священствомъ, и законодательство лучшее, именно наше. Это-то доказывая, Павелъ и говорить: *прелагаему бо священству, по нужди и закону премъненіе бываетъ, содѣтель же сихъ есть единъ* (ст. 12; ii, 11). Такъ какъ большая часть постановленій закона касалась обязанностей священства, а прежнее священство было отмѣнено; то очевидно, что, со введеніемъ другого священства, надлежало ввести и лучшее законодательство. Далѣе, объясняя, о комъ это говорится, апостолъ продолжаетъ: *о немже бо глаголются сіа, колѣну иному причастися, отъ негоже никтоже приступи къ олтарю. Явѣ бо, яко отъ колѣна Іудова возсія Господь нашъ, о немже колѣнъ Моисей о священствѣ ничесоже глагола* (Евр. vii, 13, 14). Такимъ образомъ, когда показано, что Христосъ происходитъ отъ этого колѣна, т. е. Іудова, и есть священникъ по чину Мелхиседекову, а Мелхиседекъ гораздо выше Авраама, вмѣстѣ съ этимъ уже вполнѣ

доказано и то, что и другое священство, вводимое вновь, гораздо выше перваго. Ибо, если образъ (Мелхиседекъ) былъ такъ великъ и гораздо славнѣе іудейскаго священства, тѣмъ болѣе самая истина. Это-то доказывая, Павелъ и сказалъ: *и лишше еще явъ есть, яко по подобію Мелхиседекову востаетъ священникъ инъ, иже не по закону заповѣди плотскія бысть, но по силѣ живота неразрушаемаго* (ст. 15, 16). Что это значить: *не по закону заповѣди плотскія бысть, но по силѣ живота неразрушаемаго*? То, что ни одна изъ (Христовыхъ) заповѣдей не была плотскою: Онъ повелѣлъ не овецъ и тельцовъ закалать, но служить Богу душевною добродѣтелию, и въ награду за это предложилъ намъ жизнь, никогда непрестающую. И опять, Онъ Своимъ пришествіемъ воскресилъ насъ, умершихъ отъ грѣховъ, и оживотворилъ, разрушивъ двоякую смерть, смерть грѣха и смерть плоти. Таѣ, поелику Онъ принесъ намъ столь великія блага, поэтому Павелъ и говоритъ: *не по закону заповѣди плотскія, но по силѣ живота неразрушаемаго*.

6. Итакъ этимъ доказано уже и то, что съ переменною священства необходимо надлежало быть переменѣ и закона. Впрочемъ, можно бы это же самое доказать и прямо, и привести еще въ свидѣтели пророковъ, которые говорятъ, что законъ переменится, общественное устройство получить лучшей видъ, и что у іудеевъ никогда уже не будетъ царя. Но такъ какъ надобно говорить столько, сколько можетъ принять слушатель, а не все за одинъ разъ и вдругъ; то, отложивъ это до другого времени, здѣсь теперь окончимъ слово, съ совѣтомъ вашей любви помнить, что (теперь) сказано, и присоединить это къ прежде сказанному. И теперь опять попросимъ о томъ же, о чемъ и прежде просили мы васъ: обратите вашихъ братьевъ ко спасенію, и усердно позаботьтесь о пренебреженныхъ членахъ. Мы не для того поднимаемъ такой трудъ, чтобы только говорить, или слышать рукоплесканія и шумъ, но для того, чтобы уклонившихся возвратить на путь истины. И никто не говори мнѣ: „у меня нѣтъ ничего общаго съ нимъ; дай Богъ мнѣ исправить свои собственныя дѣла“. Никто не можетъ исправить своихъ дѣлъ, не любя ближняго и не заботясь о его спасеніи. Поэтому и Павелъ говоритъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. х, 24), зная, что собственная польза каждаго соединена съ пользою ближняго. Ты здоровъ, но братъ твой боленъ. Итакъ, если у тебя доброе сердце, ты сильно поболѣзнуешь о страждущемъ и станешь подражать въ этомъ блаженному (Павлу), который говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Если мы радуемся, когда подадимъ кому-нибудь двѣ мелкія

монеты и издержимъ на бѣдныхъ нѣсколько серебра; то какое по-
 928 лучшмъ удовольствіе, если успѣмъ спасти души ближнихъ? Какой
 удостоимся награды въ будущемъ вѣкѣ? Ибо и здѣсь мы, сколько
 разъ ни будемъ встрѣчаться съ ними, всегда будемъ чувствовать
 отъ этой встрѣчи великое удовольствіе, припоминая объ оказан-
 номъ имъ добрѣ; и тамъ—на страшномъ судилищѣ, увидѣвъ ихъ,
 получимъ великое дерзновеніе. Какъ люди несправедливые и любо-
 стажательные, похищающіе чужое и дѣлающіе своимъ ближнимъ
 множество зла, когда отойдутъ туда (въ вѣчную жизнь) и уви-
 дятъ обиженныхъ ими (а увидятъ ихъ непременно, какъ показы-
 ваетъ исторія о богатомъ и Лазарѣ), то не въ состояніи будутъ
 ни уста открыть, ни сказать что-нибудь въ свое оправданіе, но
 покрытые стыдомъ и безчестіемъ, отъ лица тѣхъ (обиженныхъ)
 отведены будутъ въ рѣки огня; такъ, напротивъ, тѣ, которые въ
 здѣшней жизни учатъ и наставляютъ (ближнихъ), когда увидятъ
 тамъ, что спасенные ими ходатайствуютъ за нихъ, исполнятся
 великаго дерзновенія. Объясняя это, Павелъ сказалъ: *похваленіе*
вамъ есмь, якоже и вы намъ (2 Кор. i, 14). Когда? Скажи. *Въ*
день Господа нашего Иисуса Христа. И Христосъ убѣждаетъ къ
 этому, говоря: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да,*
егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы (Лук. xvi, 9). Ви-
 дишь, какое великое дерзновеніе будетъ намъ отъ благотвори-
 тельныхъ нами теперь? Если же такіе вѣнцы, такая награда, такое
 воздаяніе только за издержку денегъ; то не большія ли и не важ-
 нѣйшія ли блага будутъ (даны) намъ за помощь, оказанную душѣ?
 Если Тавиоа возвращена отъ смерти къ жизни за то, что одѣвала
 вдовицъ и помогала бѣднымъ; если слезы благодарствованныхъ
 ею снова ввели въ тѣло ея отшедшую душу, когда еще не настало
 воскресеніе; то чего не сдѣлаютъ слезы тѣхъ, которые спасены
 тобою? Какъ эту вдовицу, окруживъ, возвратили отъ смерти къ
 жизни, такъ и тебя тогда окружаютъ спасенные тобою, исходатай-
 ствуютъ тебѣ великое человеколюбіе (Судіи), и исхитятъ тебя изъ
 гееннскаго огня. Зная это, будемъ пламенны и усердны не до на-
 стоящаго только часа, но, вышедши отсюда, воспламените огонь,
 который теперь въ васъ, и устройте спасеніе всего города; а если
 не знаете, кто боленъ, постарайтесь отыскать таковыхъ. Тогда и
 мы будемъ бесѣдовать съ вами охотнѣе, узнавъ по самому опыту,
 что посѣяли не на камень; и вы сами будете усерднѣе къ добро-
 дѣтели. Какъ въ денежныхъ дѣлахъ, получившій прибыли двѣ
 златницы воспламеняется большимъ желаніемъ собрать и скопить
 еще десять и двадцать; такъ бываетъ и съ добродѣтелию: кто
 сдѣлалъ одно доброе дѣло и подвигъ, тотъ отъ этого самаго под-
 вига получаетъ побужденіе и поощреніе къ предпріятію другихъ

(подвиговъ). Итакъ, чтобы намъ и братьевъ спасти, и себѣ приготовить прощеніе во грѣхахъ, а особенно великое дерзновеніе (къ Богу), и, прежде всего другого, содѣйствовать прославленію имени Божія, выйдемъ, вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и домочадцами, на эту ловлю, исхитимъ изъ сѣтей діавола плѣченныхъ имъ въ 927 его волю, и не отстанемъ, пока не сдѣлаемъ все возможное для насъ, будутъ ли они слушаться насъ, или нѣтъ. Впрочемъ не возможно, чтобы они — хрістіане не послушались. А чтобы не было у васъ и этой отговорки, скажу вотъ что: когда ты, истощивъ много словъ и исполнивъ все зависящее отъ тебя, увидишь, что ближній упорствуетъ, отведи его къ священникамъ; они, конечно, при помощи Божіей благодати, поймаютъ добычу; а успѣхъ весь будетъ принадлежать тебѣ, какъ приведшему его. Объ этомъ говорите мужья съ женами, жены съ мужьями, отцы съ дѣтьми, и друзья съ друзьями. Пусть іудеи и тѣ, которые кажутся единомысленными намъ, но (на самомъ дѣлѣ) держатся ихъ образа мыслей, пусть узнаютъ, что мы стараемся, заботимся и неусыпно печемся о нашихъ братьяхъ, которые убѣгаютъ къ нимъ. И, навѣрно, прежде насъ, они прогонятъ отъ себя тѣхъ, которые отъ насъ убѣгаютъ къ нимъ. А скорѣе—никто уже и не осмѣлится отъ насъ перебѣгать къ нимъ, напротивъ, тѣло церкви будетъ чисто. Богъ же, *иже хочетъ всякаго человѣка спасти и въ разумъ истинны прійти* (1 Тим. II, 4), и васъ да укрѣпитъ на эту ловитву, и ихъ да изведетъ изъ этого заблужденія и, спасши всѣхъ вообще, да содѣлаетъ достойными царства небеснаго,—во славу Свою, ибо Ему подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЬМОЕ.

ПРОШЕЛЪ постъ іудейскій, а вѣрнѣе сказать—пьянство іудей- 928 ское. Можно вѣдь и безъ вина упиваться, можно и въ трезвомъ состояніи быть пьянымъ и неистовствовать отъ упоенія. Если бы нельзя было упиваться безъ вина, то пророкъ не сказалъ бы: *горе упивающимся не виномъ* (Иса. XXIX, 9). Если бы нельзя было упиваться безъ вина, Павелъ не сказалъ бы: *не упивайтесь виномъ* (Еф. V, 18). Такъ какъ можно упиваться и инымъ чѣмъ-то, поэтому онъ и сказалъ: не упивайтесь *виномъ*. Можно, дѣйствительно можно упиваться и гнѣвомъ, и нечистою похотію, и сребролюбіемъ, и тщеславіемъ, и безчисленнымъ множествомъ другихъ страстей. Ибо упоеніе есть не иное что, какъ потеря здравыхъ понятій, умоизступленіе, разстройство душев-

наго здоров'я. Итакъ, не только о томъ, кто выпилъ много вина, но и о томъ, кто питаетъ въ душѣ другую страсть, можно сказать, что онъ сильно опьяненъ. Опьяненъ, напр., тотъ, кто любить чужую жену и живетъ съ блудницами. Какъ выпившій много вина и обезсиленный имъ произноситъ неприличныя слова и видитъ одно вмѣсто другого; такъ и объятый нечистою похотію, какъ бы виномъ какимъ, не произноситъ ни одного здраваго слова, а (говоритъ) только срамныя, развратныя, низкія и смѣха достойныя (слова), и видитъ одно вмѣсто другого; слѣнь ко всему, что предъ глазами, а вездѣ только и видитъ ту, къ которой питаетъ страсть, и, подобно помѣшпанному и безумному, въ собраніяхъ и на пиршествахъ, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, о чемъ кто бы ни говорилъ ему, не слышитъ, кажется, ничего, но о ней только и думаетъ, о грѣхѣ только и мечтаетъ; все подозрѣваетъ, всего боится, и ничѣмъ не лучше какого-нибудь животнаго, пораженнаго стрѣлою. Опьяненъ такъ же и одержимый гнѣвомъ, у него и лице раздувается, и голосъ дѣлается хриплымъ, и глаза наполняются кровію, и умъ помрачается, и смыслъ теряется, и языкъ трясется, и взоръ блуждаетъ, и уши слышатъ одно вмѣсто другого, потому что гнѣвъ сильнѣе всякаго вина ударяетъ въ мозгъ и производитъ въ немъ бурю и неукротимое волненіе. Если же опьяненъ всякій одержимый похотію и гнѣвомъ, тѣмъ болѣе опьяненъ и безуменъ человѣкъ нечестивый, оскорбляющій Бога, противящійся Его законамъ и никакъ не хотящій оставить это неразумное упорство; онъ хуже и неистовыхъ, и умоизступленныхъ, хотя самъ, кажется, и не чувствуетъ этого. Опьяненію особенно и свойственно то, что человѣкъ, поступая безчинно, нисколько не чувствуетъ этого; такъ какъ и несчастіе сумасшествія заключается особенно въ томъ, что больные не сознаютъ даже и того, что они больны. Такъ и іудеи, пьянствуя теперь, не чувствуютъ этого. Итакъ ихъ постъ, позорнѣйшій всякаго пьянства, прошелъ; но мы, однакоже, не прекратимъ попеченія о нашихъ братьяхъ, и не будемъ думать, будто не время уже заботиться о нихъ, но поступимъ, какъ поступаютъ воины. По окончаніи сраженія обративъ враговъ въ бѣгство, они, возвращаясь отъ преслѣдованія, не тотчасъ бѣгутъ въ палатки, но напередъ идутъ на мѣсто сраженія, отбираютъ падшихъ своихъ товарищей, и — умершихъ зарываютъ въ землю, а если кого найдутъ между трупами еще дышущимъ и неубитымъ до смерти, того поднявъ уносятъ въ палатки со всею бережливостію, извлекаютъ изъ него стрѣлы, и, позвавъ врачей и отеревъ кровь, даютъ ему лѣкарства, и, употребивъ всѣ другія пособія, возвращаютъ ему здоровье. Такъ и мы, какъ уже прогнали, по милости Божіей, іудеевъ, воору-

живъ противъ нихъ пророговъ, теперь, возвращаясь, посмотримъ во всѣ стороны, не палъ ли кто изъ нашихъ братьевъ, не увлекся ли кто этимъ постомъ, не участвовалъ ли кто въ праздниѣ іудейскомъ; погребенію-то не предадимъ никого, а всѣхъ поднимемъ и выльчимъ. На внѣшнихъ сраженіяхъ воинъ, который разъ палъ и отдалъ душу, не можетъ уже возстать и возвратиться къ жизни; а на этой войнѣ и брани, хотя кто и получить смертельную рану, мы можемъ, если захотимъ, при содѣйствіи благодати Божіей, возвратить его къ жизни. Здѣсь смерть не по природѣ, какъ тамъ, но по свободѣ и произволенію; а умершую волю можно 929 воскресить, мертвую душу можно заставить возвратиться къ своей жизни и познать своего Господа.

2. Не полѣнимся же, братіе, не ослабѣемъ, не потеряемъ бодрости. Никто не говори мнѣ такихъ словъ, что надобно-де было предостеречь и сдѣлать все еще до поста (іудейскаго), а теперь, какъ постъ уже окончился, какъ грѣхъ сдѣланъ, какъ беззаконіе совершено, какая будетъ польза (отъ вразумленія)? Кто знаетъ, что такое попеченіе о братьяхъ, тотъ знаетъ и то, что теперь-то особенно и должно позаботиться и показать все усердіе. Должно не только предостерегать прежде грѣха, но и послѣ паденія подать руку. Если бы и Богъ изъ начала поступалъ такъ, если бы т. е. предостерегалъ только прежде грѣха, а послѣ грѣха отвергалъ (человѣка) и оставлялъ навсегда лежать въ паденія, въ такомъ случаѣ никто изъ насъ не спасся бы никогда. Но Онъ, челоуѣколюбивый и милостивый, и болѣе всего желающій нашего спасенія, не дѣлаетъ этого, но и послѣ грѣховъ (нашихъ) показываетъ (о насъ) великое попеченіе. Такъ Онъ и Адама предостерегъ еще до грѣха, и сказалъ ему: *отъ всякаго древа еже въ рай, съѣдоу съѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не съѣсте отъ него: а въ онѣже аще день съѣсте, смертію умрете* (Быт. II, 16, 17). Вотъ (Богъ) предостерегалъ и легкостію закона, и обиліемъ дозволенныхъ (плодовъ), и строгостію угрожаемаго наказанія, и скоростію его послѣдованія (ибо не сказалъ: спустя одинъ, или два, или три дня, но: въ тотъ самый день, *въ онѣже съѣсте, смертію умрете*), и всякимъ способомъ, какимъ только надлежало предостеречь челоуѣка. Однакоже, когда челоуѣкъ, и послѣ такого попеченія, наученія, вразумленія и облагодѣтельствованія, палъ и не послушалъ повелѣнія, Богъ не сказалъ: „чего еще ожидать больше добра? Какой пользы? (Челоуѣкъ) вкусилъ, палъ, преступилъ законъ, повѣрилъ діаволу, не почтилъ Моей заповѣди, получилъ ударъ, сдѣлался мертвымъ, предался смерти, подпалъ осужденію; къ чему еще говорить съ нимъ?“ Ничего такого не сказалъ Онъ;

напротивъ, тотчасъ пришелъ къ нему, бесѣдовалъ съ нимъ, утѣшалъ его, и далъ ему еще врачевство—трудъ и потъ, и дотолѣ не переставалъ употреблять всѣ мѣры и средства, пока возстановилъ падшую природу, освободилъ отъ смерти, возвелъ на небо, и далъ ей блага бѣльшія потерянныхъ, самымъ дѣломъ показавъ діаволу, что онъ ничего не выигралъ своимъ наветомъ; напротивъ, изгнавъ людей изъ рая, увидить ихъ, спустя немного, на небѣ вмѣстѣ съ ангелами. Такъ же (Богъ) поступилъ и съ Каиномъ. И его остерегалъ и вразумлялъ еще до грѣха, говоря: *согрѣшиша еси, умолкни: къ тебѣ обращеніе его, и ты тѣмъ* (Авелемъ) *обладати будеши* (Быт. iv, 7). Смотри, сколько премудрости и разума! Ты боишься, говоритъ Богъ, чтобы братъ твой, Мною почтенный, не отнялъ у тебя преимущества, принадлежащаго первороднымъ, чтобы не похитилъ принадлежащаго тебѣ первенства (ибо первороднымъ надлежало пользоваться большею честию, нежели родившимся послѣ нихъ). Будь благонадеженъ, не бойся, и не безпокойся объ этомъ: *къ тебѣ обращеніе его, и ты тѣмъ* 930 *обладати будеши*. То есть, оставайся при чести первороднаго, будь брату прибѣжищемъ, покровомъ и защитою, владей и господствуй надъ нимъ; только не вдайся въ убійство, не дойди до беззаконнаго пораженія (брата). Однакоже, Каинъ и послѣ этого не послушалъ и не успокоился, но совершилъ гнусное то убійство, и погрузилъ правую руку свою въ братнюю выю. Что же? Сказалъ ли Богъ: „оставимъ его наконецъ, какого еще ожидать добра? Онъ совершилъ убійство, умертвилъ брата, пренебрегъ Моимъ вразумленіемъ, дерзнулъ на неисправимое и непростительное смертоубійство, послѣ того, какъ столько пользовался такимъ попеченіемъ, наставленіемъ и увѣщаніемъ; все это выбросилъ изъ ума, ни на что не обратилъ вниманія. Такъ пусть же будетъ онъ наконецъ оставленъ и брошенъ, и не удостоится никакого съ Моей стороны попеченія“. Ничего такого Богъ не сказалъ, не сдѣлалъ; напротивъ, еще приходитъ къ нему въ другой разъ, исправляетъ этого человѣка, и говоритъ: *иди есть Авель братъ твой?* (ст. 9). Не оставляетъ его и тогда, какъ онъ отрекается; напротивъ, доводитъ его, и противъ воли, до сознанія въ преступленіи; и когда (Каинъ) отвѣтилъ: *не вѣмъ,—гласъ,* сказалъ (Богъ), *крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (ст. 10); самое дѣло, говоритъ, возвѣщаетъ о смертоубійствѣ. Что же Каинъ? *Вящія вина моя, еже оставитися ми. Аще изгониши мя отъ земли, и отъ лица Твоего скрюся* (ст. 13 и 14). Это значитъ: я согрѣшилъ такъ тяжко, что не заслуживаю извиненія, ни прощенія, ни оставленія вины; но если бы Ты захотѣлъ отмстить мнѣ за содѣянное, то я, лишенный Твоей защиты, да буду под-

лежать всѣмъ (желающимъ убить меня). Что же Богъ? *Не тако: всякъ, убивый Каина, седмижды отмститъся* (ст. 15). Не бойся этого, говорить; ты будешь долго жить, и кто убьетъ тебя, тотъ подвергнется многимъ наказаніямъ (число семь въ Писаніи означаетъ неопредѣленное множество). Такъ какъ Каинъ обреченъ былъ многимъ наказаніямъ,—безпокойству, трясенію, стенаніямъ, унынію и разслабленію тѣла; то умертвившій тебя (Каина), говоритъ Богъ, и освободившій отъ этихъ наказаній, самъ навлечетъ на себя казнь. Слова эти кажутся тяжкими и невыносимыми, однакоже показываютъ великую попечительность. Желая вразумить потомковъ, Богъ избрѣлъ такой способъ наказанія, который могъ и самого Каина очистить отъ грѣха. Если бы Онъ тотчасъ умертвилъ Каина, этотъ умеръ бы, скрывъ свой грѣхъ, и не былъ бы извѣстенъ потомкамъ. Но теперь, оставленный жить долгое время въ трясеніи томъ, онъ сдѣлался учителемъ для всѣхъ, съ кѣмъ ни встрѣчался, самымъ видомъ своимъ и трясеніемъ тѣла убѣждалъ всѣхъ не покушаться на подобныя дѣла, чтобы не потерпѣть такихъ же и наказаній. Съ другой сторонѣ, и самъ онъ дѣлался лучшимъ: ибо трепеть и страхъ, постоянное безпокойство и разслабленіе тѣла удерживали его, какъ бы какою уздою, и не позволяли ему опять впасть въ другое такое же преступленіе, непрестанно напоминали о прежнемъ грѣхѣ, и такимъ образомъ душу его дѣлали болѣе смиренною.

3. Но, между тѣмъ, какъ я говорилъ это, мнѣ пришло на мысль предложить вопросъ: почему Каинъ, хотя исповѣдалъ свой грѣхъ, осудилъ свой поступокъ, и сказалъ о себѣ, что согрѣшилъ непростительно и совершенно не заслуживаетъ извиненія, однакоже не могъ очиститься отъ грѣха (тогда, какъ пророкъ говоритъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися*, Иса. xliii, 26), напротивъ—еще осужденъ? Потому что не сказалъ, какъ повелѣлъ пророкъ. Пророкъ сказалъ не просто: *глаголи ты беззаконія твоя*, но какъ? *Глаголи ты прежде беззаконія твоя*. Главное вотъ въ чемъ: не просто сказать, но сказать первому, не выжидать обличителя и обвинителя. А Каинъ не сказалъ первый, но выждалъ обличенія отъ Бога, да и тогда, какъ Богъ обличалъ его, отрицался. Наконецъ, и сознался въ грѣхѣ уже тогда, когда дѣло рѣшительно обнаружилось, а это уже не исповѣдь. Такъ и ты, возлюбленный, когда согрѣшишь, не выжидай обличенія отъ другого, но прежде, нежели будешь обличенъ и обвиненъ, самъ осуждай свои поступки; потому что, если уже обличить тебя другой, твоя исповѣдь будетъ не твоимъ дѣломъ, но плодомъ сторонняго обличенія. Вотъ почему и другой нѣкто говоритъ: *праведный себе самого оглагольникъ въ первословіи* (Притч.

xviii, 17). Значить, главное дѣло не въ томъ, чтобы обвинять себя, но въ томъ, чтобы обвинять себя первому, а не выжидать обличеній отъ другихъ. Вотъ и Петръ, такъ какъ послѣ тяжкаго своего отреченія (отъ Христа) самъ тотчасъ вспомнилъ о своемъ грѣхѣ и исповѣдалъ свою вину безъ всякаго обличителя,—и *плакася горько* (Матѳ. xxvi, 75); то омылъ свое отреченіе такъ, что сдѣлался даже первымъ между апостолами, и ему ввѣрена была вся вселенная. Но надобно возвратиться къ предмету. Сказанное достаточно показало намъ, что падающихъ братьевъ не должно оставлять безъ попеченія и въ небреженіи; что надобно и предостерегать ихъ до грѣха, и много заботиться о нихъ послѣ грѣха. Такъ дѣлають и врачи: и здоровымъ людямъ говорятъ, что можетъ сохранить ихъ здоровье и отогнать всякую болѣзнь, и не бросаютъ пренебрегшихъ ихъ приказаніями и впадшихъ въ болѣзнь, но тогда-то особенно и показываютъ великую заботливость о томъ, чтобы освободить ихъ отъ болѣзни. Такъ поступилъ и Павелъ: не бросилъ блудника послѣ того грѣха, послѣ того тяжкаго беззаконія, котораго не обрѣтается и между язычниками, но и тогда, какъ онъ отвергалъ узду, не хотѣлъ принять врачевства, скакалъ и отбивался, довелъ его до излѣченія, и довелъ такъ, что опять соединилъ съ тѣломъ Церкви. И не сказалъ самъ себѣ: какого ожидать успѣха, какого добра? Онъ соблудилъ, сдѣлалъ грѣхъ, и не хочетъ отстать отъ разврата, но еще надмился, гордится и дѣлаетъ рану неизлѣчимою; такъ оставимъ его и бросимъ. Ничего такого не сказалъ; напротивъ, по этому-то самому и показалъ особенную заботливость, что видѣлъ его повергшимся въ ужасный развратъ, и не переставалъ устрашать, грозить и наказывать, употреблять всѣ мѣры и средства, и самъ и чрезъ многихъ другихъ, пока не привелъ его къ сознанію грѣха, къ ощущенію беззаконія, и не очистилъ совершенно отъ всякой скверны. Такъ сдѣлай и ты; поревнуй тому евангельскому самарянину, который показалъ столько заботливости о раненомъ. Тамъ шелъ мимо и левитъ, шелъ и фарисей; и ни тотъ, ни другой не наклонился къ лежащему, но оба безъ жалости и состраданія оставили его и ушли. Нѣкій же самарянинъ, нисколько не близкій къ нему, не прошелъ мимо, но, остановившись надъ нимъ, сжалился, и возлилъ на него масло и вино; посадилъ его на осла, привезъ въ гостинницу, и одну часть денегъ отдалъ, а другую общалъ за излѣченіе совершенно чужого ему человѣка (Лук. x, 30—35). И не сказалъ самъ себѣ: какая мнѣ нужда заботиться объ немъ? Я самарянинъ, у меня нѣтъ ничего общаго съ нимъ; мы вдали отъ города, а онъ не можетъ идти. Что, если онъ не въ состояніи будетъ вынести

дальности пути? Мнѣ придется привести его мертвымъ, могутъ заподозрить меня въ убійствѣ, обвинять въ смерти его? Вѣдь многіе, когда, идя по дорогѣ, увидятъ раненыхъ и едва дышущихъ людей, проходятъ мимо не потому, чтобы имъ тяжело было поднять (лежащихъ), или жалко было денегъ, но по страху, чтобы самихъ ихъ не повлекли въ судъ, какъ виновныхъ въ убійствѣ. Но тотъ добрый и человеколюбивый (самарянинъ) ничего этого не побоялся, но, пренебрегши всѣмъ, посадилъ (раненаго) на осла и привезъ въ гостинницу; не страшился онъ ничего: ни опасности, ни траты денегъ, ни другого чего. Если же самарянинъ былъ такъ сострадателенъ и добръ къ незнакомому человѣку, то мы чѣмъ извинимъ свое небреженіе о нашихъ братьяхъ, подвергшихся гораздо большому бѣдствію? Вѣдь и эти (хрістіане), постившіеся нынѣ, впали въ руки разбойниковъ-іудеевъ, которые даже свирѣпѣе всѣхъ разбойниковъ, и дѣлаютъ больше зла тѣмъ, кто имъ попался. Не одежду они разодрали у нихъ, не тѣло изранили, какъ тѣ (разбойники), но изъязвили душу, и, нанеся ей тысячу ранъ, ушли, а ихъ оставили лежать во рвѣ нечестія.

4. Не оставимъ же безъ вниманія такое бѣдствіе, не пройдемъ безъ жалости мимо столь жалкаго зрѣлища, но, хотя бы другіе такъ сдѣлали, ты не дѣлай такъ; не скажи самъ себѣ: я чело-
вѣкъ мірской, имѣю жену и дѣтей, это дѣло священниковъ, дѣло монаховъ. Вѣдь самарянинъ тотъ не сказалъ: гдѣ теперь священники? Гдѣ теперь фарисеи? Гдѣ учителя іудейскіе?—Нѣтъ, онъ, какъ будто нашедши самую великую ловитву, такъ и схватился за добычу. И ты, когда увидишь, что кто-либо нуждается во врачествѣ для тѣла или для души, не говори себѣ: почему не помогъ ему такой-то и такой-то? Нѣтъ, избавь (страждущаго) отъ болѣзни, и не обвиняй другихъ въ безпечности. Если бы ты, скажи мнѣ, нашелъ лежащее золото, то неужели сказалъ бы себѣ: почему такой-то и такой-то не подняли его? Напротивъ, не поспѣшишь ли унести его прежде другихъ? Такъ рассуждай и на счетъ падшихъ братьевъ, и попеченіе о нихъ почитай находкою сокровища. Ибо, если ты на падшаго возлѣзешь, какъ бы масло, слово учительное, если обвяжешь его кротостію, если исцѣлишь терпѣніемъ; онъ обогатитъ тебя болѣе всякаго сокровища. *Аще изведеши, говоритъ Господь, честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будещи* (Іерем. ху, 19). Что можетъ сравниться съ этимъ? Чего не можетъ сдѣлать ни постъ, ни лежаніе на землѣ, ни все-
нощныя бдѣнія, ни другое что-либо, то дѣлаетъ спасеніе брата. Подумай, сколько разъ согрѣшали уста твои, сколько произнесли срамныхъ словъ, сколько извергли богохульствъ, сколько ругательствъ; и все это ты можешь возмѣстити попеченіемъ о падшемъ,

потому что однимъ этимъ добрымъ дѣломъ можешь очистить всю эту скверну. И что говорю очистить? Ты сдѣлаешь свои уста устами Божиими. Что можетъ сравниться съ этою честію? Не я обѣщаю это; самъ Богъ сказалъ, что если хоть одного кого изведешь, уста твои будутъ, какъ Его уста, чисты, святы. Итакъ, не вознерадимъ о братьяхъ, и не будемъ, ходя вездѣ, говорить о томъ, сколь многіе постились, сколь многіе обольщены; но лучше позаботимся о нихъ. Хотя бы многіе и постились, ты, возлюбленный, не разглашай и не выставляй на показъ это несчастіе церкви, по постарайся исправить его. И, если кто скажетъ, что постились многіе, загради ему уста, чтобы этотъ слухъ не распространился; и скажи ему: я же никого не знаю; ты, другъ, обманулся и говоришь неправду; увидѣлъ ты двухъ или трехъ обольстившихся, и говоришь, что ихъ много. Такъ и разглашателю загради уста, да и обольщенныхъ не оставь безъ вниманія, чтобы церкви была великая польза и отъ того, что не распространяется этотъ слухъ, и отъ того, что и сами увлеченные (въ синагоги) опять приходятъ къ священному стаду. Не будемъ же, ходя повсюду, разглашать, кто согрѣшилъ; но постараемся о томъ, какъ бы только намъ исправить согрѣшившихъ. Дурная, истинно дурная привычка — только поносить братьевъ, но не заботиться о нихъ; только разглашать о страданіяхъ больныхъ, но не врачевать ихъ. Искоренимъ же, возлюбленные, эту дурную привычку; потому что она причиняетъ не малый вредъ, и вотъ именно какъ. Кто-нибудь услышалъ отъ тебя, что многіе постились съ іудеями и, ничего не развѣдавъ, передалъ эту вѣсть другому; тотъ, опять не развѣдавъ ничего, пересказалъ объ этомъ другому: такимъ образомъ эта худая молва мало-по-малу распространяется, и съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе и болѣе безславится церковь, а погибшимъ не бываетъ никакой пользы, напротивъ—еще (бываетъ) вредъ и имъ, и многимъ другимъ. Хотя бы ихъ было и немного, но мы, множествомъ рассказовъ, умножаемъ ихъ, и тѣхъ, которые еще стоятъ, ослабляемъ, а близкихъ къ паденію толкаемъ. Братъ, услышавъ, что многіе постились, и самъ будетъ безпечнѣе; равно и слабѣй, услышавъ о томъ же, побѣжитъ ко множеству падшихъ. Итакъ, хотя бы было и много согрѣшившихъ, не станемъ злорадствовать этому несчастію такъ, чтобы разглашать о нихъ и говорить, что ихъ много; но будемъ удерживать отъ этого (и другихъ) и заграждать имъ уста. Не говори мнѣ, что многіе постились, но исправь этихъ многихъ. Я не для того потратилъ столько словъ, чтобы ты поносилъ многихъ, но чтобы многихъ-то сдѣлалъ немногими или даже и этихъ самыхъ немногихъ спасъ. Итакъ не

934 разглашай о грѣхахъ, но врачуй ихъ. Разглашающіе, и только

этимъ однимъ заняты, дѣлають то, что, хотѣ согрѣшившихъ и немного, однакоже считается много: напротивъ, возбраняющіе и заграждающіе уста разглашателямъ, и притомъ пекущіеся о падшихъ, хотя бы этихъ было и много, легко исправляютъ и ихъ самихъ, и никому другому не даютъ потерпѣть вредъ отъ молвы объ ихъ паденіи. Не слышалъ ли ты, что говорилъ Давидъ, оплакивая Саула? *Како падоша силніи? Не възвѣщайте въ Геѡъ, ниже повѣдайте на исходящихъ Аскалонихъ, да не возвеселятся дщери иноплеменичи, ни да возрадуются дщери необръзанныхъ* (2 Цар. 1, 19, 20). Если же Давидъ не хотѣлъ, чтобы разглашалось дѣло явное, дабы не радовались непріатели; тѣмъ болѣе не должно доводить объ этомъ (грѣхѣ христіанъ) до слуха не только чужихъ, но даже и нашихъ, чтобы и враги, слыша о томъ, не радовались, и свои, узнавая, не падали; напротивъ, должно возбранять и всячески удерживать (отъ разглашенія). Не говори мнѣ: я сказалъ лишь такому-то; удержи слово у себя, потому что какъ ты не вытерпѣлъ смолчать, такъ и онъ не сдержитъ себя.

б. Говорю это не только о настоящемъ постѣ, но и о другихъ безчисленныхъ грѣхахъ. Не на то только будемъ смотрѣть, многіе ли увлеклись (ко грѣху), но на то посмотримъ, какъ бы отвести ихъ (отъ грѣха). Не станемъ возвышать дѣла враговъ и унижать наши; не будемъ выказывать враговъ сильными, а свои дѣла слабыми: но поступимъ совершенно наоборотъ. Молва часто и подавляетъ и возбуждаетъ душу; внушаетъ ревность, которой дотолѣ не было, и погашаетъ ту, которая была. Поэтому убѣждаю распространять ту молву, которая возвышаетъ наши дѣла и придаетъ имъ важность, а не ту, которая покрываетъ безславіемъ общество братьевъ. Такимъ образомъ, если услышимъ что доброе, сообщимъ о немъ всѣмъ; а если что худое и дурное, скроемъ это у себя и всячески постараемся искоренить. И теперь вотъ обойдемъ вездѣ, развѣдаемъ, посмотримъ, кто палъ; и, хотя бы надобно было войти въ домъ, не полѣнимся. Если же падшій будетъ тебѣ незнакомый и совсѣмъ чужой человѣкъ, развѣдай и разузнай, кто ему другъ и пріятель, кому онъ больше всего довѣряетъ, и, взявъ этого человѣка, войди въ домъ; не стыдись, не краснѣй. Если бы ты пришелъ просить денегъ и получить отъ него какойнибудь подарокъ, тогда слѣдовало бы стыдиться; но если ты идешь для его спасенія, эта причина твоего прихода освобождаетъ тебя отъ всѣхъ нареканій. Сядь же и поговори съ нимъ, начавъ, впрочемъ, съ другого чего-либо, чтобы не (вдругъ) было примѣтно твое желаніе исправить его. Хвалишь ты, скажи мнѣ, іудеевъ за то, что они распяли Христа, и теперь хулятъ Его, и называютъ беззаконникомъ? Конечно, онъ не рѣшится,

если только онъ христіанинъ, хотя бы и тысячу разъ іудействоваль, не рѣшится сказать: хвалю; напротивъ, зажметъ уши и скажетъ тебѣ: нѣтъ, другъ, говори о чемъ-нибудь другомъ. Потомъ, какъ получишь его согласіе, опять начни и скажи: какъ же ты общаешься съ ними? Зачѣмъ участвуешь въ ихъ праздникѣ? Зачѣмъ постишься вмѣстѣ съ ними? Затѣмъ, осуди ихъ нечестіе, укажи все беззаконіе, которое я изложилъ вашей любви въ предшедшіе дни, и которое обличается и мѣстомъ, и временемъ, и храмомъ, и предсказаніями пророковъ; покажи, что они напрасно и попусту все дѣлають, никогда не получаютъ прежняго (общественнаго) устройства, и что имъ не позволено совершать внѣ Іерусалима ничего такого. А сверхъ этого, напomini о гееннѣ, о страшномъ судилищѣ Господнемъ, о тамошнихъ истязаніяхъ, и о томъ, что за все это мы дадимъ отвѣтъ, и отваживающихся на это ожидаетъ немалое наказаніе. Напomini и о Павлѣ, который говоритъ: *уже закономъ оправдается, отъ благодати отпадетъ* (Гал. V, 4), и опять угрожаетъ: *яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (ст. 2). Скажи еще, что, какъ обрѣзаніе, такъ и постъ іудейскій постыжагося лишаетъ небесъ, хотя бы у него была тысяча другихъ добрыхъ дѣлъ. Скажи, что мы для того и называемся христіанами, чтобы намъ повиноваться Христу, а не для того, чтобы бѣгать къ этимъ врагамъ. Если же онъ укажетъ на какія нибудь врачеванія, и скажетъ тебѣ, что (іудеи) общають вылѣчивать, и поѣтому-то онъ и бѣгаетъ къ нимъ: раскрой ихъ хитрости, чары, привѣски, снадобья. Они не иначе и вылѣчивають, какъ этимъ способомъ; впрочемъ только кажется, что вылѣчивають, а на самомъ дѣлѣ и не вылѣчивають, — совсѣмъ нѣтъ. Я пойду еще далѣе, и скажу вотъ что: если іудеи и точно вылѣчивають, то лучше умереть, нежели прибѣгнуть къ врагамъ Божиимъ, и чрезъ нихъ получить исцѣленіе. Какая, въ самомъ дѣлѣ, польза вылѣчивать тѣло, когда гибнетъ душа? Какая выгода здѣсь (на землѣ) получить нѣкоторое облегченіе, а тамъ быть отосланнымъ въ огонь не угасающій? А чтобы не указывали на эти исцѣленія, послушай, что говоритъ Богъ: *аще возстанетъ въ тебѣ пророкъ, или видяй соніе, и дастъ знаменіе и чудо, и придетъ знаменіе и чудо, еже рече, и скажетъ: идемъ и послужимъ богомъ инымъ: да не послушаете пророка того: яко искушаетъ Господь Богъ васъ, аще любите Господа Бога вашего всѣмъ сердцемъ вашимъ и всею душею вашею* (Второз. xiii, 1—3). Это значить: если какой пророкъ скажетъ: могу воскресить мертвеца, или исцѣлить слѣпого, только послушайте меня, и поклонимся демонамъ, или послужимъ идоламъ; затѣмъ, если бы даже говорящій это исцѣлилъ слѣпого, или воскресилъ мертвого,

не слушай его и послѣ этого. Почему? Потому что Богъ, искушая тебя, попустилъ ему сдѣлать это, не отъ того, чтобы самъ Онъ не зналъ расположенія души твоей, но для того, чтобы дать тебѣ случай доказать, точно ли ты любишь Бога. А любящему свойственно не оставлять любимаго, хотя бы старающіеся отвлечь насъ отъ него воскрешали и мертвыхъ. Если же Богъ такъ говорилъ іудеямъ, тѣмъ болѣе—намъ, которыхъ Онъ привелъ къ высшему любомудрію, которымъ отворилъ дверь воскресенія, которымъ повелѣваетъ не привязываться къ настоящему, но всѣ надежды устремлять къ жизни будущей.

6. Но чтѣ говоришь ты? Что тебя мучить и терзаетъ болѣзнь тѣлесная? Но ты еще не потерпѣлъ столько, сколько блаженный Іовъ, (не потерпѣлъ) даже и малѣйшей части (страданій) его. У него послѣ того, какъ вдругъ погибли стада овецъ и воловъ и все прочее (имущество), похищены были и всѣ дѣти; и все это случилось въ одинъ день, чтобы не только свойствомъ искушеній, но и непрерывнымъ слѣдованіемъ ихъ подавить подвижника. А послѣ всѣхъ этихъ потерь, онъ, получивъ неисцѣлныя язвы на тѣлѣ, видѣлъ, какъ изъ тѣла его выползали черви, нагой сидѣлъ на 936 кучѣ навозной, и представлялъ для всѣхъ зрѣлище бѣдственности— онъ, *человѣкъ праведенъ, истиненъ, богочестивъ, удаляясь отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 1). Но бѣдствія не остановились и на этомъ, нѣтъ; присовокупились болѣзни дневныя и ночныя, и мучилъ его какой-то странный и необыкновенный голодъ. *Смрадъ бо зрю*, говорилъ онъ, *бранина моя* (Іов. vi, 7). Далѣе, ежедневныя поношенія, ругательства, брань, смѣхъ. Слуги мои, говорилъ онъ, и *сыны подложницъ моихъ* возстали на меня (xix, 16—18); потомъ ужасы въ сонныхъ видѣніяхъ, какое-то непрерывное волненіе въ мысляхъ (vii, 14). И отъ всѣхъ этихъ бѣдствій жена общала ему избавленіе, говоря такъ: *рыи нѣкій глаголю ко Господу, и умри* (ii, 9), произнеси, то есть, хулу на Бога, и освободишься отъ тяготящихъ надъ тобою бѣдствій. Что же? Этотъ совѣтъ поколебалъ ли святого мужа? Напротивъ, только болѣе укрѣпилъ его, такъ что онъ еще укорилъ жену свою. Онъ хотѣлъ лучше скорбѣть, бѣдствовать и терпѣть безчисленныя несчастія, нежели богохульствомъ пріобрѣсть избавленіе отъ столь многихъ бѣдствій. Такъ и находившійся въ болѣзни тридцать восемь лѣтъ (разслабленный) ежегодно приходилъ къ купели, и всякій разъ уходилъ, не получивъ исцѣленія; видѣлъ ежегодно, что другіе, имѣя много прислужниковъ, исцѣлялись, а онъ постоянно оставался въ разслабленіи, за неимѣніемъ, кто бы помогъ ему. И не смотря на это, онъ не прибѣгъ къ волшебникамъ, не пошелъ къ чародѣямъ, не навязалъ на себя перевязокъ, но ожидалъ помощи отъ Бога:

поэтому и получилъ наконецъ чудесное и необычайное испѣленіе (Іоан. v, 5—9). А Лазарь постоянно томился голодомъ, болѣзнію и одиночествомъ, не тридцать восемь только лѣтъ, но цѣлую жизнь: такъ онъ и умеръ, лежа у воротъ богатаго, терпя презрѣніе и насмѣшки, терзаемый голодомъ, брошенный какъ бы на снѣденіе псамъ, потому что тѣло его такъ разслабѣло, что онъ не могъ отгонять и собакъ, которыя прибѣгали и лизали гной на немъ. И однако, онъ не искалъ волхвователя, не обвѣшивалъ себя привѣсками, не прибѣгалъ къ волшебству, не приглашалъ къ себѣ чародѣевъ и не дѣлалъ вообще чего-либо запрещеннаго, но рѣшился лучше умереть въ этихъ бѣдствіяхъ, нежели хоть сколько нибудь измѣнить благочестію (Лук. xvi, 20, 21). Чѣмъ же извинимся мы, если въ то время, какъ эти люди терпѣливо перенесли столько несчастій, мы либо изъ-за лихорадки, либо изъ-за ранъ, бѣжимъ въ синагоги и приглашаемъ въ свои дома чародѣевъ и волшебниковъ? Не слышалъ ли ты, что говоритъ Писаніе? *Чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое, и потерпи: въ болѣзни и бѣдности на него уповаю буди. Яко во огни искушается злато, тако человекъ пріятенъ въ нещи смиренія* (Сирах. ii, 1—5). Если ты побѣдѣшь своего слугу, а онъ, получивъ тридцать или пятьдесятъ ударовъ, тотчасъ съ воплемъ потребуетъ освобожденія, или оставитъ тебя, своего господина, и уйдетъ къ другому кому-либо изъ числа твоихъ недруговъ, и этимъ раздражитъ (тебя): можетъ ли онъ, скажи мнѣ, получить прощеніе? Можетъ ли кто заступиться за него? Никакъ. Почему же? Потому что господинъ имѣетъ право 937 наказывать слугу; да и не поэтому только, но и потому, что, если уже надобно было (слугѣ) прибѣгнуть (къ кому-нибудь), такъ не къ врагамъ, не къ ненавистникамъ, но къ искреннимъ друзьямъ (господина). И ты, какъ увидишь, что Богъ наказываетъ тебя, прибѣгай не къ врагамъ Его—іудеямъ, чтобы не раздражить Его еще болѣе, но къ друзьямъ Его—мученикамъ, святымъ угодникамъ Его, которые имѣютъ къ Нему великое дерзновеніе. Но чтѣ говорить о слугахъ и господахъ? Сынъ не можетъ сдѣлать этого изъ-за побоевъ отъ отца, и отказаться отъ родства съ нимъ. И естественные, и самими людьми установленные законы повелѣваютъ (сыну) благодушно переносить все: бьетъ ли его (отецъ), лишаетъ ли стола, выгоняетъ ли изъ дому, наказываетъ ли какимъ бы то ни было образомъ; и если (сынъ) не покаряется и не сносить (наказанія), его не прощаетъ никто. Нѣтъ, сколько бы побитый сынъ ни жаловался, всѣ говорятъ ему такія слова: „тебя побилъ отецъ и господинъ, который властенъ сдѣлать все, что ему угодно; и должно (тебѣ) все переносить съ кротостію“. Такъ слуги пере-

носятъ отъ господъ и сыновья отъ отцовъ часто даже и тогда, какъ они наказываютъ ихъ несправедливо; а ты не потерпишь наказанія отъ Бога, Который и выше (всѣхъ) господъ, и любитъ тебя больше (всѣхъ) отцовъ, Который все предпринимаетъ и дѣлаетъ не по гнѣву, но для (твоей) пользы? Напротивъ, лишь случится какая нибудь легкая болѣзнь, тотчасъ уклоняешься отъ Его владычества, бѣжишь къ демонамъ, и спѣшишь въ синагоги?! Можешь ли получить наконецъ прощеніе? Какъ будешь въ состояніи опять призвать Его? Можетъ ли кто и другой, хотя бы имѣлъ дерзновеніе Моисеево, попросить за тебя? Никто. Развѣ не слышишь, что Богъ говоритъ Іереміи объ іудеяхъ? *Не молися о людехъ сихъ, яко, аще станутъ Моисей и Самуилъ, не услышу ихъ* (Іер. vii, 16. xv, 1). Такъ есть грѣхи, которые выше всякаго прощенія и не могутъ быть оставлены. Не будемъ же навлекать на себя столь великаго гнѣва (Божія). Притомъ іудеи, хотя бы, повидимому, и прекращали горячку (въ тѣлѣ) своими чарами,—на самомъ-то дѣлѣ они не прекращаютъ,—зато вводятъ въ совѣсть другую жесточайшую горячку, такъ какъ мысль каждый день будетъ уязвлять тебя, совѣсть—мучить и говорить: „ты поступилъ нечестиво, совершилъ беззаконіе, нарушилъ завѣтъ со Христомъ, изъ-за легкаго недуга измѣнилъ благочестію. Развѣ ты одинъ подвергся этому? Не гораздо ли болѣе тебя потерпѣли другіе? Однакоже никто изъ нихъ не отважился на подобное (твоему) дѣло: а ты, слабый и изнѣженный, стугилъ душу свою. Какъ отвѣтишь Христу? Какъ призовешь Его въ молитвахъ? Съ какою совѣстію накопецъ войдешь въ церковь? Какими глазами будешь смотрѣть на священника? Какою рукою прикоснешься къ священной трапезѣ? Какими ушами станешь слушать читаемое тамъ Писаніе?“

7. Вотъ что будетъ ежедневно говорить тебѣ терзающая мысль и мучающая совѣсть. Какое же это здоровье, когда внутри у насъ столько обвинителей? Но если потерпишь немного, если отвергнешь и съ великимъ безчестіемъ выведешь изъ своего дома тѣхъ, кто захотѣлъ бы или наговорить тебѣ какое либо чарованіе, или 938
обвязать тѣло какою либо перевязкою: сейчасъ получишь росу (успокоенія) отъ совѣсти. Пусть горячка жжетъ, сколько угодно: твоя душа доставитъ тебѣ прохладу лучше и спасительнѣе всякой росы, всякой влаги. Какъ по принятіи волшебнаго снадобья ты, если и выздоровѣешь, будешь чувствовать себя хуже больныхъ горячкою, отъ мысли о грѣхѣ; такъ и теперь, отвергну тѣхъ нечестивцевъ, хоть и будешь страдать горячкою и терпѣть множество бѣдствій, почувствуешь себя лучше всякаго здороваго, отъ того, что мысль твоя будетъ свѣтла, душа весела и радостна, со-

вѣсть станеть тебя хвалить, одобрять, и говорить: „хорошо, хорошо, другъ мой, рабъ Христовъ, вѣрный мужъ, подвижникъ благочестія, готовый лучше умереть бѣдственно, нежели измѣнить вѣренному (тебѣ) благочестію; въ тотъ день (суда) ты станешь съ мучениками“. Они порѣшили терпѣть бичеванія и пытки, чтобы получить честь (отъ Бога): и ты сегодня порѣшилъ терпѣть удары и муки отъ горячки и ранъ, только бы не принять нечестивыхъ чарованій и перевязокъ; и, питаемый этими надеждами (на вѣчныя награды), ты не будешь и чувствовать тяжкихъ болѣзней. Если не унесетъ тебя эта горячка, то унесетъ, конечно, другая; если не умремъ теперь, умремъ послѣ. Тлѣнное получили мы тѣло, не для того, чтобы изъ-за его болѣзней увлекаться къ нечестію, а для того, чтобы его болѣзнями утверждаться въ благочестіи. Самая тлѣнность и смертность тѣла послужить намъ, если только будемъ благоразумны, основаніемъ славы и доставить въ день (судный) великое дерзновеніе, и не только въ тотъ день, но и въ настоящей жизни. Ибо, когда ты выгонишь волшебниковъ изъ дому съ великимъ безчестіемъ, всѣ, услышавъ объ этомъ, похвалятъ тебя, подивятся, и скажутъ другъ другу: такой-то, въ болѣзни и недугѣ, хотя нѣкоторые просили его, убѣждали и уговаривали воспользоваться какими-то волшебными снадобыями, не принявъ ихъ, но сказалъ: лучше умереть такъ, чѣмъ измѣнить благочестію. Затѣмъ послѣдуютъ многія рукоплесканія отъ слушателей, которые всѣ будутъ изумляться, прославлять Бога. А это сколькихъ статуй будетъ для тебя почетнѣе, сколькихъ картинъ славнѣе, какой чести знаменитѣе? Всѣ (и тебя) похвалятъ, ублажатъ и увѣнчаютъ; и сами будутъ лучше, поревнуютъ и станутъ подражать твоему мужеству. Если и другой сдѣлаетъ то же (что ты), награду получишь именно ты, какъ сдѣлавшій починъ къ этой ревности. Впрочемъ, послѣдствіемъ твоего добраго дѣла будутъ не однѣ только похвалы, но и самое скорое прекращеніе болѣзни, потому что и самая доблестная рѣшимость твоя подвигнетъ Бога къ большему благоволенію, и всѣ святые будутъ сорадоваться твоему усердію и изъ глубины сердца молиться о тебѣ. Если же здѣсь такія награды за это мужество, то подумай, сколько вѣнцовъ получишь тамъ, когда Христосъ, въ присутствіи всѣхъ ангеловъ и архангеловъ, придетъ и, взявъ тебя за руку, выведетъ на средину того зрѣлища, и въ слухъ всѣмъ скажетъ: „этотъ человѣкъ, объятый нѣкогда огневицею, когда весьма

939 многіе убѣждали его излѣчиться отъ болѣзни, ради Моего имени и страха, чтобы не оскорбить Меня какъ-нибудь, отвергъ и презрѣлъ обѣщавшихъ вылѣчить его (волшебными) средствами, и порѣшилъ лучше умереть отъ болѣзни, нежели измѣнить любви ко

Мнѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, если (Христосъ) выводитъ на среду (прославляетъ) тѣхъ, которые напоили Его, одѣли и напители, тѣмъ болѣе тѣхъ, которые ради Его порѣшили потерпѣть мученія огневныя. Не все равно, дать ли хлѣбъ и одежду, или вытерпѣть продолжительную болѣзнь; нѣтъ, послѣднее гораздо труднѣе перваго. А чѣмъ больше трудъ, тѣмъ блистательнѣе будетъ и вѣнецъ. Объ этомъ-то будемъ и сами размышлять, и здоровые и больные, и съ другими говорить; и какъ увидимъ себя когда либо въ тяжелой горячкѣ, скажемъ себѣ вотъ что: „а что, если бы кто взвелъ на насъ обвиненіе, затѣмъ повлекли бы насъ въ судъ, а тамъ схватили бы и начали бить по бокамъ, не пришлось ли бы намъ, и по неволѣ, вытерпѣть все, и притомъ безъ всякой пользы и награды?“ Такъ будемъ рассуждать и теперь; будемъ притомъ представлять себѣ и награду за терпѣніе, которая можетъ ободрить и впавшую (въ уныніе) душу. Но если горячка жестока? Такъ сопоставь съ этой горячкой огонь гееннскій, котораго ты навѣрно избѣгнешь, если порѣшишь терпѣливо вынести эту болѣзнь. Вспомни объ апостолахъ, сколько они страдали; вспомни о праведникахъ, какъ они постоянно были въ скорбяхъ. Вспомни о блаженномъ Тимоѳеѣ,—онъ никогда не имѣлъ покоя отъ болѣзни, но жилъ въ постоянномъ недугѣ. На это-то указывая, Павелъ говорилъ: *мало вина приѣмли стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. v, 23). Если же такой праведникъ и святой, которому ввѣрено было управленіе вселенною, который воссмершалъ мертвыхъ, изгонялъ демоновъ и исцѣлялъ другихъ отъ безчисленныхъ болѣзней, если онъ страдалъ такъ тяжело; то какое извиненіе будешь имѣть ты, который и въ кратковременныхъ болѣзняхъ смущаешься и ропщешь? Не слышалъ ли ты, какъ Писаніе говорить, что *егоже любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, егоже приѣмлетъ* (Евр. xii, 6)? Какъ многіе и сколько разъ хотѣли получить мученичeskій вѣнецъ? Вотъ это (терпѣніе въ болѣзни) настоящій мученичeskій вѣнецъ! Мученикомъ бываетъ не тотъ только, кто, получивъ повелѣніе (отъ мучителя) принести жертву (языческимъ богамъ), порѣшилъ лучше умереть, чѣмъ принести эту жертву; нѣтъ, мученичество очевидно есть и то, когда человѣкъ вообще соблюдаетъ (ради Христа) что-либо такое, чѣмъ можетъ навлечь на себя смерть.

8. А чтобы увѣриться тебѣ, что это точно такъ, вспомни, какъ умеръ Іоаннъ (Креститель), отчего и почему,—и какъ Авель. Ни тотъ, ни другой изъ нихъ не видѣлъ ни горящаго жертвенника (идольскаго), ни стоящаго идола, и не былъ принуждаемъ принести жертву демонамъ; но одинъ усѣченъ въ главу за то только, что обличилъ Ирода, а другой убитъ за то, что принесъ Богу лучшую

жертву, нежели братъ его. Ужели же они не получили мученическихъ вѣнцовъ? Кто осмѣлится сказать это? Самый родъ смерти ихъ можетъ удостовѣрить всѣхъ, что они стоятъ въ ликѣ первыхъ мучениковъ. Если же ты хочешь видѣть и Божіе о томъ опредѣленіе, послушай, что говоритъ Павелъ; а что вѣщаетъ онъ, то, очевидно, есть (вѣщаніе) Духа: *мнюся бо и азъ, говоритъ онъ о себѣ, Духа Божія имѣти* (1 Кор. vii, 40). Что же говоритъ Павелъ? — Начавъ съ Авеля, и сказавъ, что онъ *множайшую жертву паче Каина принесе Богу, и тою умерый еще млаолоетъ* (Евр. xi, 4), затѣмъ перешедши къ пророкамъ, дошедши до Іоанна, и сказавъ: *убійствомъ меча умроша, друзіи же искушени бышо* (ст. 37), и упомянувъ о множествѣ различныхъ смертей, Павелъ заключилъ такъ: *тѣмже убо и мы, толкѣ имуще облежати насъ облакъ свидѣтелей* (мучениковъ), *гордость всяку отложше, терпѣніемъ да течемъ* (xii, 1). Видишь, что онъ мучениками назвалъ и Авеля, и Ноя, и Авраама, и Исаака, и Іакова. Ибо и они такъ же умерли ради Бога, какъ и Павелъ говоритъ о себѣ: *по вся дни умираю* (1 Кор. xv, 31), хотя онъ не умиралъ на самомъ дѣлѣ, но только готовностію (умереть) терпѣлъ смерть. Такъ и ты, если отвергнешь волхвованія, чары и ворожбы, и умрешь отъ болѣзни, будешь совершенный мученикъ, потому что, когда обѣщали тебѣ выздоровленіе посредствомъ нечестія, ты порѣшилъ лучше умереть съ благочестіемъ. Это сказано нами къ тѣмъ, которые хвалятся и говорятъ, что демоны исцѣляютъ. А чтобы тебѣ увѣриться, что и это неправда, послушай, что Христосъ говоритъ о діаволѣ: *онъ челоуѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. viii, 44). Богъ говоритъ: *челоуѣкоубійца*, а ты бѣжишь, какъ къ врачу? Какой же, скажи мнѣ, дашь отвѣтъ на обвиненіе въ томъ, что обманамъ этихъ людей вѣришь болѣе, нежели изреченію Христа? Если Богъ говоритъ, что (діаволъ) челоуѣкоубійца, а эти люди, вопреки Божію рѣшенію, говорятъ, что онъ можетъ врачевать болѣзни, и ты принимаешь ихъ чары и волшебныя лѣкарства, то такимъ поступкомъ своимъ ты показываешь, что имъ вѣришь болѣе, нежели Христу, хотя и не высказываешь этого словами. А если діаволъ—челоуѣкоубійца, то, очевидно, таковы же и служители его—демоны. Это Христосъ показалъ тебѣ на самомъ дѣлѣ: когда Онъ позволилъ имъ войти въ свинное стадо, они все это стадо потопили въ морѣ (Лук. viii, 33), дабы ты зналъ, что они то же сдѣлали бы и съ людьми, и тотчасъ погубили бы ихъ, если бы Богъ позволилъ имъ. Но вотъ Овъ удержалъ и обуздалъ ихъ, и не позволилъ имъ дѣлать что-либо такое: это и доказали они, когда получили власть надъ свиньями. Ибо, если они не пощадили свиней, тѣмъ болѣе не пощадили бы насъ. Итакъ, возлюбленный, не

увлекайся ихъ обольщеніями, но будь твердъ въ страхѣ Божіемъ. Какъ войдешь ты въ синагогу? Если запечатлѣешь лице свое (крестнымъ знаменіемъ), тотчасъ убѣжить вся вражія сила, обитающая въ синагогѣ; а если не запечатлѣешь, то уже при самомъ входѣ ты бросишь свое оружіе, и тогда діаволь, нашедши тебя беззащитнымъ и безоружнымъ, причинить тебѣ множество зла. Но къ чему намъ говорить объ этомъ? Что и самъ ты считаешь величайшимъ грѣхомъ идти въ нечистое то мѣсто (синагогу), это видно изъ того, какъ ты отправляешься туда. Ты стараешься уйти туда тайно, и слугамъ, и друзьямъ, и сосѣдямъ запрещаешь доносить на тебя священникамъ; а если кто донесетъ, сердисься. Какъ же безумно—отъ людей стараться укрыться, а предъ очами Бога вездѣсущаго совершать, безъ стыда, такое 941 беззаконіе? Но ты не боишься Бога? Такъ постыдись хоть самихъ іудеевъ. Какими глазами станешь смотрѣть на нихъ? Какимъ языкомъ будешь говорить съ ними, когда, исповѣдуя себя христіаниномъ, бѣжишь въ ихъ синагоги и просишь у нихъ помощи? Или не думаешь, какой они поднимаютъ надъ тобою смѣхъ, какія ругательства, какое поношеніе, какой срамъ, какой позоръ, если и не явно, такъ въ совѣсти своей?

9. Можно ли же, скажи мнѣ, терпѣть, можно ли сносить это? Если бы надлежало тысячу разъ умереть, если бы надлежало вытерпѣть самыя тяжкія страданія: не лучше ли было бы перенести всѣ эти страданія, нежели сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ и поруганій для этихъ нечестивцевъ, и жить съ нечистою совѣстію? Говорю это не для того, чтобы вы только слушали, но чтобы врачевали болящихъ этимъ недугомъ. Какъ ихъ укоряемъ мы въ томъ, что они немощны въ вѣрѣ; такъ укоряемъ и васъ въ томъ, что не хотите исправлять немощныхъ. Развѣ въ томъ дѣло, возлюбленный, чтобы ты, вошедши сюда, выслушалъ поученіе? Это-то и служить къ осужденію, когда съ слушаніемъ поученій не соединяется самое дѣло. Ты христіанинъ для того, чтобы подражалъ Христу и повиновался Его законамъ. Что же Онъ дѣлалъ? Не сидѣлъ въ Іерусалимѣ и не призывалъ больныхъ къ Себѣ, но ходилъ по городамъ и селеніямъ, врачуя болѣзни—и тѣлесныя и душевныя. Могъ, конечно, Онъ, находясь въ одномъ мѣстѣ, привлечь къ себѣ всѣхъ: однакоже не дѣлалъ этого, подавая намъ примѣръ, какъ (слѣдуетъ) ходить вездѣ и искать погибающихъ. На это же самое указалъ Онъ и притчею о пастырѣ. И этотъ не сѣлъ при девяноста девяти овцахъ, и не сталъ выжидать, пока заблудшая придетъ къ нему; нѣтъ, онъ самъ пошелъ, напелъ ее, и нашедши, положилъ на плеча свои, и принесъ (Лук. хv. 4 — 6). Не видишь ли, что и врачи поступаютъ точно такъ

же? Они не требуютъ, чтобы больные, лежащіе на постеляхъ, приносили были въ ихъ дома, но сами приходятъ къ нимъ. Такъ поступи и ты, возлюбленный, зная, что настоящая жизнь кратка, и что, если мы (здѣсь) не соберемъ такихъ пріобрѣтеній, тамъ никакъ не получимъ спасенія. Часто пріобрѣтеніе и одной души можетъ уничтожить бремя безчисленныхъ грѣховъ, и сдѣлаться для насъ выкупомъ въ день (судный). Подумай, для чего посылались такъ часто пророки, для чего—апостолы, для чего—праведники, для чего—ангелы? Для чего пришелъ Самъ Единородный Сынъ Божій? Не для того ли, чтобы спасти людей? Не для того ли, чтобы заблудшихъ возвратить на путь? Это сдѣлай и ты по силѣ своей, покажи все стараніе и заботливость о возвращеніи заблудшихъ на путь (истины). Къ этому постоянно убѣждаю васъ въ каждое собраніе, и будете ли вы внимать, или не будете, я не перестану говорить. Намъ постановлено отъ Бога закономъ исполнять это служеніе, будетъ ли кто слушать, или не будетъ. Только, если вы станете слушать и исполнять слова наши, мы будемъ дѣлать это съ великимъ удовольствіемъ; если же будете небрежны и безпечны,—съ великою скорбію. Ибо намъ-то, конечно, не будетъ никакого вреда отъ вашего непослушанія, потому что мы исполнили свой долгъ; однакоже, хоть мы сами и безопасны, исполнивъ свой долгъ, но скорбимъ, что вы будете обвинены въ тотъ день. Да, слушаніе (поученій) будетъ не безопасно для васъ, если оно не будетъ сопровождаться дѣлами. Послушай, какъ Христосъ, осуждая учителей за сокрытіе слова, въ то же время угрожаетъ и поучаемымъ. Сказавъ: *подобаше тебѣ вдати сребро Мое торжникомъ*, и присовокупивъ: *и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихою* (Матѣ. хху, 27), этимъ Онъ показалъ, что принявшіе наставленіе, по выслушаніи его (это-то и есть отдача серебра), должны приносить прибыль. А прибыль ученія состоятъ не въ другомъ чемъ, какъ въ дѣлахъ. Итакъ, поелику и мы передали сребро (ученія) слуху вашему, то необходимо уже, чтобы вы представили Господу прибыль, то есть, спасеніе вашихъ братьевъ. Поэтому, если вы только удержите въ себѣ эти слова мои, и не сдѣлаете ничего сами, я боюсь, чтобы вамъ не быть осужденными подобно закопавшему талантъ. Ибо и онъ связанъ былъ по рукамъ и ногамъ, и выброшенъ во тьму кромѣшнюю (Матѣ. хху, 30) за то, что не передалъ другимъ, что самъ слышалъ. Итакъ, чтобы и намъ не подвергнуться той же участи, будемъ подражать получившимъ пять и два таланта; и нужно ли будетъ для спасенія ближняго употребить слово, или деньги, или тѣлесный трудъ, или другое что-либо, не полѣнимся, дабы, всячески умноживъ данный намъ отъ Бога талантъ, каждый въ сво-

ей мѣръ, могли мы услышать этотъ блаженный голосъ: *добръ, рабе благій и вѣрный, о малъ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю: вниди въ радость Господа твоего* (Матѣ. xxv, 21). Ея-то да сподобимся мы, по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава и держава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

